

Федеральное агентство по образованию
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Бийский педагогический государственный университет
им. В.М. Шукшина»

На правах рукописи

Пруцких Татьяна Анатольевна

**ПРОЯВЛЕНИЕ ИКОНИЗМА В ЯЗЫКЕ:
ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ**

Специальность 10.02.19 – теория языка

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Е.Б. Трофимова

Бийск – 2008

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА I. ФОНОСЕМАНТИКА КАК ИНТЕГРАТИВНАЯ НАУЧНАЯ ДИСЦИПЛИНА ЯЗЫКОВЕДЧЕСКОГО ЦИКЛА	13
§ 1. Отражение иконичности в теориях происхождения языка	13
§ 2. Онтологический статус знака	22
2.1. Знак как предмет семиотики	23
2.2. Знаковая теория Ч. Пирса. Виды иконических знаков.....	25
2.3. Понятие интерпретатора в процессе семиозиса	29
2.4. Относительность иконичности языкового знака	31
2.5. Типы знаковой мотивированности в языке: семантическая, морфологическая, фонетическая	34
§ 3. Фоносемантика как раздел психолингвистики	36
3.1. Внутренние (лингвистические) предпосылки фоносемантики.....	36
3.2. Исходные теоретические положения фоносемантики	40
§ 4. Звукоизобразительная система китайского языка как пример существования отношений между звучанием и значением.....	46
4.1. Фонологическая система китайского языка.....	47
4.1.1. Тоны китайского языка.....	51
4.1.2. Структура китайского слога.....	54
4.1.3. Лабиальные финалы в современном китайском языке.....	61
4.2. Звукоизобразительная система китайского языка.....	64
4.2.1. Звукосимволизм текста.....	66
4.2.2. Звукосимволические слова.....	72
4.2.3. Звукоподражательные слова	80
4.2.4. Междометия.....	86
Выводы по Главе 1	89

ГЛАВА II. ФОНОСЕМАНТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЛАБИАЛЬНЫХ ФИНАЛЕЙ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА (лабиальность и округлость).....	91
§ 1. Звукосимволические значения финалей китайского языка.....	91
1.1. Восприятие пространственных характеристик объекта	91
1.2. Измерение фонетического значения финалей китайского языка (пилотажное исследование)	94
§ 2. Звукосимволическая роль лабиальных финалей в обозначении округлого	99
2.1. Программа фоносемантического исследования значения округлости	100
2.2. Исследования словарных дефиниций китайского языка.....	102
2.3. Счетные слова в обозначении округлых предметов	104
2.4. Измерение фонетического значения слов с лабиальными финалями	110
2.4.1. Метод анкетирования	110
2.4.2. Метод подбора.....	114
§ 3. Фоносемантические универсалии выражения округлости.....	117
Выводы по Главе 2	121
ГЛАВА III. ФОНОСЕМАНТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЛАБИАЛЬНЫХ ФИНАЛЕЙ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА (лабиальность и пейоративность).....	122
§ 1. О пейоративном значении.....	122
§ 2. Лабиализация как способ выражения пейоративного значения	124
2.1. Программа исследования звукосимволического значения пейоративности	124
2.2. Фоносемантический анализ текста	125
2.2.1. Поэтический текст.....	125
2.2.2. Прозаический текст.....	127
2.3. Исследование отрицательных слов с общеоценочным значением.....	129
2.4. Исследование отрицательных слов с частнооценочным значением	130
2.4.1. Исследование группы слов со значением «нарушение утилитарных норм»	130
2.4.2. Исследование группы слов со значением «нарушение моральных норм»	137

2.5. Экспериментальное исследование лабиальных финалей по признаковой шкале «хороший – плохой».....	144
2.6. Пейоративные междометия.....	149
§ 3. Фоносемантические универсалии выражения пейоративности.....	152
Выводы по Главе 3	154
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	155
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	159
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ.....	178
ПРИЛОЖЕНИЕ № 1 Таблица транскрипций китайских инициалей и финалей.....	181
ПРИЛОЖЕНИЕ № 2 Таблица лабиальных слогов китайского языка.....	182
ПРИЛОЖЕНИЕ № 3 Тексты для определения удельного веса лабиальных финалей в китайском языке	187
ПРИЛОЖЕНИЕ № 4 Словарь терминов.....	195
ПРИЛОЖЕНИЕ № 5 Таблица символических значений финалей китайского языка	198
ПРИЛОЖЕНИЕ № 6 Таблица односложных слов со значением «округлости».....	203

ВВЕДЕНИЕ

После того, как Ф. де Соссюр провозгласил принцип произвольности языкового знака, который на долгие годы стал лозунгом структурной лингвистики, все другие точки зрения оказались лежащими вне науки. «Отношение между звуком и значением в языках пытались установить часто, но не всегда успешно. Языкознание сопротивлялось таким попыткам, подвергая их сомнению или вообще не признавая, так как усматривало в них дилетантство. Все это не мешает, однако, тому, что подобные отношения действительно существуют» (Вестерман 1963: 94).

В формулировке семиотического постулата о произвольности языкового знака Ч. Пирс установил неточность: требования универсальности знаковой системы приводят к желательности немотивированности связи между означаемым и означающим, а требования надежности делают необходимой «зацепку» за любые виды мотивированности, так что в любой реально существующей функционирующей знаковой системе, в том числе и в языковой, устанавливается динамическое равновесие этих противоположных тенденций, и понять истинную природу такой системы без учета компонента мотивированности принципиально невозможно (Мельников 1976).

Итак, мотивированность, произвольность, иконичность языкового знака – это отношение подобия означающего и означаемого; то сходство, на основании которого происходит соединение значения и акустического образа; «пучок связей между звуковой формой слова и признаком объекта-денотата, лежащим в основе номинации» (Валуйцева 1987: 6).

Звукосимволические исследования имеют давнюю историю: в Греции – колыбели науки – изучением связи между вещами и их наименованиями занимались философы, положившие начало спору, продолжавшемуся веками, суть которого заключается в том, принадлежит ли имя вещи «по установлению» – «тесей» или «по природе» – «фюсей». По мнению Платона, который одним из первых высказал идеи об ассоциациях между отдельными

звуками и теми или иными качествами вещей, слово есть некое подобие предмета, более или менее совершенное его отображение.

В последующем лингвофилософский кругозор и география исследователей значительно расширились. Проблемой связи звука и значения занимались такие великие ученые, как Фома Аквинский, Г.В. Лейбниц, Ж.Ж. Руссо, М.В. Ломоносов, В. фон Гумбольдт, а в XX веке В. Вундт, Э. Сэпир, О. Есперсен, Р. Браун, Ж.-М. Петервальви, Э. Бенвенист, Р. Якобсон и др. В отечественной лингвистике теорией и практикой звукосимволизма занимались А.А. Леонтьев, В.В. Левицкий, А.П. Журавлев, А.А. Потебня, С.В. Воронин, А.М. Газов-Гинзберг, И.Н. Горелов, А.М. Шахнарович, Г.Н. Иванова-Лукиянова и др., а в настоящее время данную проблему продолжают исследовать Ю.А. Сорокин, И.И. Валуйцева, М.В. Дубровская, В.Г. Борботько, И.Ю. Павловская и др. Основные вехи и итоги изучения ономотопеи (звукоподражания) и звукосимволизма на рубеже XX и XXI веков изложены в монографии С.В. Воронина «Основы фоносемантики» (Воронин 1982: 8-21).

Чрезвычайно большое – и все возрастающее – число фактов языка (факты звукоизобразительности, полученные с помощью наблюдений над языковым и речевым материалом и с помощью лингвистических экспериментов) оказалось необъяснимым в рамках таких традиционных языковедческих дисциплин, как фонетика и семантика, и с позиций постулата произвольности и теории «тесей», что обусловило возникновение и становление фоносемантики – дисциплины, имеющей своим предметом звукоизобразительную систему языка.

Вопрос, который продолжает оставаться в лингвистике предметом оживленных споров формулируется так: каким образом возможно сосуществование «отприродной» (по выражению А.П. Журавлева) связи звука и смысла, с одной стороны, и изменчивости фонетических систем в синхронии (от языка к языку) и в диахронии (в процессе исторического развития языка), с другой? Основные возражения против существования звукосимволизма сводятся обычно к следующему: если бы звучание и значение слова были связаны друг с другом произвольно, то не было бы возможным ни

существование различных названий одного и того же предмета в различных языках, ни изменение звуковой оболочки слова в процессе исторического развития. Позиции относительно приоритета конвенциональности/иконичности языкового знака, если рассматривать данную дилемму ретроспективно, сменяли друг друга, подобно маятнику, поскольку «...двигаясь от условности в мотивированности, а от нее снова к условности, человеческие языки проходят бесконечный ряд циклов» (Ажеж 2003: 119).

На разных этапах своего развития наука накапливает критический объем материала в рамках определенной методологии, когда приходит время «собирать камни» с тем, чтобы перейти в качественно новое состояние и подняться на очередную эволюционную ступень своего существования. Смена парадигм в лингвистике, от системоцентризма к антропоцентризму (Алпатов 1995; Кубрякова 1995; Залевская 1999 и др.), открывает принципиально иную плоскость для исследования различных явлений языка, позволяющую ответить на вопрос о формировании, восприятии и производстве речи (Белянин 1988: 8). Подход с антропоцентрических позиций объясняется тем, что самое тщательное и детальное сопоставление языковых систем не может обеспечить достижения межъязыковых и межкультурных сопоставлений без обращения к носителям языка (Залевская 1996: 25). Антропоцентрический подход представляет непосредственную связь с носителем языка через фиксацию самого процесса порождения и восприятия речи. Большую роль в этом случае играют данные, полученные в условиях психолингвистического эксперимента (Трофимова 2008).

«Кажется совершенно очевидным, что существует связь между звуком и его значением; но характер этой связи редко удается описать достаточно полно, часто о нем можно лишь догадываться, а в большинстве случаев мы не имеем о нем никакого представления» (Гумбольдт 1984: 92). Именно потому, что связь между звучанием и значением далеко не всегда лежит на поверхности, звуко-символические слова по-прежнему остаются малоисследованным пластом лексики любого языка и представляют большой научный интерес для

исследования. Наиболее объективно определить уровень мотивированности, иконичности языкового знака представляется возможным только в ходе работы с информантами, в процессе психолингвистического эксперимента, путем фоносемантических исследований, чему и посвящена данная диссертационная работа.

Целью данной работы является исследование звукосимволической связи между лабиальными звуками и значением округлости и пейоративности в словах с лабиальными финалями в китайском языке, подтверждение межъязыкового характера выполнения лабиальными звукоизобразительной функции указания на округлость денотата и звукосимволической роли лабиальных в выражении отрицательного значения.

Объектом исследования являются лабиальные финали китайского языка.

Предмет исследования – проявление феномена звукоизобразительности в лабиальных финалях как носителях значения округлости и пейоративности.

Актуальность выбранной темы обусловлена тем, что на протяжении долгого времени, начиная с Платона и до сегодняшних дней, проблема иконизма языкового знака на разных уровнях восприятия остается глубоко научной, современной и широко обсуждаемой. По мнению ряда исследователей, в настоящее время в мировой лингвистике «наиболее фундаментальными представляются две проблемы: проблема мотивированности языковой формы и проблема автономности либо взаимообусловленности языковых подсистем» (Циммерлинг 2000: 132). Оценка взаимодействия физической и ментальной составляющих знака необходима для понимания общего устройства языка, его внутренних законов, особенностей восприятия человеком предметов и явлений действительности. Кроме того, оценка иконического потенциала языка помогает понять условия его происхождения и наиболее вероятный характер языковых преобразований в будущем.

В соответствии с поставленной целью в работе решаются следующие **задачи**:

- 1) определяется статус звукоизобразительных и звукосимволических слов в системе языка;
- 2) проводится ретроспективный анализ проблем, связанных с теориями происхождения языка и проявлениями знакового иконизма;
- 3) на основе анализа словарей и текстов, определяется удельный вес лабиальных в китайском языке;
- 4) экспериментально исследуется восприятие «фонетического значения» китайских лабиальных финалей носителями китайского языка;
- 5) верифицируются данные экспериментов на материале естественного языка (анализ словарных дефиниций и текстов).

Для выполнения поставленных задач в диссертации используются следующие **методы**: анализ словарных дефиниций, метод семантического дифференциала, метод подбора (matching experiment), метод анкетирования, фоносемантический анализ текста; также использованы сопоставительный метод, метод статистического анализа, прием сплошной выборки, элементы количественного анализа, применяемые для обработки результатов эксперимента.

Достоверность и объективность исследования подтверждается достаточно большим количеством экспериментальных данных (в 10 экспериментах – 9344 ответа), полученных от носителей китайского языков.

Материалом исследования послужили китайские финали, представленные в экспериментах с носителями языка; слова и классификаторы (счетные слова) с лабиальными финалями со значением округлости, полученные методом сплошной выборки из словарей и в результате работы с информантами (200 иероглифов); слова с негативным значением, полученные в результате изучения семантического поля этических категорий Древнего Китая (Тань Аошуан 2000), анализа словарных дефиниций и работы с информантами (350 иероглифов); тексты художественного, экономического и разговорного стилей для определения удельного веса лабиальных финалей; тексты

прозаического и поэтического характера для проведения фоносемантического анализа.

Научная новизна исследования состоит в том, что на основе обширного исследовательского материала с применением различных лингвистических методик изучается проблема связи звучания и значения как проявление иконизма разного уровня. Впервые фоносемантические исследования проводятся на материале китайского языка с привлечением примеров из других разноструктурных языков (английского, немецкого и русского) для подтверждения проявления межъязыкового звуко-символизма.

Теоретическая значимость работы состоит в аргументированном доказательстве на конкретном языковом материале примарной мотивированности языкового знака, что вносит определенный вклад в исследование звукоизобразительной системы языка.

Практическая значимость работы состоит в том, что разработан алгоритм исследования звуко-символических значений, который может быть использован при аналогичном лингвистическом анализе в других языках. Результаты, полученные в ходе исследования, могут широко использоваться в сфере прикладной лингвистики. Материалы диссертации могут быть использованы в теоретических курсах по общему языкознанию, теоретической фонетике и лексикологии китайского языка, в спецкурсах по фоносемантике и психолингвистике, а также в методике преподавания иностранного языка.

На защиту выносятся следующие основные положения:

1. Дифференциальный признак значения «округлости» в китайском языке в артикуляционном плане преимущественно представлен лабиальными финалями.
2. Значение пейоративности фоносемантически связано с лабиальностью, психолингвистический анализ акцентирует влияние человеческого фактора, что позволяет понять природу оценки.
3. Лабиальные финали китайского языка порождают звуко-символические значения двух типов, находящихся на разных уровнях абстракции:

выражение округлости как отражение в значении конфигурации лабиальных звуков и значение пейоративности, связанное с характером ассоциаций, вызываемых восприятием лабиальных фонетических единиц.

4. Тон в китайском языке является экспрессивно маркированным в выражении пейоративности и нейтральным в выражении округлости.
5. Отражение в лабиальных звуках значений округлости и пейоративности есть проявление межъязыкового звукосимволизма.

Апробация работы. Основные положения исследования в виде докладов, выступлений, сообщений излагались на научных конференциях: «Лингвистические парадигмы и лингводидактика» (Байкальский государственный университет экономики и права, 2004, 2005, 2008 гг.), Региональная конференция молодых ученых (Иркутский государственный лингвистический университет, 2004), «Художественный текст: варианты и интерпретации» (Бийский педагогический государственный университет им. В.М. Шукшина, 2004) и на аспирантских семинарах Центра языковой подготовки БГУЭП (Иркутск, 2004-2008 гг.).

Структура работы определяется ее целью и поставленными в ней задачами. Диссертация общим объемом 207 страниц носит экспериментально-теоретический характер, состоит из Введения, 3 глав, Заключения, Списка литературы и 6 Приложений.

Во *Введении* дается обоснование выбора темы диссертации, формулируется цель, объект, предмет, задачи и методы исследования, раскрывается его актуальность и научная новизна, определяется теоретическая значимость и практическая ценность исследования, излагаются положения, выносимые на защиту.

В *первой главе* «Фоносемантика как интегративная научная дисциплина языковедческого цикла» с целью подтверждения естественного отприродного характера возникновения человеческой речи и мотивированности языкового знака, критически осмысливаются основные понятия семиотики и фоносемантики, анализируются теории происхождения языка, связанные с

отражением иконичности. На примере китайского языка представлена звукоизобразительная система как предмет изучения отношений между звучанием и значением.

Во *второй главе* «Фоносемантическое исследование лабиальных финалей китайского языка (лабиальность и округлость)» на основе анализа словарных дефиниций и экспериментальным путем доказано наличие фоносемантической связи между лабиальностью и округлостью. Привлечение материала из других, разноструктурных языков (английского, немецкого, русского) позволяет подтвердить межъязыковой характер звукосимволизма.

В *третьей главе* «Фоносемантическое исследование лабиальных финалей китайского языка (лабиальность и пейоративность)» в результате составления и изучения семантического поля этических пейоративов, анализа словарных дефиниций и работы с информантами установлено наличие фоносемантической связи между лабиальностью и отрицательным значением. Фоносемантический анализ текстов позволил охарактеризовать лабиальные финали со звукосимволическим негативным значением как класс.

В *Заключении* обобщаются основные результаты проведенного исследования, формулируются выводы, а также намечаются перспективы дальнейшего исследования.

Список научных источников включает 234 наименования (из них 50 на китайском и английском языках).

В *Приложениях* представлены: таблица транскрипций китайских инициалей и финалей; таблица общего числа лабиальных финалей китайского языка; три текста, использованные для определения удельного веса лабиальных; терминологический словарь; таблицы символических значений финалей китайского языка (пилотажное исследование) и таблица китайских слов со значением округлости.

ГЛАВА I. ФОНОСЕМАНТИКА КАК ИНТЕГРАТИВНАЯ НАУЧНАЯ ДИСЦИПЛИНА ЯЗЫКОВЕДЧЕСКОГО ЦИКЛА

В данной главе мы рассматриваем основные понятия работы и их интерпретацию в современной лингвистике. Изучение проблемы происхождения языка через призму отражения иконичности языкового знака позволяет подтвердить естественный, отприродный характер возникновения речи человека. Как нам представляется, исследование проблемы мотивированности языкового знака, его основных свойств поможет разобраться в сущности языковой номинации звукосимволических слов. Фоносемантика как раздел психолингвистики обосновывает методологическую и экспериментальную базу исследования. Поскольку исследование проводится на материале китайского языка, который по-прежнему остается малоизученным языком, то первым шагом к анализу собственно языкового материала становится анализ фонологических особенностей китайского языка. В процессе изучения звукоизобразительной системы китайского языка рассматриваются междометия, звукоподражательные и звукосимволические слова, различающиеся характером иконизма.

§ 1. Отражение иконичности в теориях происхождения языка

Онтологию языка невозможно до конца понять без обращения к его истокам: исследуя причины появления языка, строя гипотезы относительно структуры, свойств и функции первичных языков, можно лучше постичь сущностные свойства современного языка. Хотя Парижское лингвистическое общество еще в 1866 году закрыло тему происхождения языка, этот вопрос до сих пор остается в сфере научных интересов многих ученых и активно обсуждается в науке. В современной литературе имеется достаточное количество обзоров разных точек зрения на проблему происхождения и эволюции языка (Спиркин 1957, Газов-Гинзберг 1965, Якушин 1985, Донских 1988, Николаева 1996, Вишняцкий 2002, Трофимова 2003). Поэтому в данном

разделе по преимуществу будут рассмотрены только те теории происхождения языка, которые непосредственно связаны с проявлением иконичности.

И в классической древнегреческой, и в древнекитайской теории имени стоял вопрос о правильности имен, что определялось их соответствием природе вещей.

Именно *древнегреческие* философы впервые вели спор об отприродном характере возникновения языка, о мотивированности связи между означающим и означаемым, об иконичности языкового знака. Сократ в «Кратиле» утверждает, что именование является «подражанием существу посредством слогов и букв» (Платон 1968), то есть слово является звукоподражательным.

Считается, что именно идея «отприродности» стала отправной точкой для звукоподражательной гипотезы происхождения языка, которую поддерживали и *стоики*, считающие, что первые слова подражали звукам, окружающим человека – крикам животных, различным шумам, звукам природы. Таким образом, они утверждали о связи между звуковым составом слова и тем, что слово обозначает, причем, слово может непосредственно подражать окружающим звукам (*звукоподражать*), а может обозначать впечатление от вещей (*звукосимволизировать*): неприятные предметы вызывают неприятные чувства, выражаются в неприятных звуках, и наоборот.

С позиций *древнекитайской* философии роль установителя имен выполняли правители государства. Конфуций, говоря о правильности употребления имен, имеет в виду, прежде всего, общение между государем и подданным, правителем и исполнителем. Вот почему важно, чтобы слова благородного мужа были правильными, «имели под собой основание», то есть указания должны быть точными и понятными исполнителю. Такими же должны быть и законы, их исполнение и наказание за нарушение. Иначе, «дела не могут осуществляться» и «народ не знает, как себя вести» (Древнекитайская философия 1972: 162). Базовая для конфуцианства концепция «исправления имен» непосредственно связана с нормативностью. В главе «Исправление имен» трактата 3 в. до н.э. «Сюнь-цзы» утверждается, что главное – это чтобы

одинаково воспринимаемое обозначалось одинаково, а воспринимаемое по-разному – различно. «Именуемость» (you ming) основана на применении признаков сходства и различия. Правильность различения, приводящая к «прояснению ценного и неценного», не дает «помыслам» оказаться невыразимыми, а «делам» – «затрудненными» или «оставленными без внимания». Таким образом, для древнекитайской научной традиции характерно требование соблюдения взаимной однозначности соотношения имени и сущности, а также полноты, структурности и непротиворечивости набора имен (Карапетьянц 1996: 176-177). Нам представляется, что данная концепция о связи между словом и свойствами того, что оно обозначает, соотносима с идеей иконизма, основанной на сходстве имени и значения.

В соответствии с целями нашего исследования необходимо более подробно остановиться на теориях естественного эволюционного биологического происхождения языка. Как пишет С.А. Бурлак, гипотеза происхождения языка должна «учитывать способности природы к самоорганизации: когда из атомов строятся молекулы, из молекул строятся живые клетки, работа клеток и их систем – органов и тканей – обеспечивает жизнь организмов, нет необходимости в каком-либо внешнем творце, который бы обеспечивал все эти процессы» (Бурлак 2008: 89-90). Ведь точно также и язык как самоорганизуемая система состоит из разных уровней: из фонем складываются слоги, из слогов слова, из слов фразы, а грамматика и семантика обеспечивает жизнь языка как организма.

Как же происходил этот естественный процесс формирования языковой способности человека? Появление языка можно рассматривать как следствие более интенсивного использования гоминидами тех способностей к знаковой коммуникации, которые имеются уже у человекообразных обезьян. Эта интенсификация была обусловлена неблагоприятными изменениями среды обитания, ростом компенсирующей роли культурного (не детерминированного генетически) поведения и резким увеличением объемов информации, циркулировавшей в сообществах наших предков и необходимой для успешной

адаптации к новым условиям существования. Мозговые центры, обеспечивающие, как считается, производство и восприятие знаков, были достаточно выражены уже у первых представителей рода *Номо*, живших около 2 млн. лет назад, но использовались ли эти центры тогда именно в данном качестве и, если да, то в какой мере, сказать, невозможно. Невозможно также с уверенностью сказать, какого рода знаки – визуальные или звуковые – играли главную роль в развитии языка на самых ранних стадиях его эволюции. Речь, судя по антропологическим данным, зазвучала на Земле как минимум 300-400 тысяч лет назад, когда анатомические органы, участвующие в произнесении звуков, приобрели свое современное или близкое к таковому строение (Вишняцкий 2002: 60).

Предок человека был вынужден приспособливаться к окружающей среде, которая медленно, но неуклонно менялась, а потому у него стали развиваться все более специфические способности, позволяющие ему выжить и адаптироваться к происходящим изменениям.

После сотен тысяч лет, понадобившихся для возникновения языковой способности, последовали долгие периоды ее развития. Она совершенствовалась в результате постоянного взаимодействия между людьми, благодаря которому, как и во всех других живых организмах, изучаемых в биологии, врожденные способности вступают в связь со средой и историей. Это развитие протекало параллельно с усложнением структуры новой коры головного мозга. У *Номо sapiens* кора – орган понятийного мышления, и своими тридцатью миллиардами нейронов она со всех сторон окружает, но не подавляет более древние части мозга: архаический, или рептильный, мозг – предполагаемое хранилище инстинктов и лимбический мозг – вместилище эмоций (Ажеж 2003: 20).

Если посмотреть на проблему происхождения языка с привлечением данных нейробиологии, то мы обнаружим подтверждение генетической звукоизобразительности языка. Как подчеркивал Б. Робинсон, человеческая речь зиждется на работе двух систем. Первая система, лимбическая, –

эволюционно более древняя, локализована в лимбических структурах, представлена билатерально (полушарная доминантность отсутствует), отвечает за эмоциональное и мотивационное поведение человека, отличается более низкой информативностью. Вторая система, неокортикальная, эволюционно более молодая, связана с неокортексом, латерализована и обычно преобладает в левом полушарии. Освободив речь от давления эмоциональных факторов, «новая кора» обеспечила речи возможность передачи строгой и точной информации в значительных объемах. Эта более молодая система «обогастила» в своем развитии старую систему, оттеснив ее на «вторые роли» и стала доминантной (Robinson 1976). Как указывают Л.Я. Баллонов и В.Д. Деглин, в настоящее время все большее распространение получает взгляд, согласно которому любая сложноорганизованная деятельность мозга осуществляется за счет совместной работы левого и правого полушарий. Просуществовавшая более ста лет концепция доминантности одного полушария сменяется на наших глазах концепцией о функциональной специализации полушарий (Баллонов, Деглин 1976: 193). Н. Теннер и А. Цильман подчеркивают: «...мы общаемся всем нашим мозгом – путем оркестровки нескольких модальностей: речи, паралингвистических свойств, мимики, жестов и другого кинесического поведения» (Tenner, Ziehlman, 1976: 475). При этом левое полушарие обеспечивает ориентировку в окружающем мире, базирующуюся на логическом осмыслении явлений, на обобщении и классификации объектов на основе понятий, выраженных словом. Правое же полушарие осуществляет анализ конкретных индивидуальных признаков объекта и формирование гештальта, лежащего в основе мгновенного чувственного анализа сложных сигналов и интуитивной ориентировки в явлениях окружающего мира. Левое полушарие отвечает за абстрактно-логический анализ поступающей информации, правое полушарие обрабатывает информацию с опорой на подсознание, его деятельность связана с конкретным освоением ситуации общения. Нормальный мозг успешно функционирует только во взаимодействии обоих полушарий. Поэтому вряд ли верно считать одно из них полностью

доминантным. Вместе с тем остается бесспорным, что наглядно-образное мышление лежит в основе интеллектуальной деятельности функционального уровня. Этот уровень более всего связан с «правым мозгом», который самостоятельно без помощи левого полушария не в состоянии сформировать никакого полного высказывания (сообщения) о предмете мысли. Со структурами левого полушария связаны эволюционно-молодые функции мозга – словесная речь и абстрактное мышление. Со структурой же правого полушария связаны более древние механизмы речеобразования и анализа звуков речи – координация интонационно-голосовых компонентов собственной речи и различение звуков речи по частоте основного тона (основной тон – главный компонент звуковой сигнализации животных). В онтогенезе человека понимание эмоциональных интонаций появляется намного раньше понимания слов; в условиях патологии, при нарастающем угнетении деятельности мозга и в процессе ее восстановления понимание интонаций исчезает позже и восстанавливается раньше, чем понимание слов. Все это свидетельствует о том, что механизмы звукопроизношения и слуховые функции правого полушария намного древнее, чем соответствующие механизмы и функции левого полушария. Инактивация левого полушария, обуславливая грубое размывание лингвистических фонемных границ и уравнивание их ценности, приводит к функциональному регрессу восприятия звуков речи и возвращает слух на дофонемную, доязыковую стадию (Балонов, Деглин 1976).

Из всего вышесказанного С.В. Воронин в своей монографии «Основы фоносемантики» делает вывод, что размытость фонемных границ есть черта эволюционно-древняя, архаическая. И соответственно, такая характерная черта звукоизобразительного слова, как размытость, диффузность (в более строгой формулировке – диффузная множественность) его звукового облика, есть также черта эволюционно-древняя. Мы имеем здесь еще одно свидетельство эволюционной древности звукоизобразительной лексики, звукоизобразительной системы языка (Воронин 1982: 143). *Обобщая данные нейрофизиологов, следует подчеркнуть, что они недвусмысленно указывают*

на эволюционно большую древность структур, отвечающих за конкретно-наглядную, образную, эмоциональную – (звуко) изобразительную продукцию, т.е. указывают на естественный, отприродный характер возникновения речи человека, на изобразительное происхождение языка.

Способность к подражанию – явление эхολалии является важным моментом в истории становления языковых форм. Эхολалия создает хорошие возможности для развития как артикуляционной, так и акустической базы речевой способности человека. Потребность же слышать себя и других приводит к развитию координации между акустикой и артикуляцией речевых единиц, что, в свою очередь, формирует фонологическую систему языка. Но эхολалия не создавала новых семантических полей и держала сознание человека в очень узких границах. Способность к имитации звучаний породила развитие других форм имитации, а именно звуко-символизм. Звуко-символизм – это совершенно иная форма проявления иконичности, чем звукоподражание. Звуко-символизм отражает не непосредственные свойства предметов и явления, а передает наше мнение, отношение к ним, основанное на некотором сходстве. Только с использованием звуко-символизма, скорее всего, начинается собственно языковой период в развитии человека (Трофимова 2003).

Т.М. Николаева считает, что некое единство объясняющих происхождение языка теорий позволяет интерпретировать их как «теории параллельного коррелята»; например, развитие языка – это результат развития эхолокации и акустической сенсорики. Вполне можно считать верифицированным положение о том, что на ранних эволюционных этапах происходило три вида селекции: филогенетическая (т.е. естественный отбор по Дарвину); онтогенетическая и культурная. Язык необходимым образом включал в себя все три вида селекции (Catania 1993). Наконец, возникновение языка потребовало нескольких этапов развития символики: 1) осознание гоминидами самой возможности символа; 2) коллективное признание этих символов; 3) понимание условности этих символов, а вслед за этим и возникновение мысли (стали «думать о»); 4) эволюция моторики, миметическая

имитация (Donald 1993). Развитие моторики считается важнейшим условием, в том числе моторики артикуляторной (Николаева 1996).

С нашей точки зрения, данная теория тесно связана с эволюционной теорией возникновения и развития языка, которую на сегодняшний день поддерживают большинство ученых, занимающихся проблемой происхождения языка – Bickerton 1981, 1990; Pinker 1995; Hurford 1998; Lorits 1999; Jackendoff 1999. При таком подходе языковая способность рассматривается как биологическое свойство живого организма (человека), возникшее и развившееся в процессе адаптивной деятельности, а потому являющееся адаптивной функцией (Кравченко 2001: 21).

Концепция живых систем (от простейших до человека), их происхождения и взаимосвязей в начале семидесятых годов была предложена известными чилийскими нейробиологами Умберто Матурана и Франциско Варела. В основе их взглядов на язык и его роль в эволюции и человеческой коммуникации лежит принцип: Живые системы – это познающие системы, а жизнь – это процесс познания. Естественную историю человеческих языков они излагают следующим образом: «Детали эволюционной истории структурных трансформаций приматов, которые привели к возникновению современного человека, неизвестны. Мы можем с уверенностью утверждать, что те изменения у первых гоминид, которые сделали возможным возникновение языка, имеют прямое касательство к их истории как общественных животных, характеризующихся тесными межперсональными отношениями, связанные с собиранием и распределением пищи» (Матурана, Варела 2001: 193). Продолжая размышления в духе Дарвина о происхождении человека в целом и языка в частности, об истоках уже собственно звуковой речи А.Г. Спиркин отмечает: «Унаследованные от животных предков звуки и послужили материалом, или биологической предпосылкой формирования звуковой речи человека. Признавая генетическую связь между человеком и животным, мы вообще не можем себе представить иного источника звукового материала языка» (Спиркин 1957: 26).

Заканчивая изложение взглядов на теорию происхождения языка, хотим подчеркнуть, что, несмотря на интенсивные поиски специфических человеческих генов (FOXP2, HARIF, ASPM...), вопрос о статусе человека на эволюционной лестнице и о том, что именно отделяет нас от остального мира существ, населяющих нашу планету, остается открытым. Т.В. Черниговская полагает, что основное отличие человека – это «сверхсложный и мощный мозг и обеспечиваемый им язык как средство мышления и коммуникации, способность строить модели мира и выводить его законы, наконец, способность постигать самих себя» (Черниговская 2008: 396). Человеческий опыт воспринимается в его целостности, а его языковые репрезентации неизбежно оказываются артикулированными. Тем самым мы можем говорить об исключительной роли звука в истории человеческого языка.

Опираясь на данные онтогенеза, можно с большой долей уверенности предположить, что человеческая речь появилась только тогда, когда для этого естественным эволюционным путем возникли объективные предпосылки: сформировался акустико-артикуляционный аппарат и «сколько бы ни прошло с тех пор тысячелетий, сам механизм процесса вербализации должен был сохраниться в основных своих чертах подобно тому, как, в сущности, неизменен общий облик человека, его способность осязать, обонять, слышать» (Трофимова Е.Б., Трофимова У.М. 2003: 26). Процесс развития языковой способности человека складывался поэтапно:

- начинаясь с доязыкового периода, когда человек был способен лишь инстинктивно выражать свои эмоции, затем, развивая произносительные навыки, он начинает имитировать окружающие его звучания – *звукоподражать*, что соответствует самой яркой образной иконичности знака;

- собственно языковой период наступает только тогда, когда у человека появляется способность мыслить, анализировать, оценивать качества предметов, передавать свои ощущения от предмета, обозначая его – *звукосимволизировать*, что соотносится с метафорической иконичностью знака;

- с течением времени иконичность становится помехой в языковом развитии, так как она слишком жестко привязывает звукокомплексы к вещам и конкретным ситуациям, с развитием значения само понятие подобия сперва расширяется, а затем становится менее обязательным, и язык естественным образом переходит из иконической стадии в конвенциональную, однако окончательного разрыва с иконизмом не происходит, по-видимому, потому, что язык отражает присущее человеческому сознанию (скорее подсознанию) стремление к сохранению определенного соответствия вещи и слова. Поэтому неудивительно, что «в современной лингвистике, понятию иконичности, заявленному в философии и логике еще в дососсюровский период отводится одно из ведущих мест в языке» (Pierce 1977, Якобсон 1985, Сигал 1997: 118).

Данное исследование призвано расставить акценты в проявлении иконичности в современном языке, что возможно только на основании данных, полученных в условиях психолингвистического эксперимента, чему посвящены вторая и третья экспериментальные главы диссертации.

§ 2. Онтологический статус знака

Говоря о человеческом языке, мы должны обратить особое внимание на знаковый характер данного феномена и его место в континууме природных и культурных семиотик. «Никто не должен бояться, что наблюдение над знаками уведет нас от вещей: наоборот, оно приводит нас к сущности вещей» (Лейбниц 1936).

«Семиотика – это полноправная наука, изучающая вещи и свойства вещей в их функции служить знаками, но она в то же время и инструмент всех наук, поскольку любая наука использует знаки и выражает свои результаты с помощью знаков» (Моррис 1983: 38). В «Эпилоге» к своим «Очеркам по предыстории и истории семиотики» Вяч. Вс. Иванов, подчеркивая необходимость семиотики для теории познания, вместе с тем вполне определенно, терминологически, разделил сферу знаков и сферу сознания: «Задача семиотики – описывать семиосферу, без которой немислима

ноосфера»¹ (Иванов 1998: 791). В отечественной науке исследованием эволюции биосферы в ноосферу, в которой человеческий разум и деятельность, научная мысль становятся определяющим фактором развития общества, мощной силой, сравнимой по своему воздействию на природу с геологическими процессами, занимался В.И. Вернадский (Новый энциклопедический словарь 2002: 181).

2.1. Знак как предмет семиотики

Существуют разные подходы к определению, что есть знак – соответственно, и по-разному устанавливается сфера явлений, подлежащих изучению в рамках науки о знаках. Наличие разных подходов объясняется исторически обусловленной сменой научных парадигм, в рамках которых развивались взгляды на природу и сущность знака.

На сегодняшний день можно говорить о двух основных подходах к определению предмета семиотики – широком и узком (Есо 1984). Первый уходит корнями в классическую традицию, рассматривавшую в качестве знака любой объект или явление, способные устанавливать определенную связь с чем-то отсутствующим, недоступным восприятию. Свое продолжение эта традиция нашла в работах Ч.С. Пирса, идеи которого получили дальнейшее развитие у Р. Карнапа, Ч.У. Морриса, Р. Якобсона и отразились в современном философском определении знака *как чувственно воспринимаемого предмета, который в процессе практической и духовной деятельности человека (в процессе накопления опыта. – Т.П.) репрезентирует (представляет) другой, отличный от него предмет* (Краткий философский словарь 2000: 105).

В широком понимании предмета семиотики, знаки по своему происхождению могут быть как естественными (природными), так и искусственными, то есть специально созданными для удовлетворения определенных потребностей (Шафф 1963: 186). При таком подходе организованные ряды знаков или знаковые системы обнаруживаются повсюду:

¹ Понятие ноосферы (от греч. noos 'разум' и sphaia 'шар') как «мыслящей» оболочки Земли, надстроенной над ее биосферой, ввел французский ученый Эдуард Леруа (1927).

«в языке, математике, художественной литературе, в отдельном произведении литературы, в архитектуре, планировке квартиры, в организации семьи, в процессах подсознательного, в общении животных, в жизни растений» (Степанов 1983: 5).

Узкое определение семиотики связано с ограниченным толкованием знака, при котором под знаком понимаются только артефакты.

Ф. де Соссюра можно считать первым в области лингвосемиотической трактовки собственно языковых знаков. В своей работе «Курс общей лингвистики» он пишет: «Языковой знак связывает не вещь и ее название, а понятие и акустический образ. Этот последний является не материальным звучанием, вещью чисто физической, а психическим отпечатком звучания, представлением, получаемым нами о нем посредством наших органов чувств» (Соссюр 1977: 99). Ограничение объекта семиотики лингвистическими знаками связывают с введенным в лингвистический оборот Ф. де Соссюром понятием семиологии, определявшим науку, изучающую жизнь знаков в рамках жизни общества. Соглашаясь с Н.В. Ивановым в том, что «труд Ф. де Соссюра в полной мере можно считать классическим вариантом теоретического решения проблемы объекта в науке» (Иванов 2002: 17), мы также поддерживаем автора в том, что «наука, как в практическом, так и в теоретическом развитии, обязана опираться (причем вполне сознательно) на максимально широкое понимание своего эмпирического объекта. Такое понимание, во-первых, дает науке необходимые предпосылки для того, чтобы не замкнуться в теории, чтобы та или иная открытая истина не превращалась в препятствие для той же науки на этапе ее внешнего применения, и, во-вторых, делает более осознанным развитие науки в практическом аспекте. Узкое же понимание губительно для науки: оно отрезает теорию от перспективы ее практического применения и, обедняя практическую сторону науки, лишает ее богатства теории» (Иванов 2002: 25). Так, исследование звукосимволических значений невозможно проводить, опираясь на постулаты структурализма.

Хорошо известно, что в разных знаковых теориях понятие знака трактуется нетождественно, знак объявляется односторонней Солнцев 1977, Панфилов 1977, Ветров 1962; двухсторонней Степанов 1971, Соссюр 1977, Звегинцев 1996; трехсторонней Пирс 1977, Якобсон 1983, Мельчук 1974; четырехсторонней – Моррис 1983 и еще более сложной сущностью – Дж. Петёфи, А. Алейников. И хотя истолкование знака менялось не только потому, что ему приписывали разное количество «сторон», усложнение знаковой теории связано с достижениями в различных отраслях науки, ориентированной на изучение места человека в мире, особенностей его деятельностного существования; и еще более связано с системным подходом к изучению любого явления, в том числе и языкового, в русле интегративно-дифференцирующих процессов, что является характерной чертой современного этапа развития науки. Проблема онтологии и типологии знака сложна и полемична. Как сформулировал Ю.С. Степанов, в классификации семиотик и, по всей видимости, самих знаков «необходимо учитывать различные ступени знаковости» (Степанов 1971: 82).

Мы не останавливаемся на подробном обзоре представлений структуры языкового знака, поскольку данный вопрос достаточно полно изложен в ряде обзорных работ, например, Воронин 1990, «Исследования в области фоносемантики» 1993, Сергеева 2002 и др. Мы исходим из четырехмерной сущности знака, что подтверждают полученные в ходе экспериментального исследования выводы.

2.2. Знаковая теория Ч. Пирса. Виды иконических знаков

Именно в трактовке Ч.С. Пирса, которого считают основателем современной семиотики, «сложность языковой системы предстала перед нами не только как манифестируемая особой организацией знаков разного типа, но и как проявляющаяся в ее гетерогенности, наличии в разных ее участках индексов, иконических знаков и символов» (Кубрякова 1993: 22). Возникая в акте семиозиса, знаки приобретают в этом акте свое строение и свое внутреннее

устройство – в зависимости от того, как они соотносят свое означаемое со своим означающим. Их дальнейшее функционирование связано с тем, какому модусу этого соотнесения они следуют – иконическому, индексальному или же символическому (Кубрякова 1993: 25).

Предел семиотики, по Пирсу, простирается далеко за границы языковых знаков, что нашло отражение в общем определении знака, в соответствии с которым *«знаком может быть что угодно, что определяет нечто другое (свой интерпретант) как отсылающее к объекту, к которому подобным же образом отсылает оно само. При этом Интерпретант также в свою очередь становится знаком и так далее ad infinitum»* (Dictionary of Philosophy and Psychology. Vol. 2. : 527).

Обязательная для любого знака связь означающего с означаемым бывает двух видов: 1) мотивированная (то есть в том или ином отношении «естественная», так или иначе обусловленная и поэтому объяснимая) и 2) немотивированная. В сознании человека «естественные», или мотивированные, связи (ассоциации) бывают двух видов: а) по смежности явлений и б) по их сходству (Мечковская 2004: 130). Чарльз Сандерс Пирс установил, что названные виды отношений исчерпывают в семиотике возможные виды связи между означающим и означаемым любого знака. В соответствии с тремя видами связи означающего и означаемого Пирс постулировал существование трех классов элементарных знаков: **знаки-индексы, знаки-иконы и знаки-символы**. Предложенная Пирсом классификация знаков до сих пор остается наиболее органичным для семиотики взглядом на знаки, позволяющим видеть сущностные процессы семиозиса.

Остановимся подробнее на трех видах знаков, описанных в работах – (Пирс 2000: 93), (Кравченко 2001: 53), (Мечковская 2004: 130-132).

1. В знаках-иконах (от греч. *eikon* ‘изображение, образ, подобие’) связь означающего и означаемого мотивирована сходством, подобием между ними. Икона не имеет динамической связи с объектом, который она репрезентирует, просто случается так, что ее качества имеют сходство с таковыми ее объекта и

возбуждают аналогичные ощущения в уме, для которого она – подобие объекта. Икона есть знак, который сохраняет особенность, делающую его значимым, даже при несуществующем объекте; так, например, карандашная черта (означающее) представляет геометрическую линию (означаемое). Мотивированность знаков-икон основана на подобии, сходстве означающего с означаемым, то есть носит метафорический характер.

В языке иконический знак представлен звукоподражаниями и звукосимволическими словами, например, звукоподражание *жу-жу-жу* и звукосимволическое слово *жук* (означающее) звучат похоже на те звуки, которые издает это насекомое (денотат означаемого).

2. В знаках-индексах (позже их стали называть также знаками-симптомами) связь означающего и означаемого мотивирована их естественной смежностью (соприкосновением или пересечением); в случае пересечения означающее является частью означаемого. Индекс физически связан со своим объектом, они образуют органически согласованную пару, но интерпретирующий ум не имеет с этим соединением ничего общего – он лишь отмечает его после того, как оно установлено. Таковым, например, является кусок доски с отверстием от пули как знаком выстрела, ибо без выстрела не было бы отверстия; но отверстие есть независимо от того, в состоянии кто-нибудь связать его с выстрелом или нет; оскал собаки – это знак угрозы и одновременно компонент ее готовности к защите или нападению. Отношения естественной смежности, сопредельности, вовлеченности в одну ситуацию двух представлений, как известно, лежит в основе метонимии, поэтому мотивированность означающего означаемым в знаках-индексах правомерно характеризовать как метонимическую. Индекс есть знак, который сразу же теряет особенность, делающую его знаком, при исчезновении объекта, но не теряет этой особенности при наличии интерпретатора: смежность означающего и означаемого реально существует и обнаруживается интерпретатором как факт (Сигал 1997: 192). В языке примером индексов являются метонимические выражения, например: *Он съел всего одну тарелку*.

3. В знаках-символах мотивированность в связи данного означающего с данным означаемым отсутствует. Символ соединен со своим объектом посредством идеи оперирующего символами ума, без которого таковой связи никогда не могло бы существовать. Символ есть знак, который утрачивает особенность, делающую его знаком, в отсутствие интерпретанты. Таковым является речевое высказывание, которое означает то, что означает, только лишь в силу того, что оно понимается как имеющее это значение; такое же объяснение имеет связь знака 4 с количеством 'четыре' или любого другого простого числа.

Выделив три основные категории знаков, Пирс одновременно признавал, что между ними нет жестких границ, так как индекс может быть символом, символ – индексом, а тот и другой – иконами. Р. Якобсон, охарактеризовавший полувековую работу Пирса по созданию общих основ семиотики как имеющую эпохальное значение, одной из важнейших черт семиотической классификации Пирса считал «тонкое осознание того, что различие трех основных классов знаков – это лишь различие в относительной иерархии. В основе разделения знаков на иконические знаки, индексы и символы лежит не наличие или отсутствие подобия или смежности между означающим и означаемым, равно как и не исключительно фактический или исключительно условный, привычный характер связи между двумя составляющими, а лишь преобладание одного из этих факторов над другими» (Якобсон 1983: 106).

В триаде Пирса иконический знак является наиболее мотивированным, сам Пирс классифицировал несколько видов иконических знаков, различных по степени и характеру сходства между формой и замещаемым содержанием. **Образы** основаны на непосредственном сходстве, или, говоря словами Пирса, «те, что причастны к простым качествам». Примерами таких знаков являются фотографии, скульптуры, а в языке – ономотопы и идеофоны. **Схемы**, или диаграммы репрезентируют строение предмета «через аналогичные отношения» в структуре плана выражения знака, например, графики, чертежи. В языке иконические знаки схемы представлены звуко-символическими словами,

обозначающими размер, форму и др., например, *гиганский*, *large* [la d], *da*⁴¹ 大; *круг*, *round* [raund], *yuan*² 圆. **Метафоры** репрезентируют содержание «через параллелизм в чем-то ином» (Пирс 2000: 77) – звуко-символические слова, в которых наблюдается связь звучания с различными эмоциональными значениями, например, одним из распространенных типов обозначений улыбки в различных языках является тип, образованный с лабиальным носовым: *улыбка*, *smile*, *xiao⁴rong²* 笑容; лабиализация известна как один из способов выражения презрительного значения: *тупица*, *goon* [gu n], *yu²dun⁴* 愚钝.

2.3. Понятие интерпретатора в процессе семиозиса

Обращаясь к вопросу о природе знака и рассматривая его семиозис (т.е. тот процесс, в котором нечто функционирует как знак), Ч. Моррис указывает на необходимость включения в него, помимо выделявшихся Пирсом трех факторов – а именно: 1 – знакового средства (репрезентамена, по Пирсу), 2 – десигната (объекта) и 3 – интерпретанты (способа их соотношения), дополнительного 4-го фактора, в качестве которого выступает интерпретатор. «Семиозис – это «опосредованное учитывание», где посредниками выступают знаковые средства. [Обобщенное] учитывание – это интерпретанта, действующие лица процесса – интерпретаторы, а то, что учитывается, – десигнаты. Термины «знак», «десигнат», «интерпретанта» и «интерпретатор» подразумевают друг друга, поскольку это просто способы указания на аспекты процесса семиозиса. Совсем не обязательно, чтобы на объекты указывалось с помощью знаков, но, если нет такой референции, нет и десигната; нечто есть знак только потому, что оно интерпретируется как знак чего-либо некоторым интерпретатором; [обобщенное] учитывание чего-либо является интерпретантой лишь постольку, поскольку оно вызывается чем-то, функционирующим в качестве знака; некоторый объект является интерпретатором только потому, что он опосредованно учитывает нечто. Свойства знака, десигната, интерпретатора или интерпретанты – это свойства

¹ Здесь и далее цифра сверху указывает номер тона

реляционные, приобретаемые объектами в функциональном процессе семиозиса. Семиотика, следовательно, изучает не какой-то особый род объектов, а обычные объекты в той (и только в той) мере, в какой они участвуют в семиозисе (Моррис 1983: 40).

Другими словами, знаком может стать любой произвольный доступный восприятию объект – для этого достаточно, чтобы в сознании воспринимающего он был поставлен в определенные отношения с другими предметами (явлениями), включаясь в сеть определенных ассоциаций (Дорошевский 1973: 107). Чтобы понять знак, его нужно интерпретировать. Главный закон семиотики, впервые сформулированный Ч. Пирсом, постулирует, что знак может быть интерпретируемым другим знаком или цепочкой знаков и что только таким образом происходит развитие значения (см. Моррис 1983, Кубрякова 1993).

Знаки живут в системе, данной интерпретатором, и не случайно одно из определений знака гласит, что знак существует исключительно как единица определенной семиотической системы. Но систему эту создали люди: без человека (интерпретатора – Т.П.) нет знака (Кубрякова 1993: 27). Как подчеркнул Ю.С. Степанов, в развитых знаковых системах знак имеет особенно сложное устройство, так как со знаком контактируют, по крайней мере, еще две материальные системы, которые, к тому же, контактируют и между собой. Знак – это посредник между человеческим мозгом и миром, а система знаков объединяет их в еще более высокую целостность. Это значит, что семиотический процесс, в принципе, имеет круговую организацию – как и жизненный процесс (Кравченко 2001).

Таким образом, **знак** – это четырехмерная сущность, где **форма** – репрезентативна (по Ч.С. Пирсу) – знаковое средство (по Ч. Моррису) и **содержание** – объект – десигнат связываются на основании определенных признаков – **интерпретанта** как способ их соотношения, а весь процесс семиозиса становится осознаваемым только при наличии **интерпретатора**. Все четыре составляющие подразумевают друг друга и позволяют рассматривать

явление иконизма как в системоцентрическом, так и в антропоцентрическом аспектах языка.

Анализируя знаковую концепцию Ч. Пирса, следует отметить, что в ней антропоцентрический подход проявляется в присвоении знаку переменной составляющей – личностного фактора, представляющего содержание знака в зависимости от восприятия субъекта (интерпретанты). Введение четвертого элемента – интерпретатора – делает зависимость сущности знака от восприятия человеком более очевидной.

2.4. Относительность иконичности языкового знака

Проблема мотивированности, иконичности языкового знака является предметом споров лингвистов и философов на протяжении всего становления науки о языке.

В современной лингвистике термин иконичность многозначен, так как наделяется разным смыслом и определяется по-разному. Говоря о расширении границ самого понимания иконичности, следует упомянуть о так называемом «уровневом иконизме» (Сигал 1997), проявляющемся на всех ярусах языка; фонетическом, словообразовательном, морфологическом и синтаксическом. Подробное описание иконической системы языка представлено в статье К. Сигала, который дает обстоятельный обзор работ по указанной тематике (Сигал 1997: 100-119). Вычленяется «умеренный» вариант иконизма, сквозь призму которого иконичность рассматривается «как один из модусов существования знака (наряду с индексальностью и символичностью), имеющий глубокие нейробиологические, когнитивные и коммуникативные основания и принадлежащий к относительным (а не абсолютным) характеристикам языка. Семиологической базой иконичности в языке принято считать диаграммное отражение некоторого аспекта структуры реального мира в структуре языка» (Сигал 1997: 104).

Интерес к проблеме мотивированности языкового знака в настоящее время усилился в связи с переходом от системоцентрической к

антропоцентрической парадигме. Появилось достаточно большое количество работ, посвященных проблеме иконизма в языке (Воронин 1982), (Кубрякова 1993), (Березин 1996), (Сигал 1997), (Денисова 2005), материалы Международного Симпозиума в Санкт-Петербурге (2004 г.) и др.

С.В. Воронин, определяя принцип не-произвольности языкового знака как важнейший принцип фоносемантики, признает, однако, что «в «современной» синхронии языковой знак представляет собой двоякую сущность: он одновременно не-произволен и произволен. Причина такой двойственности видится в двойственности самого характера слова: оно с самого начала выступает в двух «ипостасях» – отражательной и коммуникативной. Сторонники не-произвольности в языке отнюдь не отрицают существование произвольности. Речь идет не об альтернативе «произвольность или не-произвольность», а о принципиальной постановке вопроса: «произвольность, доминирующая над не-произвольностью, или же не-произвольность, доминирующая над произвольностью». Представляется, что справедливо последнее: в конкретном акте номинации выбирается некий признак объекта-денотата, полагаемый в основу номинации, – и в этом главном, определяющем, принципиальном моменте номинация не-произвольна, мотивированна; выбор же именно данного конкретного признака во многом случаен – и в этом более частном моменте номинация во многом произвольна, немотивированна» (Воронин 1982: 30).

Иконичность, мотивированность, непроизвольность языкового знака лежит в основе звукосимволизма. На наш взгляд, наиболее аргументированную позицию по поводу кардинального вопроса теории звукосимволизма, высказал В.В. Левицкий, считающий, что возможность сосуществования звукосимволических «правил» и произвольности языкового знака обусловлена, по крайней мере, тремя факторами.

1. Звукосимволизм как бы «дремлет» в сознании человека и проявляется лишь тогда, когда форма слова, развиваясь в полном соответствии с морфологическими и фонетическими законами данного языка, случайно

приходят в соответствие (с точки зрения говорящего) с содержанием этого слова. Звукосимволические правила существуют, таким образом, потенциально и латентно, и реализуются лишь в тех случаях, когда говорящий, сравнивая два от природы не связанных объекта (определенную форму и определенное содержание), обнаруживает структурное сходство между ними и делает один объект символом другого.

2. Звукосимволизм носит не абсолютный, а относительный характер. В языке символизируются не все понятия, а, как правило, крайние точки полярных понятий. В противном случае, то есть если бы символическим значением обладали все или почти все слова данного языка, звукосимволизм утратил бы свою основную функцию – быть средством экспрессивности, наделять слово особой силой выразительности и тем самым обеспечивать ему особый лингвистический статус. Таким образом, в языке одно слово маркируется относительно другого: либо слова с относительно противоположным значением, либо слова с относительно сходным значением.

3. Несмотря на четкие соответствия между определенными акустическими и определенными семантическими единицами, между теми и другими нет жесткой связи. Например, понятие «маленький» может символизироваться не только мягкостью, но и глухостью, фрикативностью, латеральностью, верхним подъемом (у гласных), передним рядом и т.д., а «большой» – звонкостью, твердостью, смычностью, дрожанием, нижним подъемом, задним рядом и т. д. Поэтому при символизации того или иного понятия каждый язык реализует не все признаки сразу, а лишь ту часть потенциального набора – инварианта признаков, которой располагает фонетическая система данного языка. Противопоставление признаков носит, таким образом, также не абсолютный, а относительный характер (Левицкий 1975: 60-61).

Взаимодействия и противодействия мотивировочной тенденции и тенденции к произвольности сложны и многообразны. «Жизнь слова протекает как бы между двумя силовыми полюсами – полюсом мотивированности и

полюсом произвольности. Одни слова расположены ближе к полюсу мотивированности, другие – к полюсу произвольности, третьи – в зоне равновесия этих сил. А ведь на слова действуют еще и многие другие силы, управляющие развитием языка. От полюса мотивированности слово может переключаться к полюсу произвольности, и наоборот» (Журавлев 1991: 137).

Но действие всех многочисленных сил, определяющих функционирование и развитие языка, не приводит к хаосу или полной случайности результатов, поскольку все эти силы направлены к одной цели – обеспечить наибольшую эффективность функционирования каждого элемента языка. И все, что служит этой цели, сохраняется в языке на любом этапе его развития.

Итак, прежде всего иконизм проявляется непосредственно в языковой представленности знаковой структуры; он возникает в результате проявления некоторых общих условий восприятия (Эко 1998). Именно данную проблему мы собираемся обстоятельно исследовать в экспериментальной части работы.

2.5. Типы знаковой мотивированности в языке: семантическая, морфологическая, фонетическая

В современной семасиологии различают три вида мотивированности слова: семантическую, морфологическую и фонетическую (Ullmann 1962: 85).

Семантическая мотивированность – релевантная для данного среза языка, а именно: ощущаемая носителями языка обусловленность значения одного наименования (имени) значением имени другого предмета, наличие в слове образности, основанное на метафорических, метонимических и т. п. явлениях. В данном случае переход от наименования одного предмета к наименованию другого предмета осуществляется с помощью семантической, а не морфологической деривации. Например: журавль (птица) → журавль (шест у колодца); нос (часть тела) → нос (часть корабля); колокольчик (маленький колокол) 铃 ling² → колокольчик (цветок) 风铃草 feng¹ling²cao³; нос 鼻 bi² → ушко иголки 针鼻 zhen¹bi²; рот 嘴 zui³ → носик чайника 壶嘴 hu²zui³.

Морфологическая мотивированность слова – это определенная связь между значением слова и его морфологической структурой. Переход от одного наименования к другому осуществляется в этих случаях с помощью словообразовательных средств. Например, учить → учитель; колокол → колокольчик. (Знак «←→» означает «морфологическая деривация»). Поскольку основная исследовательская часть данной работы базируется на материале китайского языка, мы подбирали примеры из этого языка: 教 jiào¹ (преподавать) → 教师 jiāoshī¹ (преподаватель); 橙 chéng² (апельсин) → 橙色 chéngsè⁴ (оранжевый); 学 xué² (учить, изучать) → 学者 xuézhě³ (ученый); 画 huà⁴ (рисовать) → 画家 huàjiā¹ (художник).

Фонетическая мотивированность слова – это наличие определенных соответствий между символическими значениями входящих в состав наименования звуков и лексическим значением этого наименования (слова) (ср. А.П. Журавлев 1972: 82). Причем данное соответствие может быть как положительным, в том случае, когда символическое значение в составе звучания слова соответствует его лексическому значению, так и отрицательным, когда символические значения звуков в составе звучания слова противоречат его лексическому значению. Нулевой мотивированностью будет такая, когда отношения между звучанием и значением слова «нейтральны» (Левицкий 1973: 46).

Возникает вопрос об оценке символических значений звуков данного языка. В отечественном языкознании приоритет практического осуществления измерения фонетической мотивированности слова или группы слов принадлежит А.П. Журавлеву, который считает, что «фонетическая мотивированность явно существует и вместе со смысловой и морфологической мотивированностью обеспечивает тесную взаимосвязь между содержанием и формой слова» (Журавлев 1991: 45). Наличие в языке множества слов с отрицательной фонетической мотивированностью является, по мнению А.П. Журавлева (и мы с ним в этом согласны), показателем развития языка. «В языке

на любом этапе его развития, наряду со словами, значение и звучание которых находится в гармонии, непременно обнаруживаются и такие слова, у которых эта гармония нарушена. Если вдруг окажется, что таких «дисгармоничных» слов нет, то это будет означать, что ни содержание, ни форма в языке не развиваются» (Журавлев 1991: 59). Именно слова с положительной фонетической мотивированностью представляют интерес для фоносемантического исследования.

§ 3. Фоносемантика как раздел психолингвистики

3.1. Внутренние (лингвистические) предпосылки фоносемантики

Вся история звуко-символизма свидетельствует о закономерном процессе накопления эмпирического материала, не поддающегося объяснению в рамках существующих теоретических построений, что заставляет искать новые, интенсивные пути развития науки, чем и занимается языкознание.

«Достоинства языка с точки зрения его звуковой системы, помимо точного устройства органов речи и слуха и помимо стремления придать звуку наибольшее разнообразие и совершенство, особым образом основаны на отношении звука и значения» (Гумбольдт 1984: 92). В. фон Гумбольдт обнаружил три вида связи звуков с определенными понятиями в простых словах, исходя из чего различил три способа обозначения понятий.

1. Первый способ заключается в непосредственном подражании, когда звук, издаваемый предметом, имитируется в слове настолько, насколько членораздельные звуки в состоянии передать нечленораздельные. Этот способ обозначения как бы живописный: подобно картине, изображающей зрительный образ предмета, язык воссоздает его слуховой образ.

2. Второй способ основывается на подражании не непосредственно звуку или предмету, а некоему внутреннему свойству, присущему им обоим. Для обозначения предметов этот способ избирает звуки, которые отчасти сами по себе, отчасти в сравнении с другими звуками рожают для слуха образ,

подобный тому, который возникает в глубине души под впечатлением от предмета.

3. Третий способ строится на сходстве звуков в соответствии с родством обозначаемых понятий. Словам со сходными значениями присуще также сходство звуков, но при этом не принимается во внимание присущий самим этим звукам характер. Этот способ обозначения понятий, в котором аналогия понятий и звуков в их собственных сферах проводятся так, что достигается их полная гармония, В. фон Гумбольдт назвал аналогическим.

Нам представляется, что теория В. фон Гумбольдта соотносима с существующими в настоящее время теориями проявления звукосимволизма.

1. В основе звукосимволизма лежат физические (акустические и артикуляционные) свойства звуков. «Открытый рот, выдвинутые вперед челюсти, сжатые губы, производят... значения, характеризующие произносимые звуки» (Bently 1959: 86). «При произнесении высокого тона, – замечает Ф. Кайнц, – в гортани появляется чувство напряжения и тесного контакта, в то время как при произнесении низкого тона голосовые органы оказываются в более расслабленном положении» (Кайнц 1960: 205). Таким образом, в данном случае мы имеем дело, пользуясь терминологией Ф. Кайнца, с транспозицией одних видов ощущений в другие (моторные в акустические, акустические в зрительные и т.д.), т.е. с синестезией, поэтому данная теория также называется синестетическая (Newman 1933; Bently, Varon 1959; Miron 1961 и др).

2. В основе звукосимволизма лежит не что-то неуловимо-таинственное, а опыт, приобретенный человеком в процессе своей практической деятельности. Человек «научается» тому, что большие предметы (например, тяжелый шкаф) издают (например, при передвижении) низкие и грубые звуки, а маленькие предметы – приятные и высокие. По этой причине испытуемые связывают в ходе эксперимента высокие звуки с чем-то маленьким, а низкие – с чем-то

большим. Настоящую теорию принято называть референтной (Brown 1958, 1959).

3. В основе звуко-символизма лежит языковая привычка, лингвистический «тренинг». В английском языке фонема [g] часто встречается в словах со значением «большой» (great, grand, gargantuan, grow), а поэтому испытуемые (подсознательно) оценивают сочетания с начальным [g] как нечто большое. Речь идет об языковых ассоциациях, поэтому теория получила название ассоциативной (Taylor 1965).

Референтную теорию можно объединить с синестетической, признавая, что в основе звуко-символизма лежит транспозиция (в широком смысле слова) одних ощущений в другие (независимо от того, переносим ли мы на произносимые звуки зрительные, акустические, моторные и т.п. ощущения с объекта внешней действительности или с собственного речевого аппарата, или после многократного обоюдного и сложного переноса с объекта на движение частей тела – на движение речевого аппарата и т.д.). Механизм языковой привычки также может оказывать воздействие на восприятие звуков, что считается главной причиной появления звуко-символизма в ассоциативной теории.

Синестетическая и референтная теории, сходные тем, что обе предполагают существование универсальных звуко-символических правил, получили подтверждение своих выводов путем многочисленных экспериментов на материале разных языков. Существование универсального звуко-символизма подтверждается работами С. Цуру, Г. Альпорта, Р. Брауна, Р. Наттэла, М. Майрона и др. С другой стороны, исследовав 6 гласных и 12 согласных в 4 неродственных языках (английском, корейском, тамильском, японском), И. и М. Тейлоры приходят к заключению, что звуко-символизм существует, но носит не универсальный, а национальный характер. Таким образом, существует две точки зрения на характер звуко-символизма: 1) звуко-символизм носит узконациональный характер; 2) звуко-символизм носит универсальный (межнациональный) характер.

Подробнее об универсальном характере звукоимоголизма – а именно этой точки зрения придерживается автор – речь пойдет во второй главе нашего исследования.

На вопрос о звукоизобразительной природе языка пытается ответить А.М. Газов-Гинзберг, предлагая классификацию звукоизобразительных корней соответственно истокам первичной звукоизобразительности: 1) воспроизведение естественных звуков, сопутствующих жизнедеятельности человеческого организма (междометий в узком смысле – «внутреннее звукоизображение»); 2) подражание звукам внешней природы («внешнее звукоизображение»); 3) озвучивание первоначально беззвучных «подражательных жестов рта и носа», подражающих движению или форме предметов (явление кинематики в современной психофизиологии); 4) «лепетные детские слова», где наиболее легкие для ребенка звуко сочетания становятся обозначениями различных предметов и явлений (Газов-Гинзберг 1965).

В литературе, посвященной изучению звукоимоголизма, встречается несколько названий для научной дисциплины, в ведении которой находится вышеуказанная проблема: «фоника» (Самохвалов 1974); «орфонимия» (Мельников 1976); «фоносемантика» (Воронин 1982). Термин «фоносемантика», предложенный С.В. Ворониным, стал широко использоваться в работах современных ученых как наиболее приемлемый, так как в нем эксплицитно выражено соотношение, лежащее в основе звукоимоголизма – связь звучания и значения; определена область исследования (значение звуков) и, кроме того, указано ее положение среди лингвистических дисциплин: она существует на стыке фонетики (по плану выражения), семантики (по плану содержания) и лексикологии (по совокупности этих планов).

Появление и последующее плодотворное развитие фоносемантики как самостоятельной языковедческой науки дали возможность опровергнуть миф о нераспространенности и экзотичности звукоизобразительной лексики.

3.2. Исходные теоретические положения фоносемантики

Фоносемантика – дисциплина, имеющая своим предметом звукоизобразительную (то есть звукоподражательную и звукосимволическую) систему языка, изучаемую с позиций пространственных и временных.

Цель фоносемантики в самом общем виде сформулирована как изучение звукоизобразительной системы языка, в детализированном виде – как изучение звукоизобразительной системы языка на эмпирическом и теоретическом уровнях и построение общей теории этой системы, достаточно полно, последовательно и непротиворечиво объясняющей сложные явления и процессы звукоизобразительности в пантопохронии и обладающей необходимыми эвристическими возможностями. Если исходить из важнейшего свойства изучаемой системы (то есть из того, что в системологии рассматривается как системообразующее свойство, или концепт) возможно также дать следующую формулировку цели фоносемантики: изучение звукоизобразительности как необходимой, существенной, повторяющейся и относительно устойчивой не-произвольной фонетически (примарно) мотивированной связи между фонемами слова и полагаемым в основу наименования признаком объекта-денотата.

Объект фоносемантики – звукоизобразительная (то есть звукоподражательная и звукосимволическая) система языка. *Предмет фоносемантики* – звукоизобразительная система языка в пантопохронии. Термином «пантопохрония» («пантопия» + «панхрония») обозначается совокупность двух подходов к рассмотрению языковых явлений вообще и явления звукоизобразительности в частности – подхода с позиций «топических», т.е. пространственных, и подхода с позиций «хронических», то есть временных. «Хрония» – точнее, «панхрония» – включает традиционные синхронический и диахронический аспекты, а также генетический аспект. Под термином «пантопия» понимается рассмотрение языковых явлений как одного

какого-либо языкового ареала, так и любой совокупности языковых ареалов; последнее предполагает типологическое рассмотрение языков.

Одна из самых существенных черт научного познания на современном этапе – углубление междисциплинарных исследований, сочетающееся с системным подходом, что «способствует глобальному диалектическому процессу интеграции знаний через их дальнейшую дифференциацию: возникают интегративные (гибридные, пограничные, стыковые) науки – такие, как биохимия, нейрокибернетика, математическая лингвистика. Исследование различного рода систем с целью выявления их общих структур, создание общей теории – характерная черта современного этапа развития науки» (Воронин 1982: б). «Принцип неавтономности языковой системы, сформулированный еще Аристотелем, сегодня заставляет исследователя искать точки сопряжения между двумя подходами к языку, ибо так же, как нельзя сомневаться в том, что язык антропоцентричен и антропоморфен по своей природе, нельзя сомневаться и в том, что он по-прежнему продолжает оставаться системой – но не замкнутым автономным образованием, а интегрированной частью среды, в которой живет и действует человек (Кравченко 2001: 30). «В обход человека язык изучать нельзя. Все исследовательские координаты должны перекрещиваться на человеке. А это, в свою очередь, значит, что язык следует изучать в контексте и во взаимодействии со всеми другими видами физической и психической деятельности человека, так как человек – целостное «устройство» (Звегинцев 1996: 29).

Наука о закономерностях, механизмах и фактах психической жизни человека – психология. Как точно отмечает А.А. Леонтьев, «между психологией и лингвистикой образовалось своего рода историческое размежевание предмета исследования: психология изучает процессы говорения, речь..., лингвистика изучает язык как систему» (Леонтьев 1997: 11). «Существенно, что во второй половине XX столетия лингвистика (коммуникативная лингвистика, лингвистика текста, лингвистика речевых актов) «психологизируется», а психология речи рассматривает языковые

явления в единстве речь-язык, особенно в психолингвистических и нейролингвистических исследованиях» (Зимняя 2001: 16). Именно в этот период, объединив огромный по объему и многообразный по качеству багаж научных достижений – гипотез и концепций, результатов экспериментов и наблюдений и т.п. – в целостную и внутренне структурированную учебно-научную отрасль, возникает, самоопределяется и продолжает расширять пределы своих исследований психолингвистика. Фоносемантика является разделом психолингвистики, в более узком понимании – подразделом психолингвистики языка (см. Седов 2004: 6). Среди отечественных психолингвистов, труды которых послужили теоретической базой для данного исследования следует назвать А.А. Леонтьева 1997; С.В. Воронина 1982; И.Н. Горелова, К.Ф. Седова 2001; А.А. Залевскую 1999; И.А. Зимнюю 2001 и др.

Исходным пунктом любой научной дисциплины, любой теории являются принципы – те философские и методологические основания, те первоначала, которые лежат в основе данной дисциплины и органически связывают все элементы ее теории в единую систему (ср. Андреев 1979: 9-10). Важнейшие принципы фоносемантики были сформулированы С.В. Ворониным в монографии «Основы фоносемантики» (Воронин 1982: 24-38). В данной работе мы кратко изложим основную суть положений, подчеркивая, что представленные принципы являются не только прерогативой фоносемантики, а относятся к языку как таковому – то есть являются общелингвистическими принципами.

Принцип не-произвольности языкового знака (1) – первый и основной методологический принцип фоносемантики. Он может быть назван также принципом мотивированности или не-произвольности связи между звуком и значением в слове. Этот принцип мы подробно рассматривали в данной главе на стр. 35-39, однако считаем необходимым подчеркнуть еще раз, что он служит методологической основой системного подхода к изучению языка, являет собой конкретную манифестацию философского принципа всеобщей взаимосвязи явлений и объектов реальной действительности, о которой Ф.

Энгельс писал: «Уразумение того, что вся совокупность процессов природы находится в систематической связи, побуждает науку выявлять эту систематическую связь повсюду, как в частностях, так и в целом» (цит. по Воронину 1982: 24).

Произвольность языкового знака в ее «крайних» трактовках, в которых провозглашается независимость означающего от означаемого, вступает в противоречие с общесистемным принципом иерархизации: согласно последнему, каждый элемент («высшей») системы может рассматриваться как самостоятельная («низшая») система. Как самостоятельная «низшая» система (входящая в «высшую» систему языка), слово обладает субстратом (совокупностью элементов) – означающим и означаемым – и структурой – совокупностью отношений (связей) между означающим и означаемым. Лишив систему слова связи между элементами, исследователь лишает его структуры; система же без структуры – уже не система. Скопление случайных, хаотических неупорядоченных предметов не есть система – систему образуют лишь внутренне упорядоченные объекты (Солнцев 1977).

Второй принцип фоносемантики – *принцип детерминизма* (2). Современный методологический детерминизм предполагает существование необходимых и закономерных связей, свойственных материальной действительности и человеческому мышлению и являющихся одной из форм всеобщей взаимосвязи явлений природы и общества. Применительно к звукоизобразительной системе языка, являющейся объектом фоносемантики, этот принцип предполагает обусловленность звукового облика слова значением слова и, в конечном счете, признаками, свойствами денотата, точнее, «мотивом» – тем признаком (свойством) объекта-денотата, который по завершению «мотивировочного хода» («хода мотивирующей мысли») кладется в основу номинации.

Третий принцип фоносемантики – *принцип отражения* (3). В философии данный принцип представляет собой важнейшую составную часть

материалистической теории познания, исходящей из признания первичности внешнего мира и воспроизведения его в сознании, мышлении человека. Согласно одному из распространенных определений, отражение есть «всеобщее свойство материи, заключающееся в воспроизведении, фиксировании того, что принадлежит отображаемому предмету. <...> любое отражение несет в себе информацию об объекте отражения» (Спиркин 1975: 11). Явления действительности представляют собой, как известно, единство содержания и формы. Следует также различать содержание и форму отражения. На разных ступенях отражательного процесса (как мыслительного, так и речевого) конкретные манифестации содержания и формы отражения различны. На интересующей нас речевой (языковой) ступени содержание отражения – это значение слова (как образ или, в других терминах, как сущность, однородная с понятием), форма отражения – языковой знак (как материальная оболочка слова). «Отражение (как всеобщее свойство материальных объектов) – реакция (изменение, отпечаток, след) любой вещи (явления), взаимодействующей с другой вещью: эта реакция всегда находится в определенном соответствии или сходстве с какой-либо стороной воздействующей на нее вещи. В основе этого соответствия лежат законы взаимодействия вещей» (Тюхтин, Пономарев 1967: 184). Указанное соответствие, сходство отнюдь не означает абсолютного совпадения: отражающее никогда не повторяет отражаемое в каждой детали. Для нас здесь принципиально важно то, что особенности тех или иных объектов действительности определяют, в конечном счете, существенные черты тех материальных образований, которые могут быть использованы в качестве знаков для выражения информации об этих объектах. Языковой знак как лингвистическая сущность детерминирован прежде всего экстралингвистически – обозначаемым объектом (денотатом). Таким образом, языковой знак являет собою форму, материальную сторону отражения, свойственного человеку. Уже это заставляет признать его отражательной категорией.

Четвертый принцип фоносемантики – это *принцип целостности* (4). В соответствии с этим принципом постулируется первичность системы как целого над компонентами системы; акцент делается именно на целостности и интегративности свойств объектов. Свойства системы как целого не сводятся к сумме свойств элементов, составляющих систему, а определяются интегративными свойствами структуры системы, порождаемыми специфическими связями и отношениями между элементами системы. Каждый элемент в системе связан с другими элементами, и его свойства нельзя понять без учета связей с другими элементами системы; описание каждого элемента не носит самодовлеющего характера, ибо элемент описывается не «как таковой», а с учетом его «места» в целом, с учетом его связей с другими элементами системы как целого.

Пятый принцип фоносемантики – *принцип многоплановости* (многоплоскостности) (5). Он предполагает как обращенное «вовнутрь» описание звукоизобразительной системы в трех взаимосвязанных, но самостоятельных планах – синтагматическом, парадигматическом и иерархическом (см. следствия 1-3), так и обращенное «вовне» описание целостной системы в плане ее связей со «средой». (Относительно четвертого плана рассмотрения см. следствие 4). Из принципа многоплановости выводимы четыре следствия, представляющие собою более частные принципы, каждый из которых имеет отношение к одному из четырех планов рассмотрения.

Следствие 1. Принцип систематизации. Он касается организации, рубрикации, приведения в определенный порядок конкретного эмпирического материала, по преимуществу «синтагматического».

Следствие 2. Принцип идеализации. В соответствии с этим принципом формируется абстрактный идеализированный объект. При этом идеализация неотделима от абстрагирующей «парадигматизации» конкретного эмпирического материала.

Следствие 3. Принцип иерархизации. Это принцип многоуровневости исследования. В общей теории систем принцип иерархизации обычно

рассматривается как принцип иерархичности, а принцип многоплановости (многоплоскостности) – как требование, являющееся следствием принципа иерархичности. Понятие иерархии, однако, уже понятие многоплановости: иерархический план оказывается лишь одним из планов рассмотрения звукоизобразительной системы (ЗИС), а иерархизация – лишь одним из следствий принципа многоплановости (многоплоскостности). Согласно выделяемому нами принципу иерархизации система трактуется как сложное иерархическое образование, в котором выделяются различные взаимосвязанные уровни; к каждому элементу системы можно подходить как к самостоятельной системе. Любая система представляет собой, как правило, элемент системы более высокого порядка; элементы же любой системы, в свою очередь, обычно выступают как системы более низкого порядка.

Следствие 4. Последнее следствие – принцип, который мы называем «принципом экологизации», т.е. рассмотрения системы (и, следовательно, отдельных ее элементов) в неразрывной связи со средой. Принцип экологизации тесно связан с принципом иерархизации: среда может изучаться как более широкая система, в которую входит данная система.

§ 4. Звукоизобразительная система китайского языка как пример существования отношений между звучанием и значением

Китайский язык, несмотря на древнюю историю своего существования и благодаря демографическим особенностям Китая, являясь самым распространенным языком мира, однако по-прежнему относится к редким языкам – в том отношении, что он еще не достаточно изучен, особенно в сравнении с индоевропейскими языками.

«При сохранении культурной преемственности всегда очень осязательна сила традиции. Тем более велика она в Китае с его неоттысячелетним непрерывным культурным развитием. В таких условиях разговорный язык имеет мало шансов вытеснить язык традиционной культуры. Поэтому в Китае происходит включение в письменный язык новых, разговорных элементов, а не

вытеснение старого письменного языка вэньяня новым литературным языком байхуа, основанным на разговорном языке (термин 白话 bai²hua⁴ обозначает понятный < ср. 明白 ming²bai > литературный язык, противопоставляемый вэньяню – 文言 wen²yan²)» (Карапетьянц, Тань Аошуан 2001: 11).

Письменный и устный, «классический» и «живой» языки были противопоставлены в Китае сравнительно недавно. Для времен, предшествовавших рубежу двух эр, известен лишь письменный язык, который выступал фактором лингвистического единства Китая. Этот язык имел письменную форму, но не имел устной, поэтому не мог выступить в роли центра объединения диалектов китайского языка. Средством письменного выражения этого языка была иероглифическая письменность, знаки которой можно было читать на любом диалекте. Словари «Эр'я», «Шовэнь цзецзы», «Цыхай» – полностью иероглифические словари, не имеющие никаких фонетических комментариев (за исключением разъяснений фонетической категории иероглифов).

Китайский язык, который можно охарактеризовать как «ультралексический» по Ф. де Соссюру представляет собой цельный материал для фоносемантических исследований. Изучение звукоизобразительной системы логично начать с представления особенностей фонологической системы китайского языка.

4.1. Фонологическая система китайского языка

Современное лингвистическое описание фонологической системы китайского языка находится в стадии интенсивной разработки. Следует отметить, что среди синологов нет единства мнений в оценке тех или иных существенных сторон фонетической системы китайского языка. Например, в описании китайского вокализма выделяют от трех до тридцати и более фонем (Алексахин 2000: 20).

Понятие фонемы занимает центральное положение в фонологии. На первый взгляд, кажется, что фонема прочно вошла в число лингвистических

универсалий, признанных необходимыми для описания языков различной типологии. Однако это не совсем так. В.Б. Касевич, например, полагает, что «существует целый ряд языков, среди них китайский, вьетнамский, бирманский и многие другие, к фонологическим единицам которых само понятие фонемы, строго говоря, неприменимо» (Касевич 1983).

Как известно, еще в 1912 г. Л.В. Щерба предсказал возможность такой фонологической системы, в которой гласные и согласные звуки функционально не выделяются как самостоятельные единицы, а в качестве кратчайших звуковых единиц данного языка выступают целостные слоги (Щерба 1958: 120). «Фонематический анализ китайской звуковой системы, сделанный не с точки зрения фонетики европейских языков, а с точки зрения китайского языка, в котором «слова» никогда не делятся морфологическими границами на отдельные звуки, обнаружит для нас некоторую «диффузность» китайских «словозвуков» (Щерба 1935: 458). В то же время Е.Д. Поливанов, сравнивая соотношение слоговых и морфемных границ в китайском и европейских языках, отмечает, что если в европейских языках «слова формируются из звуков», то в китайском языке «слова формируются из слогов». В этой связи автор говорит о «значительной близости представления слога – «*силлабемы*» в китайском языке к понятию «фонемы» как «элементарной фонетической величины, с которой фактически имеет дело языковое мышление в формировании слов» (см. Иванов, Поливанов 2003: 4-7). Е.Д. Поливанов утверждает также возможность деления китайского слога «с точки зрения китайского языкового мышления» на ряд «психофонетических величин низшего порядка», то есть на известные гласные и согласные звуки, которые располагаются в составе слога в одном строго определенном порядке и могут обладать некоторой «символической функцией», т.е. способностью различать языковые знаки в данном языке. Тем не менее, многие исследователи корневых языков, в первую очередь китайского, выделяют в качестве минимального различителя слов не фонему, а слог. Л.Р. Зиндер, отмечая, что проблема слога относится «к труднейшим проблемам общей фонетики», обращает внимание лингвистов на тот факт, что «в языках

фонематического строя, в которых наименьшей единицей, имеющей семантическую нагрузку, является отдельный звук речи, слог как таковой не связан со смыслом» (Зиндер 1979: 278). В китайском же языке, указывает далее автор, имеется строго ограниченный круг допустимых сочетаний звуков в слог. В результате звуки теряют самостоятельность, и слог воспринимается как единое целое.

В китайской традиционной фонологии yin¹yun⁴xue² 音韵学 (иньюньсюе) исходным понятием также является не «отдельный звук», а целый слог, выступающий в качестве основной звуковой единицы языка. Китайцы всегда представляли себе слог zi⁴yin¹ 字音 (цзыинь) как звуковое единство, в котором могут быть выделены три звуковые величины – sheng¹ 声 (шэн – инициаль), yun⁴ 韵 (юнь – финаль), diao⁴ 调 (дяо – тон) (Нгуен 1974: 7). Важно отметить, что только после знакомства с европейскими языками, с понятием «звука» в плане общей фонетической типологии, китайцы также начали описывать тонированные слоги своего языка в виде последовательности четырех звуковых элементов (к вышеперечисленным трем добавилась медиаль). Во всяком случае, эти звуковые элементы выделяются китайскими филологами лишь в рамках слога по определенным в нем позициям и взаимосвязаны между собою в слоговом единстве, подобно тому, как из животного тела выделены его голова, шея, живот и т.д., которые неотделимы друг от друга и не существуют вне единого тела (см. Ло-Чан-пэй 1962: 91).

Несомненна справедливость замечания, что «сегментация... имеет подлинную ценность тогда, когда она адекватна языковой компетенции (интуиции) говорящего/слушающего» (Зиндер, Касевич 1989: 31). Для носителя китайского языка составляющая слога вне слога немыслима; ее можно представить в отдельности только при совпадении с целым слогом. Для китайца звукопредставлением является именно «слоговая» реализация «звука речи», в которой «звук речи» определенным (стандартным) образом дополняется до

слога. Не случайно и китайское слово yin¹ 音 «звук» в применении к речи обозначает слог (Карапетьянц 2002: 277).

Следует отметить, что китайский фонетический алфавит – пиньинь цзыму (дословно: транскрипционные знаки) появился сравнительно недавно – в 1958 г. в результате осуществления одного из основных направлений реформы письменности (наряду с упрощением написания китайских иероглифов). В *Приложении № 1* приводим таблицу транскрипций китайских инициалей и финалей буквами китайского фонетического алфавита в сопоставлении с русской и международной фонетической транскрипцией (Спешнев 1980: 118-119).

Именно представление об иной фонетической организации речи позволяет понять феномен китайского акцента, который представляет собой не неправильное произнесение отдельных звуков, а иную, послоговую организацию звукового материала. Произношение китайцем вместо «стул» «сытулэ» предполагает не неправильное выговаривание русских звуков «с» и «л». Китаец просто плохо воспроизводит непривычный слог, даже если в него входят знакомые ему звуки.

Слогофонемность китайского языка подтверждают и данные экспериментальной фонетики. Вывод о постоянстве времени звучания китайского слога и перераспределении длительности между его составляющими при усложнении содержится в фундаментальном исследовании М.К. Румянцева (Румянцев 1972: 13, 17). Согласно экспериментально-фонетическим данным минимальная длительность слога в китайском тексте близка к минимальной единице «речевого» времени (дифференциальному порогу) – около 1/50 сек (Моль 1966: 45, цит. по Карапетьяцу 2002: 291), совпадающей с минимальным временем, необходимым для реализации «европейской» фонемы.

4.1.1. Тоны китайского языка

Китайский язык является тональным языком: значение его слоговых морфем различается не только фонемами – сегментными единицами, из которых образуются слоговые морфемы, но и тонами – суперсегментными единицами, которые образуют их просодию. В этом состоит наиболее характерное типологическое отличие китайского языка от нетональных языков. «Именно *тон* является самой существенной и обязательной фонологической характеристикой слога» (Румянцев 1990: 137). «Тон, реализующийся на протяжении всего слога и свойственный слогу в целом, не противопоставлен фонетическим компонентам слога» (Карапетьянц 2002: 284).

В китайском национальном языке путунхуа представлены четыре этимологических тона: yin¹ping 阴平 (иньпин) – ровный высокий тон, yang²ping 阳平 (янпин) – восходящий, shang³sheng¹ 上声 (шаншэн) – тон сложного контура с нисходящей и восходящей частью, qu⁴sheng¹ 去声 (цюйшэн) – нисходящий. В тоне отдельного слога, точнее, слоговой морфеме китайского языка, представлены одновременно все три акустических составляющих языковой просодии: высота, длительность, интенсивность. Аналогично фонеме в других языках тоны китайских слогов в составе многосложных лингвистических единиц выступают в позиционных вариантах, которые образуются под влиянием тона последующего слога (У Цзунци 1982: 440-441; У Тяньхуй 1984: 70-71). Поэтому реальное произношение тона в составе многосложной единицы обычно отличается от его произношения в отдельном слоге и даже может совпадать с контуром другого тона.

Нейтральный тон как особая единица просодии китайского языка была выделена в описаниях фонетики китайского языка в начале 20-х гг. прошлого века. Его основными признаками являются слабость артикуляции и краткое время произношения. Высота нейтрального тона зависит от тона предшествующего слога. «Нейтральный тон, как известно, не есть отсутствие тона. В тоновой системе нейтральный тон дискретно противопоставлен всем

четырем полным тонам, поэтому его подстройка к каждому из полных тонов ритмически так же значима, как и подстройка друг к другу тонов полных» (Румянцев 1990: 227). По мнению Н.А. Спешнева, этот «легкий» (qing¹sheng 轻声), или «нулевой», тон есть «...реализация полного тона в безударном слоге, в связи с чем его следовало бы называть редуцированным» (Спешнев 1980: 72). Тон – это не ударение, которое тоже имеет место быть в китайском языке. Специальная экспериментальная проверка функциональной значимости предполагаемых акцентных различий, проведенная М.К. Румянцевым в начале 70-х годов, показала, что «психологическую реальность для китайца представляют тоны. Он их воспринимает и может разметить. Ударение же китаец разметить не может именно потому, что они для него на уровне слова фонологически не существенны» (цит. по Зубковой 2002: 42). Открытым остается вопрос, по какому принципу определяется тоновая характеристика того или иного слова (морфемы).

Среди китайских междометий есть омографы, которые, сохраняя фонетическую оболочку, различаются только тоновой характеристикой, например:

啊 a¹ выражает изумление, удивление, восхищение.

啊, 是你! А, это ты!

啊, 他汉语说得这么好! Ого, как он хорошо говорит по-китайски!

啊, 真好哇! Ох, действительно хорошо!

啊 a² выражает настойчивый вопрос.

啊? 你说什么? А? Что ты сказал?

啊 a³ выражает недоумение.

啊? 怎么回事啊? В чем дело, а?

啊 a⁴ выражает согласие, осознание, восхищение.

啊, 好吧。А, хорошо. (a⁴ звучит коротко)

啊, 原来是你。А-а-а, оказывается, это ты! (a⁴ звучит продолжительно)

啊！伟大的祖国！О, великая Родина! (а⁴ звучит продолжительно)

Представляется, что именно данные значения тонов являются основополагающими, ядерными, образцовыми, и составляют *лексический* аспект тоноразличения. В то же время именно при изолированном произнесении слога, предопределяющем однозначное восприятие тона, происходит формирование четких акустических признаков тона, по которым осуществляется узнавание тона – *акустический* аспект. Диапазон варьирования тонов подчас так значителен, что М.К. Румянцев считает возможным условно различать два типа тонов – «контекстные» и «акустические». «Контекстный» тон – это «...тон, акустически деформированный настолько, что он не узнается вне контекста (например, нейтральный тон – Т.П.). «Акустический» же тон легко опознается по своим акустическим характеристикам как в контексте, так и вне его» (цит. по Зубковой 2002: 47).

На основе анализа данных междометий-омографов нам представляется возможным сделать еще один любопытный вывод: фактически, в этом случае наблюдается почти тождественное использование интонации в изолированных и флективных языках, что подтверждает универсальность просодии.

Итак, тон – единица фонологическая: он различает слогоморфемы. Но функции тона не замыкаются только на слогоморфеме. Тоны как просодическое средство организуют всю просодическую систему языка: они создают тоноритмику китайских слов и словоподобных образований (двусложных и многосложных), на их основе осуществляются все интонационные дифференциации – синтаксические, коммуникативные, модальные, эмоциональные, стилевые. Все названные просодии модифицируют физическую структуру тонов, вплетают в их параметры свои характеристики. В результате тон в речи всегда оказывается интегральной единицей, несущей в себе не только признаки слогового тона как такового, но и всех других просодических наложений (Румянцев 1990: 190).

Подсчет числа слогов в национальном языке проводился неоднократно. При этом разные авторы приходили к различным результатам. «Минимальное число слогов без учета тональных различий, полученное в этих подсчетах, составляет 397, максимальное – 420. По другим данным в национальном языке представлено 419 слогов, из которых 406 имеют соответствующие письменные знаки, а для 13 письменные знаки отсутствуют» (цит. по Софронову 2007: 20). С учетом тональных различий число слогов в национальном языке достигает примерно 1200. Их действительное число несколько меньше ожидаемого, потому что некоторые слоги произносятся не под всеми тонами национального языка.

4.1.2. Структура китайского слога

Признавая основной фонетической единицей китайского языка именно тонированный слог, то есть склоняясь к теории слогофонемы, которую разделяет с Е.Д. Поливановым большинство вьетнамских и российских исследователей вьетнамского языка (см. Соколовский 1992), где «слоговость» далеко не столь очевидна, как в китайском, мы также принимаем дальнейшее членение китайского слога на более мелкие фонологически значимые единицы: инициаль (начальный согласный) и финаль (рифма – остальная часть слога). Далее из финали можно выделить дополнительные единицы – медиаль и субфиналь; субфиналь, в свою очередь, подразделяется на централь и терминаль. Сказанное можно представить в виде таблицы (табл. № 1):

Таблица № 1

Таблица образования слогов китайского языка путунхуа

	Инициаль 声母	Финаль 韵母				Тон 声调
		Медиаль 韵头	Субфиналь 韵身		Терминаль 韵尾 гласный согласный (元音) (辅音)	
			Централь 韵腹			
e ⁴ 饿			e			去声
bu ³ 补	b		u			上声

you ¹ 优		i	o	u		阴平
xue ² 学	x	u	e			阳平
bai ² 白	b		a	i		阳平
luan ⁴ 乱	l	u	a		n	去声
ding ³ 顶	d		i		ng	上声

Установлено, что языки подразделяются на вокалические, консонантные и средние в зависимости от числа гласных и согласных фонем и их информационного «веса» в системе языка (Алексахин 1998: 23). Как пишет Ю.В. Рождественский (Рождественский 2007), такая классификация в виде гипотезы была сформулирована Е.Д. Поливановым, а впоследствии независимо от Е.Д. Поливанова развита А.В. Исаченко. Эта частная типологическая классификация объясняет явления аналитизма и синтетизма в истории языка. Оказывается, что сокращение числа гласных фонем связано с развитием синтетизма, а нарастание числа гласных фонем, появление дифтонгов и трифтонгов и сокращение числа согласных фонем сопряжены со становлением аналитизма в системе языка. Согласно данной типологической классификации, фонологический ярус китайского языка, чтобы системно соответствовать высоко аналитичному грамматическому ярусу, должен располагать относительно большим количеством гласных фонем, а звукоряды китайских слов должны обнаруживать большое количество разнообразных сочетаний гласных, фонетически реализуемых в виде дифтонгов и трифтонгов. Представленная ниже таблица сочетаний инициалей и финалей современного китайского языка позволяет убедиться, что все обстоит именно таким образом (табл. № 2). В данной таблице общее число инициалей составляет 21, финалей – 37 (葛留青 1987: 38).

Таблица сочетаний инициалей и финалей путунхуа

слог	Финали					
И н и ц и а л и	Примеры		открытого рта: -i, a, o, e, e, ai, ei, ao, ou, an, en, ang, eng, er	растянутого рта: i, ia, ie, iao, iu, ian, in, iang, ing	закрытого рта: u, ua, uo, uai, ui, uan, un, uang, ueng, ong	стянутого рта: u, ue, uan, un, iong
	губно-губные	b, p, m	+	+	только с u	
	губно-зубные	f	+		только с u	
	с участием средней части кончика языка	d, t n, l				+
	средне- язычные	j, q, x		+		+
	задне-язычные	g, k, h	+		+	
	с участием задней части кончика языка	zh, ch, sh, r	+		+	
	с участием передней части кончика языка	z, c, s	+		+	
	нулевая финаль		+	+	+	+

В свое время Н.С. Трубецкой, описывая общие законы сочетаемости фонем, пришел к выводу, что универсально допустимыми сочетаниями фонем можно считать лишь группу «согласный+гласный». «Такое сочетание является логической предпосылкой существования гласных и согласных, ибо в противном случае гласный не мог бы противостоять согласному: ведь фонема существует лишь постольку, поскольку она противопоставляется другой фонеме. Как бы там ни было, язык без сочетаний «согласный + гласный» немыслим» (Трубецкой 2000: 264).

Об этом же говорит А.Н. Алексахин, считая, что «основой фонетической системы любого языка является согласнo-гласная (СГ) коартикуляция, реализующая фонологические оппозиции каждого конкретного языка, а потому

определяемая как ядерная, или производящая» (Алексахин 1998: 24). Рассмотрим подробнее данный подход.

Согласно-гласная производящая оппозиция, генетически базируясь на системообразующих свойствах левого и правого членов СГ коартикуляции, задаваемых родовыми (видовыми) параметрами артикуляционно-акустического пространства речевого аппарата человека, исторически характеризуется системоприобретенными свойствами согласных и гласных фонем данной фонетико-фонологической системы. Таким энергетическим пространством выступает раствор челюстного угла, по закону симметрии структурированный на левую и правую подсистемы относительно нулевого своего состояния $-1 < 0 < 1$. По формуле СГ коартикуляции $-1 < 0 < 1$ гласные производятся за счет работы правого цикла раствора челюстного угла. Гласные образуют правую подсистему, противостоящую левой в единой фонологической системе. Определение гласных осуществляется по одному физиологическому основанию с согласными: по месту образования раствора и по принципу работы голосовых связок. Такое определение левых и правых членов СГ производящей коартикуляции обнаруживает изоморфизм структуры серий согласных и гласных фонем китайского языка путунхуа.

Определение дифференцированной связочности в качестве классифицирующего признака китайских сильных гласных параллельно определению дифференцированной связочности как классифицирующего признака китайских согласных (глухие непридыхательные и глухие придыхательные) одинаково осуществляется по физиологическому основанию, раскрывающему артикуляторную причину существования акустического термина «тон». Дифференциация китайских гласных в зависимости от укладов голосовых связок не подрывает симметрии внутренней структуры левого и правого членов СГ коартикуляции, но имеет лишь различную, количественно асимметричную выраженность, присущую членам левой и правой подсистем.

Вокальная доминанта, или «детерминанта» (по Г.П. Мельникову) фонологической системы китайского языка путунхуа демонстрируется универсальной формулой исчисления множества фонем разных языков:

ПД (пекинский диалект) 25... $1 < 0 < 1 \dots 31$

РЯ (русский язык) 35... $1 < 0 < 1 \dots 6$

Размещение единиц слева и справа от нуля как символов ядерных оппозиций производящей СГ оппозиции показывает, что те и другие учитываются в фонологической системе по выдержке, отмечаемой слева для согласных, а справа для гласных. Связь единиц с нулем через знаки изменения фонизирующего раствора показывает, что в артикуляционном пространстве от нуля до выдержки реализуются слабые гласные, определяемые по неполной артикуляционной программе (например, $-i$, e). Если не подразделять гласные на сильные и слабые, то в соответствии с таблицей № 2 формула исчисления фонем китайского языка будет выглядеть: **КЯ 21 ... $1 < 0 < 1 \dots 37$** .

О большом информационном весе гласных в номемах (звуковых оболочках слов – Т.П.) китайских слов по сравнению с русскими словами говорит то, что в русском и китайском языках сформированы одни и те же звукопозиционные слоговые матрицы, но в русском они реализуются с консонантным наполнением, а в китайском – с вокальным.

Говоря о китайском, вьетнамском и т.п. языках, как о языках «слогового строя», М.В. Гордина отмечает, что «это не следует понимать как констатацию морфологической неделимости» тонированного слога, а «лишь как подчеркивание того, что фонологическая роль отдельных звуков речи определяется их положением в слоге» (цит. по Нгуен 1974: 8). А.Н. Алексахин разграничивает отношения между элементами в слоге и морфеме. Слог, с его точки зрения, действительно выступает как неделимое целое, что же касается морфемы, то она членится на фонемы так же, как и любое слово в индоевропейских языках. Автор подробно доказывает это в вышеизложенном сформулированном положении о вокальной детерминанте фонологической системы китайского языка. В отношении согласных звуков с точки зрения

членения китайской морфемы на фонемы А.Н. Алексахин считает, что «в этом проявляется фундаментальное различие системообразующих свойств согласных в речи и в языке: в слогах согласные не реализуются без последующих гласных, то есть не автономны, в сонемах (звуковых оболочках морфем – Т.П.) согласные автономны, то есть отождествляются с гласными по сонемообразующей функции» (Алексахин 1990: 73). Представляется, что такой подход к разграничению структуры китайского слога и морфемы является достаточно обоснованным, поскольку объясняет способность взрослых носителей китайского языка к выделению в потоке речи не только слогов, но и отдельных звуков (Трофимова 2003: 87).

Таким образом, в проблеме «силлабема – фонема» автор диссертации, как и большинство китайских и российских лингвистов признает, что для фонологической системы китайского языка весьма существенным оказывается понятие слога: тонированный слог является основной фонетической единицей языка, хотя он и может быть разложен на те или иные структурные составляющие.

А.А. и Е.Н. Драгуновы предложили рассматривать все китайские финалы в виде весьма экономной системы трех серий (см. Спешнев 1980: 12-14). По данной системе все финалы китайского языка могут быть представлены двумя параллельными пятичленными сериями «а» и «е» и одной одночленной серией «нуль», примыкающей к серии «е». Финалы пятичленных серий образуют следующие микросистемы простых финалей (собственно финалей (Задоевко, Хуан Шуин 1973: 89)) (схема 1).

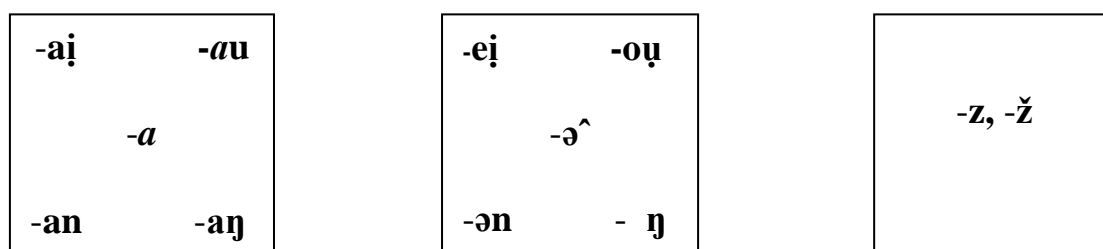

Схема 1.

В центре каждой микросистемы находится гласный звук, являющийся ядром серии. Далее, финали основного ряда пятичленных серий (или простые финали, или собственно финали – по Задоенко), а также «нуль» финали могут быть представлены в четырех видах в зависимости от того, присоединяются они к инициалам непосредственно или через медиали /i, u, y/. Что же касается серии «нуль», то ее зависимость от медиалей «выражается в том, что слогообразующую функцию – за отсутствием основного гласного – несут именно эти промежуточные элементы, что соответственно дает слоговые [-u], [-i], [-y], выступающие в такого рода слогах как финали, а не как медиали...» (Драгунов, цит. по Спешневу 1980: 13). Финали пятичленных серий, осложненные медиалами (сложные финали, производные от собственно финалей (Задоенко, Хуан Шуин 1973: 89), преобразуются в финали лабиального, палатального и лабиопалатального рядов, как это соответственно показано на схемах 2-4.

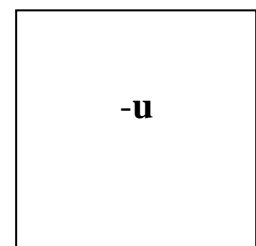
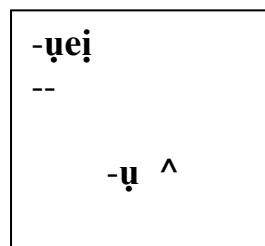
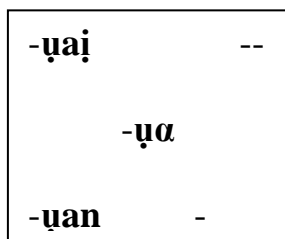

Схема 2.

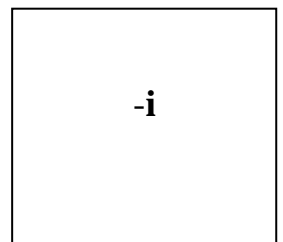
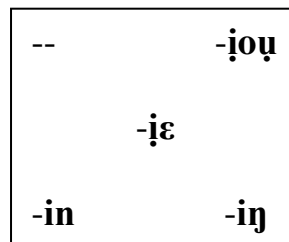
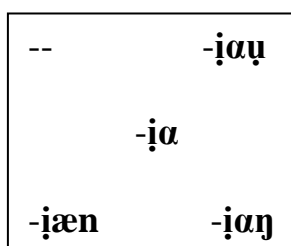

Схема 3.

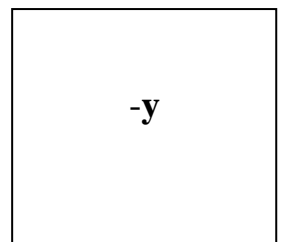
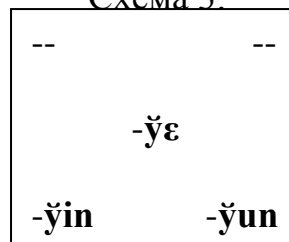
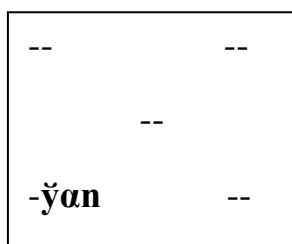

Схема 4.

Прочерк в схемах означает отсутствие соответствующей финали в китайском языке.

4.1.3. Лабиальные финали в современном китайском языке

Подчеркивая, что китайский язык относится к вокалическим, считаем целесообразным еще раз остановиться на характеристике гласных звуков и системе финалей китайского языка.

Подробный анализ артикуляции гласных звуков и основные отличия гласных от согласных представлены в «Лекциях по введению в языкознание и общей фонетике» (Поливанов 2004: 51-58), мы же акцентируем внимание на некоторых существенных характеристиках гласных.

«Артикуляторные свойства гласных заключаются в том, что это звуки, образующиеся с обязательным участием голоса и при отсутствии какой-либо преграды в надгортанных полостях» (Языкознание 2000: 105).

Тембр гласного зависит от величины и формы полости рта так же, как характер звуков, получаемых от духовых инструментов, зависит от величины и формы этих инструментов. Известно, что большая труба дает более низкие тоны, чем маленькая. Потому и звук [u], при котором участвующая в звукопроизводстве пещера (полость рта, увеличенная вытянутыми вперед губами) больше, чем при других гласных, обладает наиболее низким характерным тоном. Можно определить характерные тоны для всех гласных, что называется акустической характеристикой гласных (Поливанов 2004: 53). В китайском языке 6 гласных: *a*, *o*, *e*, *i*, *u*, *y*. Самый высокий характерный тон принадлежит гласному [i], при [e] он ниже, при [o] еще ниже, самый же низкий при [u].

С точки зрения участия губ гласные делятся на лабиализованные (от лат. *labium* «губа») и нелабиализованные. Первые снабжены губным округлением, благодаря которому губы являются краями выходного отверстия звукопроизводящей камеры; при вторых краями звукопроизводящей камеры служат зубы. К лабиализованным принадлежат [u], [o], [y]. Губная работа (или

лабиализация) при звуке [o] иная, чем при [u]: при [o] губы не столь сильно сближены, и круглое отверстие между ними шире, чем при [u] (Поливанов 2004: 55).

В процессе артикуляции гласных звуков в работе языка имеется много различных сторон, способных отражаться на качестве гласного. Система физиологической классификации гласных, носящая имена фонетиков Bell'a и Sweet'a имеет в виду три самые главные: место наиболее приподнятой к небу точки языка, степень приподнятости, сильную или слабую напряженность мускулов языка.

Ссылаясь на обозначенные Е.Д. Поливановым обобщенные физиологические характеристики французских гласных, служащие типичными для ряда других языков (Поливанов 2004: 58) (в том числе и для китайского – Т.П.), [u] и [o] определяются как гласные задние, напряженные и лабиализованные, отличающиеся друг от друга разной степенью приподнятия языка к небу – гласный [u] отличается более сильным поднятием языка; гласный [ü] – передний, напряженный, лабиализованный, отличающийся от [u] и [o] тем, что у [ü] наиболее приближенной к небу оказывается самая передняя часть спинки языка, тогда как у задних [u] и [o] приподнимается наоборот задняя часть языка. Данные общеизвестные признаки гласных дают нам основание для фонетического сопоставления различных языков: лабиальность – универсальная характеристика определенных звуков.

Лабиализация (от ср.-лат. *labialis* – губной) (огубление) – артикуляция звуков речи, сопровождаемая округлением вытянутых вперед губ (Языкознание 2000: 250). В китайском языке лабиализация исходной формы пятичленных серий связана с присоединением к субфинали медиали /u/ (см. схему 2). Артикуляторно медиаль имеет признаки изолированного гласного. В записи буквами китайского фонетического алфавита финали, осложненные медиалью /u/ (то есть лабиализованные финали – Т.П.), принимают следующий вид: wai (uai), wan (uan), wang (uang), wei (ui), wen (un), weng (ong). В скобках указано обозначение финалей при наличии инициали (Спешнев 1980: 62).

В соответствии с целями нашего исследования и на основании вышеизложенного материала конкретизируем перечень лабиальных и лабиализованных звуков китайского языка.

В состав исследуемого материала входят лабиальные финалы основного ряда финалей китайского языка: *o*, *wu (u)*, *ao*, *ou*, *wa (ua)*, *wo (uo)*; финалы лабиального ряда с медиалью *-u*: *wai (uai)*, *wan (uan)*, *wang (uang)*, *wei (ui)*, *wen (un)*, *weng (ong)*; финаль *yu (ü)*, а также финалы лабиопалатального ряда с медиалью *-y* (в соответствии с сильным артикуляционным признаком «лабиальность» их более точно назвать лабиализованными финалями): *yue*, *yuan*, *yun*, *yong*. Таким образом, окончательный список выглядит следующим образом: *o*, *ao*, *ou*, *wa (ua)*, *wo (uo)*, *wu (u)*, *yu (y)*, *wai (uai)*, *wan (uan)*, *wang (uang)*, *wei (ui)*, *wen (un)*, *weng (ong)*, *yue*, *yuan*, *yun*, *yong* – всего 17 финалей, что составляет 45% от общего числа финалей (38). Для удобства мы будем называть все данные финалы лабиальными, признавая некоторую относительность выбранного термина.

В дипломной работе З.В. Марьян «Тоновая маркированность слогов современного китайского языка» (научный руководитель – О.М. Готлиб) составлена таблица всех слоگوупотреблений из фонетического указателя большого китайско-русского словаря под редакцией И.М. Ошанина, общее число которых 20156. Общее число лабиальных финалей данного словаря составляет 8170 (40%) – см. *Приложение № 2*. Самой продуктивной из всех лабиальных финалей оказалась финаль *-u*, которая отдельно (156) и в сочетаниях с разными инициалами насчитывает 1448 иероглифов. По мере уменьшения далее следуют финалы *ao* – 856; *yu* – 761; *ui* – 733; *uo* – 682; *ou* – 589; *ong* – 562; *uan* – 436; *un* – 419; *yuan* – 271; *yun* – 260; *uang* – 250; *yue* – 243; *o* – 228; *ua* – 167; *yong* – 165; *uai* – 100.

Мы провели подсчет лабиальных финалей в китайских текстах – художественном, экономическом и разговорном (устном). Исследуемые тексты (в иероглифической и фонетической записи) представлены в *Приложении № 3*. Результат оказался следующим.

1. В отрывке из знаменитого произведения «Пожелание счастья» «祝福» китайского писателя Лу Синя 鲁迅 (1881-1936), общим объемом 1452 иероглифа, лабиальные финалы встретились 387 раз, что составило **26,7%**.

2. В части доклада «Китайское чудо: опыт экономического развития» «中国奇迹：经济发展的经验» Хэ Сюеяня 何学颜 (2002 г.) общим объемом 1635 иероглифов, лабиальные составили **30,5%** (499). Процент лабиальных финалей в экономическом тексте оказался немного выше, возможно, потому, что только слово Китай (Zhong¹guo² 中国) с двумя лабиальными финалями встретилось в тексте 37 раз.

3. Еще один текст представляет собой запись устного диалога между китайскими аспирантами Wu²Chao² 吴超 и Zhao⁴Ming² 赵明 «Обмен впечатлениями об олимпиаде в Пекине». В иероглифической записи текста (869 знаков) объем лабиальных составил **27,5%** (239 слов).

Иероглифический состав лабиальных финалей в словаре больше, чем в текстах потому, что в словаре представлены все возможные значения без учета их частотности употребления в речи, тогда как текст дает более объективную картину, особенно запись устного текста, позволяет максимально смоделировать речевую ситуацию. Так, в составе исследуемого большого китайско-русского словаря под редакцией И.М. Ошанина общее число иероглифов – 20156, а к числу часто употребительных относятся только 2500 иероглифов.

4.2. Звукоизобразительная система китайского языка

В современных терминах звукоимитация и звукоподражания как языковые подсистемы образуют звукоизобразительную систему языка. Схематично, это соотношение терминов можно изобразить следующим образом: ЗС + ЗП => ЗИ. Все эти явления обладают фонетической мотивированностью, а первые два понятия одинаково определяются в лингвистическом словаре как «закономерная, произвольная, фонетически мотивированная связь между

фонемами слова и полагаемым в основу номинации незвуковым (неакустическим) признаком денотата» (Языкознание 2000: 166). Звукосимволизм и звукоподражательность являются сходными, но не тождественными понятиями. Звукоподражания отличаются от звукосимволических слов тем, что у первых – связь внешняя, основанная на акустике, у последних – связь внутренняя, основанная на явлении синестезии (от греч. *synaisthesis* – соощущение). Границу между звукоподражаниями и междометиями можно провести по преобладающему функциональному признаку: функция первых – имитативная, вторых – экспрессивная.

Представляется целесообразным начать изучение звукоизобразительной системы языка с *текста*. Человек – наивный пользователь языка создает, прежде всего, сообщение, текст, не задумываясь о лингвистических уровнях низшего порядка, усваивая «не слова языка, а слова конкретных людей в конкретном контексте» (Бахтин 1979: 269). Трудности дефинирования того, что означает слово текст и что можно считать текстом, рассматривают И.Н. Горелов и К.Ф. Седов (1997: 51-52), справедливо отмечающие, что в некоторых ситуациях и в общепринятом смысле текстом может быть и одно слово, и даже одна буква (например, «М» – метро). Ю.А. Сорокин разграничивает предметные сферы, исследуемые лингвистикой текста и психолингвистикой: Если текст есть не что иное, как любая последовательность языковых (речевых) знаковых средств, обладающая признаками связности, цельности (целостности) и эмотивности, имеющими различную ценность для носителей языка, которая может быть зафиксирована с использованием самых разнообразных способов и средств (экспериментального и неэкспериментального характера) и интерпретирована с помощью определенных понятий, то следует отнести проблему связности (когерентности) текста к ведению «лингвистики текста», а проблему цельности (целостности) и эмотивности текста – к ведению психолингвистики (Сорокин 1982). «Под текстом мы будем понимать не только некое графически зафиксированное сообщение, но сложное целое, находящееся на пересечении вне- и внутритекстовых связей: только на основе их

сопоставления можно говорить о понятии текста» (Базылев, Сорокин 2000: 9). Основной продукт, результат любого процесса понимания текста – создание некоторого образа того, что стоит за текстом: «Мы понимаем не текст, а мир, стоящий за текстом» (Леонтьев 2001: 249).

Феномен звуко-символизма проявляется при восприятии и звучащего, и письменного текста, что побуждает многих исследователей выявлять конгруэнтность звука и смысла в поэтических и в прозаических произведениях (Шадрина 2001). Фоносемантические связи между означающим и означаемым, мотивировавшие примарную языковую номинацию, но в значительной степени утратившие свое значение на уровне языка ввиду абстрактизации языкового знака, сохраняются на уровне речи. Звукоизобразительность сопровождает человека от самых ранних стадий его языкового развития, когда в детской речи она проявляется спонтанно и неосознанно, до наивысших образцов речетворчества в ораторском и писательском искусстве (Павловская 1999: 7).

В данной работе кроме текста, будут последовательно рассмотрены звуко-символические и звукоподражательные слова, междометия как классы слов, обладающие звукоизобразительностью, но отличающиеся разной степенью и характером мотивированности, образующие звукоизобразительную систему языка. Китайский язык, на месте которого мог бы оказаться любой другой язык, служит материалом для проведения фоносемантического исследования.

4.2.1. Звуко-символизм текста

И.И. Валуйцева указывает на то, что в языке одновременно существует и примарный, и секундарный звуковой символизм. Примарный звуко-символизм находится на периферии языковых/речевых явлений, куда он вытеснен более сильными типами мотивации, он практически не осознается носителями языка и может быть выявлен на основе применения специальных лингвистических методик (например, этимологический анализ слова или ассоциативный/не ассоциативный эксперимент). Секундарный звуковой символизм «задается»

всей системой языка. Он отражает стремление носителя языка перейти от одно/многозначного соответствия между коннотативно-признаковым аспектом значения и способом звуковой организации языковой/речевой единицы к одно/однозначному соответствию (стремление к непротиворечивости, ясности, экономии) (Валуйцева 1987: 6).

Звукоизобразительность – неотъемлемая черта речевой деятельности человека, способствующая наиболее полному раскрытию смысла при передаче сообщения посредством фонетических элементов (звуковых или переданных на письме) (Павловская 1999).

«Тиндиликал мандолиной, дундудел виолончелью» – написал В. Маяковский, потому что звукоподражание само по себе короче и выразительнее, чем более длительное и сравнительное описание другими словами. Звуковые образы, созданные посредством звукоподражания в художественных – главным образом, стихотворных – текстах, наиболее наглядно подтверждают законы фоносемантики. Так, нагнетание шипящих согласных создает ощущение шуршания в стихотворении К. Бальмонта «Камыши»:

Полночной порою в болотной глуши

Чуть слышно, бесшумно шуршат камыши...

Звуковой символизм наблюдается не только у отдельных звуков, но и у звукорядов слов, предложений, даже у целых текстов. Нет сомнения, что слова, обладающие фонетической, морфологической и семантической мотивированностью, обладают вместе с тем повышенной экспрессивностью и эмоциональной насыщенностью.

Ссылаясь на статью В.И. Шаховского (Шаховский 1989: 24), приведем пример звуковой символизации в художественном тексте прозаического характера. Дилан Томас, творчество которого английская литературная критика сравнивает с живописью и музыкой, так объясняет свой метод выбора звучащего слова: “What the words stood for, or symbolized, or meant was of very secondary importance; what mattered was the sound of them ... I cared for the shapes

of sounds that their names and the words cast on eyes... the shape and shade, and size, and noise of the words as they hummed, jiggled and galloped along”. «То, что означили, символизировали слова, имело второстепенное значение; то, что было важно – это звуки, составляющие эти слова... Я заботился о том, чтобы эти звуки имен и слов привлекали внимание ...чтобы и форма, и намек, и размер, и звучание слов имели значение в процессе того, как они мямлили их, говорили выборочно и стремительно».

В наиболее известном произведении Дилана Томаса “Under Milk Wood” описание деревенского утра целиком построено на экспрессивном звуковом символизме. Не все слова этого описания можно найти в словаре, так как автор придумал много новых слов или соединил два известных, чтобы получить новый звуковой ряд. Читая это описание вслух, необязательно понимать смысл слов, достаточно наслаждаться их звучанием, что и замышлял автор. Вот отрывок из него: “There’s the *clip-clop* of horses on the *sunhoneyed* cobble, of the *humming* street, hammering of *horse-shoes*, gobble *quack cackle*, twitter from the bird – *ounced* boughs, *braging* on Donkey Down. Bread is *baking*, pigs are *grunting*, *chop* goes the butcher, milk churns *bells*, tills *ring*, sheep *cough*, dogs *shout*, sawa *sing*”. Выделенные слова являются *деструктемами* (Сорокин 2005), под которыми понимаются «...случаи нестандартного применения исходных кодов, имеющие место на всех уровнях сообщения, преобразующие его в эстетическое благодаря глобальному изоморфизму...» (Эко 1998: 116).

В качестве еще одного примера звуковой символизации предлагаем проанализировать отрывки из всемирно известных стихотворений А.С. Пушкина.

Мороз и солнце; день чудесный!

Еще ты дремлешь, друг прелестный, –

Пора, красавица, проснись:

Открой сомкнуты негой взоры,

Навстречу северной Авроры,

Звездою севера явись!

(«Зимнее утро», 1829)

С помощью «автоматического» анализа звуковой содержательности всего стихотворения А.П. Журавлев получает представление об общем характере произведения как «о чем-то ярком, светлом, радостном и нежном» (Журавлев 1991: 76). На основании фонетического анализа это происходит благодаря высокой частотности обладающей данными характеристиками звукобуквы Л', которая оказалась равной 0,041 (т. е. в тексте этого стихотворения Л' встречается 41 раз на тысячу знаков, когда ее нормальная частотность в обычной разговорной речи составляет 0,017 – примерно 17 раз на тысячу знаков).

Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя;
То, как зверь она завоет, то заплачет, как дитя,
То по кровле обветшалой вдруг соломой зашумит,
То, как путник запоздалый, к нам в окошко застучит.

(«Зимний вечер», 1825)

Описание зимней бури ночью компьютер охарактеризовал как «что-то темное, страшное, сильное, угрюмое, быстрое» (Журавлев 1991: 76), данное звуко-символическое значение получилось благодаря преобладанию звуков Р, К, Ш, У – которые передают аналогичные содержательные характеристики.

Сравним теперь пушкинские строки в китайском переводе:

严寒和太阳，真是多么美好的日子！
你还在微睡吗，我的美丽的朋友 –
是时候了，美人儿，醒来吧，
睁开你为甜蜜的梦紧闭着的眼睛吧，
去迎接北方的曙光女神，
让你也变成北方的星辰吧！

冬日的早晨

Yan²han² he² tai⁴yang; zhen¹ shi⁴ duo¹me mei³hao³de ri⁴zi!
Ni³ hai² zai⁴ wei¹shui⁴ ma, wo³de mei³li⁴de peng²you –
Shi⁴ shi²hou le, mei³ren², xing³ lai² ba;
Zheng¹kai¹ ni³ wei⁴ tian²mi⁴de meng⁴jin³ bi⁴zhede yan³jing ba,

Qu⁴ ying²jie¹ bei³fang¹de shu³guang¹ nv³shen²,
 Rang⁴ ni³ ye³ bian⁴cheng² bei³fang¹de xing¹chen² ba!
 («Dong¹tian¹de zao³chen²»)

Проведя фонетический анализ отрывка из «Зимнего утра», в котором 72 слога, мы обнаружили следующее: инициалей, выраженных глухими согласными с придыханием – **6**, фрикативный глухой *xi* встретился 2 раза, лабиальных финалей – **11**, звонких инициалей (*r, m, n, l*) – **18**, следует отметить, что к звонким также относится носовая заднеязычная финаль *ng*, которая встретилась **13** раз, звук *a* в одиночных и сложных финалях – 13, звук *e* – 24, звук *i* – 21.

Сравним полученные результаты с отрывком в 79 слогов из «Зимнего вечера» на китайском языке:

风暴吹卷起带雪的旋风，
 象烟雾一样遮蔽了天空；
 它一会儿象野兽在怒吼，
 一会儿又象婴孩在悲伤，
 它一会儿突然刮过年久失修的屋顶，
 把稻草吹得沙沙作响，
 一会儿又象个迟归的旅客，
 在敲着我们的门窗。

冬天的夜晚

Feng¹bao⁴ chui¹ juan³qi³ dai⁴xue²de xuan⁴feng¹,
 Xiang⁴ yan¹wu⁴ yi²yang⁴ zhe¹bi⁴ le tian¹kong¹;
 Ta¹ yi²huir⁴ xiang⁴ ye³shou⁴ zai⁴ nu⁴hou³,
 Yi²huir⁴ you⁴ xiang⁴ ying¹hai² zai⁴ bei¹shang¹,
 Ta¹ yi²huir⁴ hu¹ran² gua¹guo⁴ nian²jiu³ shi¹xiu¹de wu¹ding³,
 Ba³ dao⁴cao³ chui¹de sha¹sha¹ zuo⁴xiang³,
 Yi²huir⁴ you⁴ xiang⁴ ge⁴ chi²gui¹de lv³ke⁴,
 Zai⁴ qiao¹zhe wo³mende men²chuang¹.

(«Dong¹tian¹de ye⁴wan³»)

Сохраняя заданные параметры фонетического анализа, получаем, что инициалей, выраженных глухими согласными с придыханием – **12**, фрикативный глухой *xi* встретился 8 раз, лабиальных финалей – **26**, звонких инициалей (*r, m, n, l*) – **6**, финаль *ng* встретилась **12** раз, звук *a* – 13, звук *e* – 13, звук *i* – 24.

Выводы вполне очевидны и соотносимы с результатами фоносемантического анализа А.П. Журавлева оригинального текста: согласные с придыханием можно связать с выражением темного, страшного, сильного, а звонкие согласные, наоборот, передают значение яркого, светлого, радостного и нежного. Лабиальные пейоративы – многочисленные (в самых различных языках) и чрезвычайно характерные образования – преобладают во втором тексте, подтверждая универсальность данного звукосимволического значения.

Третья глава диссертационной работы посвящена подробному исследованию китайских лабиальных финалей с негативным значением, где также будет проведен фоносемантический анализ отрывков из оригинальных художественных текстов на китайском языке.

Актуальность проблемы звукового символизма объясняется тем, что он участвует в организации речемыслительной деятельности человека, в процессах производства и понимания речи. А.А. Залевская справедливо замечает, что «адекватная трактовка слова как единицы идеолексикона возможна только на основе глубокого и разностороннего анализа того, что стоит за словом в индивидуальном сознании (...носителя языка); в какие типы связей оказывается при этом включенным слово, рассмотрение которого не может в данном случае ограничиваться рамками лексико-семантической системы языка (Залевская 1987: 35). Сюда же, несомненно, может быть отнесен и звуковой символизм слова. Учитывая, что «для человека изначально слиты потребность и эмоция, активность и пристрастность, познание и оценка, интеллект и аффект» (Залевская 1987: 44), проблема роли звукового символизма в эмотивном общении говорящих субъектов представляет несомненный интерес.

4.2.2. Звукосимволические слова

Если для звукоподражательного слова имеется полная ясность относительно признаков, полагаемых в основу номинации (эти признаки всегда представляют собою звук), то для звукосимволического слова полной ясности относительно таких признаков нет. Сфера мотивации звукосимволического слова значительно шире сферы мотивации звукоподражательного слова, она же остается и менее определенной. Звукосимволические слова могут обозначать: движение, вещи и внешний вид (форма, свет), душевное состояние (неудовольствие, отвращение), размер и удаленность (Jespersen 1954: 399-403). Таджикскими звукосимволическими словами обозначаются движения, световые явления, физиологические и эмоциональные состояния (Фазылов 1958: 20). Эвенкийские и маньчжурские образные слова обозначают внешний вид и мимику человека, походку, различные движения живых существ, световые и цветовые образы и др. (Горцевская 1963: 177). В основу номинации звукосимволических слов могут быть положены признаки объектов, воспринимаемые в любой сенсорной модальности человека (кроме слуховой модальности: в этом случае речь идет уже о звукоподражании): это могут быть признаки, получаемые через зрение, обоняние, вкус, осязание, органические ощущения. При этом наибольшее число возможных признаков приходится на долю зрения: движение (мгновенное/длительное, быстрое/медленное, резкое/мягкое, неровное/ровное, непрерывное/прерывное, беспорядочное, скользящее), статика (удаленность – близкое/далекое, размер – большое/маленькое, форма – округлая, искривленная, заостренная, вытянутая). Обоняние дает нам различие запахов, которые в первую очередь квалифицируются как приятное/неприятное. Вкус позволяет дифференцировать вкусовые признаки (характеристики) объекта – сладкое, соленое, кислое, горькое (также характеризуемое как приятное/неприятное). Осязание дает возможность различать: признаки кожно-осязательной (тактильной) группы (прикосновение, давление, свойства поверхности – гладкое/шероховатое;

фактура объекта; твердость или жесткость, а также упругость; форма), признаки температурной группы (горячее/холодное), болевой группы (боль режущая, колющая, ноющая, тупая, острая). Признаки голода, жажды, удушья мы получаем через органические ощущения. Отмеченные признаки, по существу, охватывают все разновидности признаков, кроме звуковых. Поэтому представляется оправданным определить (с неизбежной долей условности) сферу мотивации (и первоначальной денотации) звукосимволических слов в целом как «не звук» (Воронин 1982: 88).

Кинемы и синестемия

В сфере неакустического денотата рассмотрению подлежат два важнейших вопроса: о кинемах и о синестемии. Поскольку в данной теме используются авторские термины С.В. Воронина, мы посчитали необходимым вынести в приложение терминологический словарь (см. *Приложение № 4*).

С точки зрения семиотики в обыденной жизни (в отличие от ритуально-религиозных практик и искусств) существует три класса движений тела (Мечковская 2004: 137-140).

1. Движения, которые не являются знаками, – это психологически незначимые физические движения тела и физиологические процессы («почесался», «открыл глаза (проснувшись)», «разжал кулак» и т.п.).

2. Знаки-симптомы (т.е. приметы, признаки тех или иных состояний) – это психологически значимые позы, жесты, мимические движения, которые, однако, не являются условными, направленными от говорящего к адресату: они «значат то, что значат» – не больше того: «плакал», «улыбнулся», «стиснул зубы», «вспотел», «дрожал», «расправил плечи»; сюда же следует отнести внешние (звуковые и «цветовые») проявления психологически значимых состояний: «стонал», «рыдал», «стучал зубами», «покраснел», «побледнел» и т.п. Для внешнего наблюдателя они являются источником информации о субъекте действия или состояния.

3. Знаки-кинемы (как явления кинезики (от греч. *kinesis* – движение) – это коммуникативно значимые телодвижения, жесты, и мимические движения,

используемые в качестве узуальных поведенческих актов: «встал (в знак приветствия или уважения)», «кивнул (в знак согласия или приветствия)», «погрозил кулаком (или указательным пальцем) в знак угрозы», «аплодировал» и т.п. В отличие от произвольности жестов-симптомов, кинемы производятся сознательно и имеют адресата. Однако иногда бывает трудно провести границу между симптомами и кинемами. Некоторые «одноименные» действия могут быть и симптомом, и кинемой – в зависимости от ситуации. Например, *непроизвольная улыбка при воспоминании о чем-то радостном* – это симптом, но *профессиональная улыбка стюардессы* – это кинема.

Некоторые кинемы восходят не к биологически мотивированным жестам-симптомам, но к элементам ритуала или связаны с поверьями: «ударить по рукам», «вытянуться в струнку», «присесть на дорожку», «снять шляпу», «взять под козырек» и т.п.

А.А. Леонтьев считает, что «на определенной ступени развития в распоряжении первобытного человека должен был оказаться «двойной комплект» сигнальных средств для одних и тех же трудовых ситуаций – действие и звук; причем звук был пригоден практически для всех условий сигнализации, а действие – отнюдь не для всех: оно не годилось ни ночью – в темноте, ни в густом лесу, ни в условиях сильно пересеченной местности» (Леонтьев 1963: 57). «Язык примитивного человека, в сущности, есть двойной язык: с одной стороны, язык слов, с другой – язык жестов» (Выготский, Лурия 1993: 100).

Несмотря на единство биологических корней вида *Homo sapiens*, что проявляется, в частности, и в генетической связи жестикуляции и мимики человека со сходными явлениями в коммуникации высших животных, в современных культурах имеются значимые различия как в интенсивности жестикуляции и мимики, так и в репертуаре типичных для данной культуры паралингвистических средств. Эти различия иногда суммируются в представления о том, как ведут себя те или иные народы. Ср.: «непроницаемое» японское лицо, «экспансивная жестикуляция» греков или итальянцев, русские

«медвежья объятья» и «сердечные поцелуи», англосаксонское «чмоканье в щеку». Стереотипы такого рода отражают накопленный опыт межкультурного сопоставления, и было бы глупо просто отвергать их как не основанные на какой-либо научной методологии» (Вежбицкая 1999: 542).

Образование знаков, мотивированных жестами, продолжается уже не в жестовом, а в естественном (звуковом) языке. Мир психологически значимых движений тела человека, запечатленный в языковой «картине человека», интересен своей близостью к первичному, телесному опыту жизни – близостью к природе, безотчетности, искренности. Соответствующие слова и обороты имеются во всех языках, хотя и в разной мере, а многие из этих слов образуют звуко-символические универсалии.

Кинема «обобщает различные жестовые – и в первую очередь мимические – движения, представляющие собою, во-первых, рефлекторные и «выразительные» движения сопровождающие «внутренние» – сенсорные, эмотивные, волюнтаривные, ментальные – процессы в сфере сознания человека (интракинемы), и, во-вторых, «симпатические» движения, служащие мимическими подражаниями «внешним» неакустическим объектам – их форме, размеру, движению (экстракинемы)» (Воронин 1982: 71).

Схематично можно представить кинемы следующим образом:

Интракинемы

Мимеоинтракинемы,

Фоноинтракинемы,

Сенсоинтракинемы,

Эмоинтракинемы,

Волеинтракинемы,

Ментаинтрокинемы.

Экстракинемы

Мимеоэкстракинемы

Обратим внимание на разновидность интракинем – мимеоинтракинемы – это мимические рефлекторные и «выразительные» движения «в чистом виде», без звукового (фонического) компонента (например, улыбка, сжимание губ, надувание губ, нахмуривание и др.); все экстракинемы представляют собою

мимеоэкстракинемы: денотат здесь практически лишен фонических компонентов. В этой связи следует процитировать известное высказывание Ч. Дарвина: «Существуют...такие действия, которые обыкновенно совершаются при определенных обстоятельствах, независимо от привычки, и которые обязаны своим происхождением подражанию или же относятся к категории содружественных движений» (цит. по (Воронин 1982: 77)). Например, люди, режущие что-либо ножницами, двигают челюстями в такт движениям ножниц.

Многочисленные опыты показали, что звуки в слове способны передавать самые различные признаковые свойства объектов, этим словом обозначаемых. А.Р. Лурия (Лурия 1975) предположил, что психофизиологический механизм такого рода связи ощущений, зафиксированных в языке, состоит в том, что нервные импульсы, идущие от разных рецепторов (органов чувств) в подкорковой зоне, индуцируют (возбуждают) друг друга, так как нейтропроводящие пути близко расположены друг от друга. Возникающее так со-ощущение было названо термином «синестезия» (от греч. *synaisthesis* – соощущение), который и вошел в современную психологию и психолингвистику для использования его на всех языках в научном мире (Горелов 2001: 15).

«Психофизиологической основой звукосимволизма является *синестэмия* (букв. «соощущение + соземция»). Под синестэмией мы понимаем различного рода взаимодействия между ощущениями разных модальностей и ощущениями и эмоциями, результатом которых на первосигнальном уровне является перенос качества ощущения, на второсигнальном же уровне – перенос значения, в том числе перенос значения в звукосимволическом слове» (Воронин 1982: 77).

Звукосимволическая номинация широко действует не только в сенсорной, но и в эмоциональной сфере. В обзоре П.П. Соколова отмечается, что восприятие низких звуков сопровождается подобным же эмоциональным коэффициентом, как ощущение чего-либо большого, широкого, толстого, и этот эмоциональный коэффициент («чувственный тон») становится основой для ассоциативной связи между такими восприятиями, которые сами по себе не

имеют ничего общего друг с другом: получается, например, пространственные предикаты звука суть простые метафоры, основанные на эмоциональной ассоциации (цит. по Воронину 1982: 83). Роль эмоционального фактора представляется особенно важной в свете вывода о том, что результаты воздействия звуковых раздражителей на цветовое зрение человека зависят от того эмоционального знака, которым они сопровождаются. Видимо, положительная либо отрицательная эмоциональная окраска (приятное/неприятное, удовольствие/неудовольствие) благодаря своей «всеобщности», универсальности действительно может выступать в качестве медиатора, своеобразного «общего знаменателя» при переносе качеств ощущений. В.С. Дерябин отмечает, что черный цвет действует подавляюще, так же, как действует ночь с различными страхами: «Можно думать, что цветовые ощущения, вызываемые окружающей средой, совпадают во времени с чувственными переживаниями, имеющими место при соответствующей обстановке, и затем сами начинают вызывать такие же чувства» (Дерябин 1974: 66). Общеизвестно, что высокие, быстро следующие звуки возбуждают, а низкие, протяжные звуки понижают эмоциональное возбуждение; с обонятельными, вкусовыми и тактильными ощущениями наиболее тесно связаны чувства удовольствия/неудовольствия: сахар вызывает ощущение, сопровождающееся чувством удовольствия; горечь – качество вкусового ощущения – распространено на эмоции (ср. «горечь разочарования»); жесткость, неровность, «грубость» фактуры оценивается как «неприятное», мягкость и гладкость – как «приятное». Подобные факты могут получить теоретическую интерпретацию в плане развития идеи о принципиальном учете случаев переноса «ощущение → эмоция». Отмеченная выше «всеобщность» таких явлений эмоциональной сферы, как положительная/отрицательная эмоциональная окраска позволяет в значительной мере объяснить перенос качества ощущения во всех случаях, когда участвует эмоциональный элемент (Воронин 1982: 84).

Вывод, к которому приходит С.В. Воронин, заключается в том, что «синестэмия есть психофизиологическая универсалия, лежащая в основе звуко-символизма как универсалии лингвистической» (Воронин 1982: 86). Область действия синестэмии – сенсорно-эмоциональная сфера, эта же сфера в значительной части есть область денотации звуко-символической лексики. Установление в определенных условиях интермодальных связей в коре головного мозга, изучаемое психологами (синестезия) – явление более узкое, чем перенос ощущений одной модальности (например, зрительной), в другую модальность (например, звуковую), происходящей в языковой материи: «холодный свет», «яркий аккорд», и т.д. Этот перенос в языке включает эмотивный, экспрессивный компонент, который не учитывается в области чистой нейрофизиологии. Иначе, термин *синестэмия* учитывает фактор человека, а синестезия – рассматривает то же явление лишь на биологическом уровне.

Признаки звуко-символических слов

Выявленные на основе анализа звуко-символического материала целого ряда неродственных языков признаки звуко-символических слов и критерии их идентификации таковы:

I. Семантические критерии:

- 1) эмоциональность и экспрессивность,
- 2) образность семантики,
- 3) конкретность семантики,
- 4) обозначение простейших элементов психофизиологического универсума человека;

II. Грамматические критерии:

- 5) морфологическая гипераномальность;

III. Словообразовательные критерии:

- 6) редупликация;

IV. Структурно-фонетические критерии:

- 7) фонетическая гипераномальность,

8) относительное единообразие формы,

9) фонетическая гипервариативность;

V. Функциональные критерии:

10) стилистическая ограниченность;

VI. Интерлингвистические критерии:

11) типологическое сходство (изоморфизм) звукосимволических слов по разным языкам (Воронин 1982: 89).

Следует подчеркнуть, что в ходе эволюции звукосимволические слова обычно утрачивают свою первоначальную семантическую и функциональную ограниченность, соединяясь со словами незвукоизобразительной сферы. Поэтому применение критериев 1-4, 10 оказывается действенным лишь при учете этимологического анализа. Звукосимволические слова представлены в языке преимущественно в виде кинесемизмов. Схематично разновидности кинесемизмов можно представить следующим образом:

Интракинесемизмы		Экстракинесемизмы
Фоноинтракинесемизмы	Мимеоинтракинесемизмы (улыбка, пейоративы и т.д.)	Мимеоэкстракинесемизмы (обозначение округлого, большого/малого и т.д.)

Обратим внимание на то, что звукоизобразительными являются не только те слова, которые ощущаются современными носителями языка как обладающие фонетически мотивированной связью «между звуком и значением», но и все те слова, в которых эта связь в ходе языковой эволюции оказалась затемненной, ослабленной и даже на первый взгляд полностью утраченной, но в которых с помощью этимологического анализа эта связь выявляется. Следовательно, звукоизобразительное слово – это слово, звукоизобразительное в своей основе, по своему происхождению» (Воронин 1982: 22).

4.2.3. Звукоподражательные слова

Важным отличием междометий от звукоподражаний является характер мотивированности: «мотивированность звукоподражаний очевидна, так как ономатопы обозначают воспринимаемые на слух явления действительности. Мотивированный характер междометий проявляется менее отчетливо. Если звукоподражания – это результат акта аудирования, слухового восприятия, то междометия – речевое произведение, акт фонации, на который оказывает влияние эмоциональный фон» (Сергеева 2002: 42).

«Звуко-образоподражательные слова – это своеобразная обширная группа слов, которые, обозначая признак действия-состояния, признак предмета или признак признака, выделяются по аналогии с местоимениями и междометиями в отдельную часть речи по лексикосемантическому критерию – подражанию различным звуковым и образным представлениям» (Черевко 2003: 5).

В различных языках или даже различными лингвистами в одном языке эти слова называются по-разному: звуковые «жесты» (Поливанов 2004), ономатопои или ономатопоэтические слова (Grammont 1913), звуковые образы (Конрад 1927), «изобразительные слова» (Бубрих 1948, Фазылов 1950), мимемы (Ашмарин 1928). В китайском лингвистическом словаре эти слова определяются как слова, которые с помощью звуков наглядно выражают понятия (дословный перевод «похожие на звуки слова») (Современный лингвистический словарь 2002: 176).

В теории звуко-символизма многие авторы связывали звуковой (фонетический) облик слова, или ономатопа, с характером звукового денотата. Однако важно не просто установить связь между звучанием ономатопа и его денотата, а проследить, какими в первую очередь акустическими параметрами (характеристиками) звучания-денотата обуславливается выбор того или иного типа фонем, входящих в состав ономатопа, при учете того, каково психоакустическое (психофизиологическое) преломление этих параметров.

Классификация звучаний ономатопоов

С.В. Воронин выделяет пять основных параметров звучания (Воронин 1982: 41-44). Параметр I – высота (в широком смысле): в едином параметре высоты звука отражаются основная частота и спектр звука (психоакустически – собственно высота звука и тембр). Параметр II – громкость; акустический коррелят громкости звука – интенсивность. Параметр III – время: соответственно временной характеристике звуки можно разделить на «мгновенные» (удары) и немгновенные (неудары). Параметр IV – регулярность (периодичность колебаний): по этому параметру различимы тоны и шумы. Параметр V – диссонантность; диссонансы представляют собою серию ударов.

Квалитативными элементами звучания, т.е. структурными элементами, представляющими собой минимальные единицы качественной характеристики звучания как (психо)акустической сущности, являются: 1) удар, 2) тоновый неудар, 3) чисто шумовой неудар, 4) чистый диссонанс. Звучание может быть охарактеризовано не только качественно, но и количественно. Квантитативными элементами звучания, то есть элементами, представляющими собою минимальные единицы количественной характеристики звучания, будут: 1) низкое звучание, 2) высокое звучание, 3) интенсивное звучание, 4) неинтенсивное звучание, 5) краткое звучание, 6) длительное звучание. Любое звучание – это совокупность (но не механическая сумма) квалитативных и квантитативных элементов. Соответственно можно выделить 10 признаков на уровне признаков акустических денотатов: 1) ударность, 2) тоновость, 3) шумность, 4) диссонантность, 5) низкость, 6) высокость, 7) интенсивность, 8) неинтенсивность, 9) краткость, 10) долготу. Предложенная классификация звучаний, по мнению ее автора, не претендует на полную и всестороннюю характеристику отражаемых в языке человека звучаний. Тем более что различия между языками по некоторым параметрам весьма существенные, так, в тоновых языках, к которым относится китайский язык, количественные характеристики звучания будут отличаться, как минимум, на характеристики

каждого из тонов данного языка (см. подробнее в разделе «Системно-структурные и фонетические особенности китайского языка», стр. 72).

Разработка всесторонней классификации звучаний-денотатов – одна из задач, стоящих перед фоносемантикой.

В 1969 г. С.В. Ворониным на материале английского языка была предложена классификация ономатопов по соотносимости их с денотатом. Эта классификация оказалась принципиально применима к рассмотрению ономатопеи других языков, притом не только родственных, но и неродственных. Ныне можно с уверенностью говорить о том, что предложенная в 1969 г. и уточненная в ходе дальнейших исследований классификация ономатопов является универсальной. «Одну из главнейших фоносемантических универсалий формулируем следующим образом: в звукоизобразительной системе любого языка мира наличествуют три класса и два гиперкласса ономатопов» (Воронин 1982: 45-66).

Поскольку в цели нашего исследования, которое строится на материале китайского языка, не входит подробное рассмотрение типологии звукоподражательных слов, мы ограничимся представлением некоторых особенностей китайских ономатопов как составляющих звукоизобразительную систему китайского языка.

В современном китайском языке имеется большое количество ономатопозитических слов ($xian^4sheng^1ci^2$ 象声词 и $ni^3sheng^1ci^2$ 拟声词), которые характеризуются многообразием структуры и форм реализации. «Как во многих других языках мира, ономатопозитические слова китайского языка тяготеют к звукам «первичного» образования, имеют повторяющуюся основу, обладают высокой продуктивностью и придают речи образный характер» (Фролова 1998: 183).

Звукоподражательные слова – идеофоны китайского языка – состоят из одного или нескольких слогов, которые, так или иначе, передают звучания,

связанные с некоторыми материальными процессами и состояниями одушевленных существ, предметов или ситуаций в целом.

С понятием ономотопеи в современном китайском языке тесно связано понятие редупликации, поскольку ономотопозитические слова часто представлены удвоенной формой. «Важным свойством таких слов китайского и других восточных языков является то, что, выполняя свою прямую функцию имитации звучаний окружающей действительности, они часто выступают в виде повторов, описывающих образ, состояние, движение предметов и впечатления, связанные с ними» (Уланова 2002: 260).

По значению и по синтаксической функции различаются несколько классов звукоподражательных слов современного китайского языка. Представляем классификацию звукоподражательных слов китайского языка, разработанную Э.Э. Улановой.

1. Собственно звукоподражания, например, wa¹wa¹ 哇哇 «звукоподражание плачу новорожденного» (ср. русск. уа-уа); wang¹wang¹ 汪汪 «звукоподражание лаю, гавканью собаки» (ср. русск. гав-гав); wu¹wu¹ 呜呜 «звукоподражание гудку парохода, поезда» (ср. русск. ту-ту); miao¹miao¹ 喵喵 «звукоподражание мяуканью кошки» (ср. русск. мяу-мяу); weng¹weng¹ 嗡嗡 «звукоподражание жужжанию пчелы, насекомых»; hu¹chi¹ 呼哧 «звукоподражание тяжелого дыхания, пыхтения» (ср. кит. hu¹xi¹ 呼吸 – дышать).

2. Звукоподражательные слова, обладающие собственной частеречной характеристикой, например, hu¹lu¹ 呼噜 «храп (храпеть)»; rao²xiao¹ 咆哮 «рычать (рычание, рык); xi¹xu¹ 唏嘘 «всхлипывать (всхлипывание)»; sha¹sha¹ 沙沙 «шуршать (шуршание), шелестеть»; chao¹chao¹ 吵吵 «шуметь, гомонить».

3. Словоподобные звукоподражательные комплексы, в основном включающие глагол и звукоподражание, например, ha¹ha¹da⁴xiao⁴ 哈哈大笑 «громко расхохотаться»; da³ha¹ha¹ 打哈哈 «шутить, насмехаться»; da³pen¹ti⁴ 打喷嚏 «чихать»; da³ger² 打嗝儿 «икать (икота), рыгать (рыгание)». (Ср. русск.

гоготать, чавкать, стучать; англ. to giggle «хихикать», to clack «бряцать», to buzz «жужжать, гудеть», fizzy «шипучий, шипящий»).

По количественной структуре звукоподражательные слова могут быть односложными и многосложными единицами (Чжу Дэси 1989: 169-170).

1. Односложные звукоподражательные слова могут выступать в речи самостоятельно, однако их употребление довольно редко: dang¹ 当 «удар в колокол», pa¹ 啪 «хлопок в ладоши», hua¹ 哗 «грохот металла или звуки бурлящей воды», peng¹ 砰 «удар в барабан или стук в дверь».

2. Двуслоги можно разделить на:

1) полные редупликации: jiu¹jiu¹ 啾啾 «писк цыплят, щебет птичек», peng¹peng¹ 怦怦 «биение сердца»;

2) чередование гласных в редупликации: ding¹dang¹ 叮当 «звон колокола», di¹da¹ 嘀嗒 «тик-так, тиканье; капать, звук падающих капель»;

3) чередование согласных в редупликации: gu¹du¹ 咕嘟 «бульканье воды», hong¹long² 轰隆 «раскаты грома или грохот машин, орудий»

3. Трехслоги могут состоять из:

1) однослога и полной редупликации типа 1+2: hua¹la¹la¹ 哗啦啦 «гул многих голосов», pu¹tong¹tong¹ 扑通通 «звук падения предмета на землю или в воду»;

2) полной редупликации и однослога типа 2+1: pi¹pi¹pa¹ 噼噼啪 «треск», wo¹wo¹ti² 喔喔啼 «кукарекать».

4. Четырехслоги состоят:

1) из пары полных редупликаций типа 2+2: ping¹ping¹ pang¹pang¹ 乒乒乓乓 «звук падения врасыпную многих предметов», pi¹pi¹ pa¹pa¹ 噼噼啪啪 «громко хлопать в ладоши»;

2) из пар неполных редупликаций с чередованием инициалей или финалей: ding¹ling dang¹lang¹ 丁零当啷 «звук металла», hua¹la¹ hua¹la¹ 哗啦哗啦 «громкий гул» (Уланова 2002: 260-261).

Следует отметить, что в китайском языке существует явление, когда одно и то же звукоподражание может использоваться для характеристики разных объектов или действий, наделенных общим признаком. Например, xiu¹xiu¹ 咻咻 употребляется для передачи шума от быстро движущегося предмета (свист проносящейся машины, пуль или стрел, о сильном и быстром потоке воздуха и ветра); gu¹long¹ 咕隆 обозначает громкий грохочущий, гремящий звук (о громе, о выстреле пушки, о двигающейся повозке); peng¹peng¹ 砰砰 «хлоп, трах» звук резкого соприкосновения предметов (хлопок дверью, падение предметов на пол, столкновение между предметами).

В китайском языке также распространены индивидуализированные или однозначные звукоподражания, которые описывают только один признак, например, ka¹cha¹ 喀嚓 звук режущих ножниц.

Можно утверждать, что в восточных культурах большое внимание придается тому, как воздействует на человека окружающий мир, поэтому восточные языки передают детализированное описание слуховых, визуальных, вкусовых, температурных, тактильных, кинетических и других ощущений.

Многие из оноματοпоэтических слов китайского языка не имеют соответствий в русском языке, поскольку отображаемые ими объекты-денотаты в разных языках различаются характером ассоциативного мышления носителей этих языков. Оноματοпоэтические слова китайского языка зачастую не вписываются в привычные рамки европейского языкового сознания и поэтому требуют особого рассмотрения в плане связи данных слов с историко-культурной и этнопсихологической спецификой китайского языка (Ср. в кит. sao¹sao¹ 搔搔 «звукоподражание шуршанию промываемого риса»; gu¹gu¹ 咕咕 «звукоподражание звуку рассыпающихся жемчужин»; gua¹da¹ 呱嗒 «звукоподражание звуку от раскрываемого веера»; jie¹jie¹ 嗟嗟

«звукоподражание реву мифического морского чудовища»; zhi⁴zhi⁴ 栳栳
«звукоподражание хрусту срезаемой травы, колосьев» (Уланова 2002: 264).

Следует особо отметить, что в китайском языке большинство звукоподражательных слов-повторов зафиксированы в словаре и активно употребляются в речи и на письме.

4.2.4. Междометия

«Междометие – класс неизменяемых слов, служащих для нерасчлененного выражения эмоциональных и эмоционально-волевых реакций на окружающую действительность» (ЛЭС 1990: 290).

Статус междометий в лингвистике остается до конца не определенным, они продолжают восприниматься как очень неясная и туманная категория (Щерба 1974). Подробный анализ существующих в науке о языке точек зрения в вопросе определения статуса междометий представлен в диссертационном исследовании М.А. Пузикова (Пузиков 2006: 15-26), мы лишь хотим обратить внимание на тот факт, что исходя из функционального характера языка, семантика междометий полностью обусловлена выполняемой ими экспрессивной функцией непосредственного выражения чувств, эмоций, переживаний человека.

Взгляд на междометия как на полноценную языковую единицу связан в истории отечественного языкознания, прежде всего, с именами А.А. Шахматова и В.В. Виноградова. В.В. Виноградов развил основные идеи своего предшественника, предложив развернутую семантико-грамматическую классификацию междометий и указал на знаковую природу этого класса слов, представив его как особый фонд языковых средств, имеющий несомненную общественную и культурно-историческую значимость. Междометия, по его мнению, «выступают как особый тип выразительных слов-высказываний, внутренне нерасчлененных, синтаксически неорганизованных, однако социально осмысленных, образующих своеобразные формы эмоционального

выражения и испытывающих воздействие со стороны грамматических категорий интеллектуальной речи» (Виноградов 2001: 615).

По определению толкового словаря современного китайского языка «Синьхуа ханьюй цыдянь» (СХЦ 2003: 1225) междометия (叹词 tan^4ci^2) – слова, выражающие сильные чувства или обращение, ответ. У китайских лингвистов нет общего мнения, к какой категории – знаменательной или служебной – отнести междометия и звукоподражания. Мы, вслед за Фан Юцином, рассматриваем эти два класса слов как особые, без разграничения по принципу самостоятельности-служебности (Фан Юцин 1996: 68). Китайские междометия не имеют реального значения, они лишь выражают какие-либо чувства или какие-либо звуки, привлекающие внимание людей. Они достаточно независимы и не образуют никаких конструкций с другими частями предложения; не являются членами предложения; отделены от предложения, обычно расположены в начале предложения. Следует обратить внимание, что каждое междометие выражает определенное чувство или имитирует конкретный звук, следовательно, не может использоваться произвольно.

Междометия в современном китайском языке – немногочисленная, но широко используемая и в разговорном, и в литературном языке категория экспрессивных слов. Междометия составляют всего 0,2% словаря. Приведем несколько примеров:

1. 唉 ai^4 выражает сожаление.

唉，真可惜！Ох (эх), как жалко!

2. 嘿 hei^4 выражает побуждение к действию.

嘿，快点儿吧！Эй, поторапливайтесь!

3. 哦 o^2 выражает удивление.

哦，你也来了！Ого, и ты тоже пришел!

Жители Поднебесной достаточно замкнуты и скупы в выражении своих чувств и эмоций. Это связано с древней традицией «сохранять свое лицо, доброе имя, репутацию (有面子 $you^3 mian^4zi$)», недопустимо «потерять лицо,

осрамиться, ударить в грязь лицом (丢面子 diu¹ mian⁴zi)», поэтому все свои чувства нужно скрывать, прятать, вуалировать – «нельзя выражать на лице радость, гнев, печаль, восторг (喜怒哀乐不形于色 xi³ nu⁴ ai¹ le⁴ bu⁴ xing²yu² se⁴)». Видимо, поэтому в китайском языке именно на особую категорию междометий – таких кратких, емких, экспрессивных образований – возложена ответственная роль выражения чувств и эмоций.

Междометия всегда произносятся с определенной целью, даже если эта цель не попадает в поле сознания коммуникантов, но именно в этом случае воздействие междометий гораздо сильнее, так как задействуются глубинные когнитивные механизмы, которые отвечают за тончайшую настройку человеческого организма и суть которых и заключается в том, чтобы не быть замеченным сознанием (Пузиков 2006: 25).

Выводы по Главе 1

Подведем некоторые итоги анализа теоретического материала, акцентируя положения, на которые мы будем опираться в дальнейшем экспериментальном исследовании.

1. Анализ теорий происхождения языка, в которых отражается иконичность языкового знака, позволяет выстроить логическую цепочку, с неизменным условием *осмысленности* происходящих процессов: **человек** – среда – потребность – звукоподражания (иконизм как внешнее сходство звучания и значения) – *акустико-артикуляционный аппарат* – звукосимволизм (иконизм как внутреннее сходство, или «соощущение») – **язык**.

2. В языковом знаке присутствует как иконическая, так и конвенциональная составляющая. Присутствие иконизма и конвенциональности в любом знаке обусловлено тем, что между объектом и знаком не существует полного тождества в силу их различной природы. Другое дело, что само соотношение мотивированности и произвольности варьируется в зависимости от разных факторов, прежде всего, от характера номинируемого объекта. В любой реально существующей функционирующей знаковой системе, в том числе и в языковой, устанавливается динамическое равновесие этих противоположных тенденций, и принципиально невозможно понять истинную природу такой системы без учета компонента мотивированности.

3. Появление и последующее плодотворное развитие фоносемантики как самостоятельной языковедческой науки стало квинтэссенцией всей продолжительной истории развития звукосимволизма, подтверждением научности и актуальности изучения звукоизобразительной системы языка. Основные принципы фоносемантики как раздела психолингвистики являются общелингвистическими принципами, что ставит это сравнительно молодое научное направление в один ряд с лингвистическими корифеями – структурализмом, функционализмом, системоцентризмом и т.д.

4. В основу номинации звукосимволического слова положены признаки объектов, воспринимаемые в любой сенсорной модальности человека (кроме слуховой модальности), характеризующиеся в целом как «не звук». В сфере неакустического денотата рассматриваются два важнейших вопроса: о кинемах и о синестемии.

5. Если соотнести знаковую теорию Ч.С. Пирса, теорию В. фон Гумбольдта о связи звуков с определенными понятиями, а также современные теории звукосимволизма и фоносемантическую теорию С.В. Воронина, то звукосимволические слова разделяются на:

- 1) иконические знаки-схемы, способ номинации которых носит сенсорный характер непосредственного подражания звучанию предметности, (синестетическая теория С. Ньюэна и др), в языке представленные в виде экстракинесемизмов;
- 2) иконические знаки-метафоры, способ номинации которых носит эмоциональный характер, основывается на подражании некоему внутреннему свойству, присущему и звуку, и предмету (референтная теория Р. Брауна), в языке представленные в виде интракинесемизмов.

6. Принимая за исходное, что тонированный слог является основной фонетической единицей китайского языка, признаем, однако, что он может члениваться на меньшие составляющие – инициали, финали и т.д. Удельный вес лабиальных финалей в словаре существенно отличается от их представленности в текстах разного стиля, что следует объяснить тем, что в словаре зафиксирован лексический материал без учета частотности употребления слов.

7. Изучение звукоизобразительной системы языка целесообразно начать с художественного текста как общепризнанно обладающего определенным звукосимволическим значением, последовательно классифицируя звукосимволические слова, звукоподражания и междометия как представители разного уровня иконичности общей звукоизобразительной системы.

ГЛАВА II. ФОНОСЕМАНТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЛАБИАЛЬНЫХ ФИНАЛЕЙ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА (ЛАБИАЛЬНОСТЬ И ОКРУГЛОСТЬ)

В данной части работы в ходе системного, комплексного рассмотрения обширного материала китайского языка выясняется и экспериментально доказывается наличие фоносемантической связи между лабиальностью и округлостью, подтверждая тем самым иконизм языкового знака. Так как диссертация носит экспериментальный характер, очевидным является применение психолингвистических методик (понимаемых как работа с информантами), которые дают возможность рассмотреть звукосимволическое значение лабиальных финалей в аспекте их восприятия носителями языка. Языковой материал английского, немецкого и русского языков выводит исследование на уровень сопоставительного анализа, позволяющего в предварительном порядке сделать выводы о межъязыковых свойствах изучаемого звукосимволического значения.

§ 1. Звукосимволические значения финалей китайского языка

Звукосимволические слова – это, наиболее активно обсуждаемый пласт лексики любого языка. Определить звукоизобразительное свойство и конкретное звукосимволическое значение слова можно только в ходе психолингвистического анализа, поэтому до сих пор остается неизвестным, какой процент в языке составляют звукосимволические слова. Для идентификации слов данной категории важным является процесс восприятия.

1.1. Восприятие пространственных характеристик объекта

Восприятие человеком пространственных свойств объекта и пространства в целом интересует нас в антропоцентрическом аспекте, когда человек членит действительность в соответствии с системой родного языка и общими национальными особенностями восприятия окружающего мира.

«Пространство – одна из первых реалий бытия, которая воспринимается и дифференцируется человеком. Оно организуется вокруг человека, ставящего себя в центр макро – и микрокосмоса (идея антропоцентризма – Т.П.). Не случайно не только пространство дифференцируется подробно языковыми средствами во всех языках, но оно оказывается в основе формирования многих типов номинации, относящихся к другим, непространственным сферам» (Гак 2000: 127).

Количественные свойства физических объектов, наполняющих окружающее нас пространство, выражаются, в частности, с помощью значений геометрических (пространственных) размеров. Имена размеров: высота, габариты, дальность, **диаметр**, дистанция, длина, калибр, **объем**, периметр, площадь, протяженность, путь, **радиус**, размах (крыла), расстояние, толщина, формат, ширина и др. составляют прототипический подкласс семантического класса параметрических существительных (Семенова 2000: 117).

Размеры характеризуют объекты по величине, то есть отражают их способность занимать определенные части пространства. Кроме того, размеры могут нести информацию о форме объектов (например, радиус и диаметр предполагают круглую или шарообразную форму измеряемого предмета или наличие у него функционально значимого сечения круглой формы: радиус катушки).

Размеры, восприятие которых осуществляется, прежде всего, с помощью самого информативного из органов чувств – зрения, являют собой наиболее наглядные и понятные наблюдателю, фиксирующему наивную картину мира, физические величины (Семенова 2000: 117). Строго говоря, геометрические фигуры, которые, собственно, и служат прототипическими объектами измерения, представляют собой предметы особого рода. Прямоугольник или круг воспринимаются нами иначе, чем, к примеру, шкаф или булка; их нельзя запереть на ключ, съесть и т.п. Говоря о них, мы абстрагируемся от веса, функционального назначения и других «вещественных» свойств обычных предметов. В классе предметов фигуры составляют отдельный, периферийный

подкласс, переходный к классам абстракций. Однако, именно геометрические фигуры, в частности круг или шар, представляют собой параметрический эталон при определении фигуры предметов окружающего нас мира.

«Восприятие человеком пространственных объектов носит относительный характер и во многих случаях классификация и концептуализация зависит от «выделенности» какого-нибудь свойства на фоне остальных» (Ли Тоан Тханг 1992: 108). Например, на выбор объекта в качестве локализуемого субъекта или ориентира влияет «выделенность» такого его свойства, как «способность движения». Сравните два предложения:

1. Велосипед рядом с домом (русский язык).

The bike is near the house (английский язык).

Zi⁴xing²che¹ zai⁴ lou²fang² pang²bian (китайский язык).

自行车在楼房旁边.

2. Дом рядом с велосипедом.

The house is near the bike.

Lou²fang² zai⁴ zi⁴xing²che¹ pang²bian.

楼房在自行车旁边.

Второе предложение, причем на всех языках – ненормативное, так как велосипед обладает «выделенной» подвижностью по сравнению с домом, поэтому в качестве «точки отсчета» или основного пространственного ориентира, конечно, выступает неподвижный дом.

Особенно интересно наблюдать признак «выделенность» при восприятии человеком пространственных свойств объекта при сопоставлении разных языков: здесь тоже есть место универсальному и уникальному. Например, русские, англичане, китайцы, французы одинаково воспринимают дорогу как плоскость: на дороге, on the road, zai⁴ lu⁴ shang 在路上, sur la route. «Однако, представители языка тай-нунг на севере Вьетнама воспринимают ее как огороженное с двух сторон пространство и говорят chang iang (букв. «внутри

дороги»); ср. *chang slu'o'n* (букв. «в доме, внутри дома»)» (Ли Тоан Тханг 1992: 108).

Понимание речевого сообщения достигается через многоэтапную переработку воспринимаемого сигнала, который, прежде всего, необходимо опознать именно в качестве значимого вербального сигнала, хотя, согласно общему мнению, понимание речи происходит мгновенно. Как отмечает А.А.Залевская, В.Б.Касевич говорит о «презумпции осмысленности», а также отмечает, что тяга к осмыслению проявляется и в случаях, когда предъявляется бессмысленный слоговый материал» (цит. по Залевской 1999: 237). Все современные теории восприятия исходят из активности воспринимающего субъекта и по-разному трактуют основные этапы на пути от звука/графемы к смыслу высказывания/текста. Исследователями выделяются как взаимозависимые этапы принятия решений на фонетическом, лексическом, синтаксическом уровнях, так и целостное рассмотрение процесса восприятия речевого сообщения с признанием изначальной готовности человека искать и видеть осмысленность во всем.

1.2. Измерение фонетического значения финалей китайского языка (пилотажное исследование)

Исследования С.В. Воронина показали, что для лабиальных характерен набор следующих основных фонетических значений: **«большой – округлый – выпяченный – громкий – темный – печальный – мягкий – медленный – глупый»** (Воронин 1982: 94). В рамках *пилотажного исследования* финалей китайского языка, с целью определить набор фонетических значений китайских лабиальных финалей, мы рассмотрели шесть характеристик, пять – из числа предложенных С.В. Ворониным и одну (активный/пассивный) добавили самостоятельно. В качестве исследуемого материала выступают не только лабиальные финали, но и финали основного и палатального рядов с целью в условиях дихотомии выявить конкретные звуко-символические значения.

Американский психолингвист Ч. Осгуд предложил «измерять» значение слова с помощью так называемых признаков шкал. Позднее отечественный лингвист А.П. Журавлев разработал целую систему измерения фонетического значения (ФЗ) не только слова, но и отдельно взятого звука речи. С помощью признаков шкал (всего 25) оказалось возможным не только обнаружить у звуков речи какую-то содержательность, но и буквально измерить эти тонкие, почти не осознаваемые нами свойства звуков. Подробное описание всей процедуры анализа фонетического значения изложено в книге А.П. Журавлева «Звук и смысл» (Журавлев 1991: 10-15), мы же, не вдаваясь в подробности специальных математических расчетов и приемов, прокомментируем проведенные нами эксперименты.

Эксперимент № 1

(метод семантического дифференциала)

Цель эксперимента – измерить фонетическое значение финалей китайского языка по признаковым шкалам «круглый – квадратный», «большой – маленький», «медленный – быстрый», «темный – светлый», «мягкий – жесткий», «активный – пассивный» с тем, чтобы уточнить наличие фоносемантических связей между лабиальностью и данными значениями.

Материал. В качестве исследуемого материала выступили записанные буквами китайского фонетического алфавита 17 лабиальных финалей: *o, ao, ou, wu (u), wa (ua), wo (uo), wai (uai), wan (uan), wang (uang), wei (ui), wen (un), weng (ong), yu (y), yue, yuan, yun, yong*; 5 финалей основного ряда: *a, ai, ei, an, ang*; 3 финали палатального ряда: *i, in, ing*. Всего **25** финалей, помещенных в таблицы со столбцами «полностью круглый (большой, медленный, темный, мягкий, активный)» – «не полностью круглый (большой, медленный, темный, мягкий, активный)» – «другой формы» – «не полностью квадратный (маленький, быстрый, светлый, жесткий, пассивный)» – «полностью квадратный (маленький, быстрый, светлый, жесткий, пассивный)».

Испытуемые. Эксперимент проводился в Шеньянском политехническом университете (г. Шеньян, КНР) со студентами 1-4 курсов, возраст которых от

18 до 24 лет. Общее число информантов – 100 человек. Студенты не владеют русским языком – эксперимент проходил в пространстве родного языка. Поскольку данное исследование ни в коей мере не является социолингвистическим и культурологическим, так что, хотя в роли испытуемых в эксперименте и выступают по преимуществу представители определенного возраста и социальной группы, мы не делаем специальных выводов о тех особенностях восприятия, которые обусловлены принадлежностью респондентов к обозначенной группе. Китайские студенты, участвующие в эксперименте, интересуют нас только как носители языка.

Инструкция. Информантам предлагалось следующее задание:

«请您填几张表 – 您认为横栏里的哪一个选项所描述的特征最适合竖栏里的韵母, 请您从横栏里选出一个并做出标记。请不要想很长时间, 写上第一个您想好的答案。如果您感到做出决定很难, 可以说出来您评价的韵母。感谢您的合作!».

«Заполните, пожалуйста, таблицы – для этого поставьте любой значок напротив наиболее подходящей с Вашей точки зрения характеристики (расположенной по горизонтали) каждой предложенной финали китайского языка (расположенной по вертикали). Не размышляйте слишком долго, зафиксируйте первый обдуманый ответ. Если Вы затрудняетесь принять решение – произнесите оцениваемую финаль вслух. Благодарим за сотрудничество!».

Результаты. Для подсчета результатов экспериментов использовалась следующая шкала оценок (одинаково составленная по каждому из исследуемых признаков):

Полностью круглый –	1
Не полностью круглый –	2
Другой формы –	3
Не полностью квадратный –	4
Полностью квадратный –	5

По этой шкале рассчитывается среднеарифметическое число, которое и соответствует средней оценке информантов.

В качестве примера расчета среднеарифметического числа проанализируем ответы для финали *o*: в ответах ста человек встретилось 92 единицы (полностью круглый), 7 двоек (не полностью круглый), 1 четверка (не полностью квадратный) и ни одной тройки (другой формы) и пятерки (полностью квадратный). Среднее арифметическое число составит 1,1, а расчет выглядит следующим образом:

$$\frac{92 \times 1 + 7 \times 2 + 0 \times 3 + 1 \times 4 + 0 \times 5}{100}$$

«Средняя оценка только тогда является значимой, т.е. свидетельствует о том, что по данному признаку звук вызывает какое-то впечатление (обладает конкретной фонетической значимостью – Т.П.), когда эта оценка попадает в одну из зон значимых отклонений» (Журавлев 1991: 15).

Круглый

Квадратный

Мы считаем уместным, представить результаты исследований в виде таблицы, что позволит наглядно оценить полученные данные.

Таблица № 3

Символическое значение китайских финалей

	круглый/ квадратный	большой/ маленький	медленный/ быстрый	темный/ светлый	мягкий/ жесткий	активный/ пассивный
u	2,28	2,64	2,21	3,18	2,26	3,55
o	1,1	2,25	2,39	3,11	2,5	2,66
a	1,4	1,65	2,76	3,36	2,89	2,15
i	3,3	3,57	3,19	3,59	2,7	2,71

uo	2,1	2,68	2,65	3,11	2,69	3,08
ou	2	2,65	2,58	2,74	2,83	3,07
ao	1,48	1,98	2,56	3,01	2,37	2,61
uai	3,2	2,68	2,64	2,90	3,07	3,10
uan	3,28	2,84	2,86	3,10	3,38	3,05
uang	3,2	2,55	2,68	2,68	3,44	3,00
ui	3,5	3,28	3,07	3,36	2,93	3,03
un	3,3	3,27	2,61	3,17	3,04	3,11
ong	2,2	2,75	2,6	2,64	3,13	2,89
ai	2,3	2,44	2,76	3,63	2,5	2,83
in	3,6	3	3,38	3,32	3,14	2,56
ing	3,3	3,32	3	3,00	3,36	2,65
an	2,5	2,46	2,99	3,32	2,81	2,61
ang	2,3	2,28	2,64	2,54	3,51	2,86
ua	1,56	1,4	3,12	2,55	3,28	2,08
yu	2,2	3,23	2,75	3,38	2,35	3,40
ei	3,5	3,2	3,05	3,23	3,07	3,10
yue	2	2,77	2,62	3,47	2,70	2,72
yun	1,3	2,55	2,70	3,43	2,33	3,83
ian	3,1	3,1	2,97	3,12	2,97	2,83
yuan	1,75	2,17	2,67	3,18	2,87	2,80
yong	2	2,73	2,87	2,87	3,37	2,67

Интерпретация результатов. Результаты эксперимента свидетельствуют о том, что только значение округлости является максимально маркированным (см. Приложение № 5). В первом столбце таблицы 12 (**71%**) из 17 лабиальных финалей находятся в зоне значимых отклонений в сторону округлости, остальные пять – в нейтральной зоне, что свидетельствует о вполне определенной, устойчивой связи данных звуков с незвуковым свойством округлости. Наивысший процент округлости отражен в финалях *o* (1,1), *yun* (1,3)

и *ao* (1,48). Следует отметить, что в лексико-семантической группе (*ЛСТ*) обозначений округлого в китайском языке, анализ которой представлен на стр. 109, финаль *ao* встретила наибольшее число раз, что также можно расценить как аргумент в пользу выражения данным звуко сочетанием звуко символического значения округлости. Интересно, что нелабиальная финаль *-a* (1,4) также оказалась охарактеризованной как круглая. В большом китайско-русском словаре под редакцией И.М. Ошанина финаль *-a* встречается 622 раза, что свидетельствует о высокой продуктивности данной финали (сравните, финаль *-o* встречается 228 раз). Также, гласный *a* является самым открытым из всех гласных, поэтому открытость, видимо, легко соотнести с округлостью.

Еще один момент заслуживает особого внимания: проведенный эксперимент по определению фонетического значения финалей китайского языка по признаковой шкале «большой – маленький» подтвердил распространенное мнение о том, что противопоставление *a/i* звуко символически связано с противопоставлением «большой/маленький» (Sapir 1929). Так, китайская финаль *-a* (1,65) попала в зону значимых отклонений в сторону большого, а финаль *-i* (3,57) – в зону малого.

Результаты пилотажного исследования фонетического значения финалей китайского языка позволяют сделать вывод о том, что по признаковой шкале «круглый – квадратный» носители китайского языка воспринимают лабиальные финали преимущественно округлыми, что подтверждает связь между лабиальностью и округлостью. Остальные символические значения не обнаружили убедительных фоносемантических связей и представляют интерес для более детального перспективного исследования.

§ 2. Звуко символическая роль лабиальных финалей в обозначении округлого

Круг – один из самых древних символов, существовавший еще в архаической культуре и в той или иной степени отразившийся в мифах,

ритуалах, бытовых представлениях, в искусстве. Семантическая емкость этого образа выявляет особенности мировидения определенной культуры и в то же время сама определяется системой, в ней наличествующей.

С участием концептов «круг», «колесо» формировались основные мифолого-поэтические, философские, космологические представления человечества. В древнейшей картине мироздания круг – это образ Солнца; суточное и годовое движение Земли осознается как движение по кругу; происходят круговороты дня и ночи, времен года, лунных фаз, круговороты вещей в природе; имеют место биологические и космические циклы, вплоть до идеи реинкарнации (переселения душ). К образу движения по кругу восходит древнейшая модель времени и истории.

В образно-мифологическом сознании образы круга и кольца нередко содержат идею единства, бесконечности и законченности, целостности и высшего совершенства; иногда круг и кольцо – это весь мир, поэтому круг обычно сопровождает изображения мирового древа. Круг и кольцо – это и общность (людей, территории), а также власть над этой общностью. В ряде традиций круг и кольцо – это еще и судьба. Греческая богиня случая и судьбы Тихе, как и римская Фортуна, изображалась в виде молодой женщины, стоящей на шаре или колесе (символ неустойчивости, изменчивости счастья; ср. фразеологизм колесо Фортуны, его соответствия в языках Европы и колесо дхармы в буддизме) (Мечковская 2000: 300). В китайской космологии тоже достаточно четко прослеживается идея цикличности: 12 циклических знаков, 12 животных восточного гороскопа, 12 месяцев в календаре (лунном и солнечном).

2.1. Программа фоносемантического исследования значения округлости

В литературе неоднократно отмечалась приоритетная роль лабиальных фонем в названии округлых, шарообразных, выпуклых, выпяченных предметов в самых разных языках. Лабиальные используются для обозначения предметов округлых, шарообразных и т.д. благодаря таким характеристикам их

артикуляции, как округление либо выпячивание губ и увеличение объема ротового резонатора.

Эксперимент № 1, направленный на определение фонетического значения финалей китайского языка, подтвердил наличие связи между лабиальностью и округлостью. С целью увеличить достоверность полученного результата, мы продолжим фоносемантический анализ китайских лабиальных финалей, представив последовательность проведения исследования в виде определенной программы.

После определения на основании результатов эксперимента, проведенного методом семантического дифференциала значимого звуко-символического признака округлости лабиальных финалей китайского языка, дальнейший ход работы представляем в следующем виде:

- фоносемантический анализ словарных дефиниций со значением округлости в китайском языке, отобранных методом сплошной выборки из словаря современного китайского языка (СКЯ) с целью проверки звуко-символического значения округлости;

- фоносемантический анализ группы счетных слов китайского языка со значением округлости, отобранных методом сплошной выборки из словаря счетных слов СКЯ, которые являются уникальным языковым явлением китайского языка: и предмет, и счетное слово должны относиться к одной категории, только тогда становится возможным их сочетание и передача максимально точного значения (округлости);

- определение особенностей восприятия округлых, продолговатых и квадратных предметов китайскими информантами с помощью метода анкетирования с целью выявления специфики пространственного восприятия китайцев;

- определение фонетического значения лабиальных методом подбора (matching experiment), что позволит еще раз подвергнуть проверке наличие отношений именно между финалями (лабиальными) и значением (округлости).

Далее перейдем к анализу собственно языкового материала.

2.2. Исследования словарных дефиниций китайского языка

На следующем этапе работы мы сочли необходимым верифицировать данные экспериментов на материале естественного языка, причем в этом случае мы шли не от характера формы, а от ее лексико-семантической представленности. Было проведено исследование словарных дефиниций китайского языка, обозначающих округлые предметы. Структурно-фонетический анализ лексико-семантической группы (ЛСГ) обозначений округлого в китайском языке – всего **147** непрямых односложных (одноморфемных) образований, отобранных методом сплошной выборки исходя из их семантики – дал следующий результат: лабиальные финалы составили **76% (112)** всех исследованных слов данной группы.

Для того чтобы определить частоту появления лабиальных в китайских словах в целом, из словаря современного китайского языка (现代汉语词典 钱乃达 主编) на основе таблицы случайных чисел была сделана выборка, по численности равная выборке слов, обозначающих округлое. Эту выборку назовем фоном. Фон был обработан на наличие лабиальных. Оказалось, что в китайских словах, обозначающих округлое, наблюдается превышение вероятного ожидания лабиальных в **2 раза**. Такое значительное превышение нельзя назвать случайным, – его, без сомнения, следует связать с *выполнением лабиальными звуко-семантической функции указания на округлость денотата*. Разумеется, частота появления разных лабиальных не одинакова. Мы провели подсчет частоты появления разных лабиальных финалов в выборке (ЛСГ обозначений округлого) по сравнению с вероятным ожиданием (то есть частотой его появления в фоне). Слова с финалью **-ao** – например, *paο⁴ 泡* – пузырь; *baο¹ 包* – сверток, узел, тюк; обертывать; *gaο⁴ 绕* – мотать, обвивать; вокруг, кругом – в отобранной нами ЛСГ составили 20% (22) и превысили вероятное ожидание в 7,7 раза – что является наибольшим числом из всех зафиксированных. Слова с финалью **-u** – например, *zhu¹ 珠* – жемчуг; *gu³ 鼓* – барабан; *hu² 弧* – дуга – составили 14% (16). Превышение вероятного

ожидания составило 1,8, это значит, что в фоне данная финаль встрети́лась чаще всех остальных. В большом китайско-русском словаре под редакцией И.М. Ошанина финаль **-u** встречается 1448 раз, что свидетельствует о значительной продуктивности данной финали. Так, мы находим примеры употребления лабиальной финали **-u** в обозначении предметов вытянутых и даже острых, например: lu⁴ 路 – дорога; zhu² 竹 – бамбук; ku⁴ 裤 – брюки; chu² 锄 – мотыга; fu³ 斧 – топор, тесак; ju⁴ 锯 – пила. 13% составили слова с финалью **-ong** (15) – например, tong³ 桶 – ведро, бочка; hong² 虹 – радуга; cong¹ 葱 – лук (овощ), а превышение вероятного ожидания составило – 3 раза. Слова с финалью **-uan** (13) – например, luan³ 卵 – яйцо; huan² 环 – кольцо; wan¹ 湾 – изгиб, извилина, составили 11,5%, и превысили вероятное ожидание более чем в 4 раза. Слова с финалями **-ou** (12) и **-uo** (12) составили по 10,6% – например, tou² 头 – голова; zhou¹ 周 – круг, оборот; kou⁴ 扣 – пуговица; guo¹ 锅 – котел, кастрюля; zhuo² 镯 – браслет; duo⁴ 舵 – руль; превышение вероятного ожидания составило – 6 и 4 раза соответственно. Каждая из финалей **-ua** (2), **-uang** (2), **-yu** (2), **-yun** (2) составила по 1,8% от всех лабиальных финалей, причем, в финалях **-yu** и **-yun** вероятное ожидание полностью подтвердилось. В исследованной нами ЛСГ нашлось лишь одно слово с финалью **-ui** (zui³ 嘴 – рот), в фоне данная финаль встрети́лась 2 раза. Обратим внимание на финали **-o** и **-uai**: в группе слов обозначения округлых предметов не встрети́лось ни одного слова с данными финалями, тогда как в фоне они встрети́лись 2 и 1 раз соответственно.

Следует сказать, что мы не рассматривали двусложные слова такие, как pu²tao 葡萄 – виноград; gou¹lou² 侏偻 – горбатый, сутулый; xun²huan² 循环 – циркуляция, круговорот, круговое движение, а также фонетические заимствования типа bo¹ba¹bu⁴shu⁴ 波巴布樹 – баобаб; gao¹er³fu¹ 高尔夫 – гольф.

Ссылаясь на примеры, приведенные в монографии С.В. Воронина «Основы фоносемантики», где он излагает результат анализа обозначений округлого в английском языке, делая вывод, что «лабиальные в английских

обозначениях округлого, несомненно, играют роль звуко-символических элементов. Такая картина характерна не только для английского языка. Представленный в монографии подсчет еще по семи языкам различных языковых семей показывает, что превышение вероятного ожидания лабиальных в обозначениях округлого таково: в русском – 1,40, в чувашском – 1,88, в венгерском – 1,58, в монгольском – 1,60, в индонезийском – 1,55, в хауса – 1,41, в суахили – 1,52, то есть в среднем 1,56» (Воронин 1982: 102). В английских словах, обозначающих округлое, наблюдается превышение вероятного ожидания лабиальных почти в 2,5 раза (Воронин 1982: 99). Данные примеры еще раз позволяют считать звуко-символическую связь между лабиальностью и округлостью универсальным явлением.

Поскольку тон является существенной характеристикой китайского слога, мы посчитали заслуживающим внимания распределение слов по тонам в исследуемой ЛСГ: слова с этимологическим 1-м тоном составили 24% (27), со 2-м тоном – 27% (31), с 3-м тоном – 24% (27), с 4-м тоном – 25% (28). Частотность слов со 2-м тоном нельзя назвать подавляющей, поэтому мы делаем вывод, что тоны, которые в целом в китайском языке играют в различении смысла слов такую же роль, что и звуки, не проявили каких-либо особых закономерностей в обозначении округлого. Вся таблица слов со значением «округлости» представлена в *Приложении № 6*.

2.3. Счетные слова в обозначении округлых предметов

При изучении восприятия человеком пространства и пространственного представления считаем целесообразным изучение классификаторов, или счетных слов китайского языка, которые описывают пространственные характеристики объектов окружающего нас мира.

«Лексическое значение любого имени параметра двойственно по своей природе, – считает С.Ю. Семенова, – с одной стороны, оно включает содержательный компонент, обозначающий физическое явление, процесс, пространственную конфигурацию и т.п., то есть то, что параметризовалось и

что измеряют, а с другой стороны – количественный компонент, показывающий, насколько велика измеряемая сущность» (Семенова 2000: 120).

Наличие счетных слов является одной из особенностей китайского языка, хотя они существуют и в других языках. «Классификаторы в разных языках обычно изучаются с точки зрения их грамматических особенностей, однако при этом недостаточно исследуется семантические основания их группировки, весьма тонкие, сложные и нестабильные даже для носителей данного языка» (Ли Тоан Тханг 1992: 106). Основная функция счетных слов – «выражение идеи штучности, или единичности предмета» (Солнцев 1995), обозначаемого стоящим после них существительным. Поэтому числительные не могут самостоятельно выступать в роли определения, между числительным и существительным ставится счетное слово.

Второй функцией счетных слов является то, что они участвуют в делении объектов действительности на разные типы (например, человек, место, явление и пр.), тем самым, классифицируя их по определенным признакам и описывая пространственные характеристики названного именем предмета. Например, счетное слова wan² 丸 со значением «пилюля, шарик» в словосочетании yí¹ wan² yào⁴ 一丸药 (буквально: одна пилюля лекарства) дает нам представление о том, что данное лекарство воспринимается как объемный предмет в трехмерном пространстве. Следует подчеркнуть, что в этом случае мы имеем дело с описанием не некоторого класса предметов, а только его конкретного представителя. Такого рода описание предмета в его единичности носит эксплицитный характер. В русском же языке, например, признак «шарообразность» входит лишь в имплицитном виде в значение имени мяч.

Все счетные слова являются нумеральными, но не все из них являются дескриптивными, таким образом, мы можем разделить все счетные слова в китайском языке на недескриптивные (неописательные) – например, gè⁴ 个 (штука), jiàn⁴ 件 (штука), zhǒng³ 种 (вид) и др. и дескриптивные (описательные).

На основе пространственных характеристик, выражаемых счетными словами, мы, с некоторой долей условности, можем разделить предметы окружающего нас мира на три группы.

1. Группа одномерных объектов (то есть линейных или вытянутых предметов) – например, счетное слово *tiao*² 条 (полоска) употребляется со словами галстук, цепочка, дорога, река; *gen*¹ 根 (корень) – провод, веревка, палка, ветка; *zhi*¹ 枝 (ветка) – винтовка, ручка, стрела, стебель и другие.

2. Группа двухмерных предметов (то есть плоских предметов) – например, счетное слово *mian*⁴ 面 (плоскость) употребляется со словами стена, зеркало, флаг; *zhang*¹ 张 (лист) – газета, карта, картина; *shan*⁴ 扇 (веер) – окно, дверь, экран и другие.

3. Группа трехмерных объектов (то есть объемных предметов) – например, счетное слово *zuo*⁴ 座 (место) употребляется со словами здание, гора, фонтан; *suo*³ 所 (место) – здание, помещение, дача; *ben*³ 本 (корешок) – книга, словарь, журнал и другие.

В соответствии с целями нашего исследования мы остановимся более подробно на последней группе объемных предметов, выделяя из всего множества лишь предметы *округлой* формы. Следует отметить, что «восприятие человеком пространственных объектов носит относительный характер и во многих случаях классификация и концептуализация зависит от «выделенности» какого-нибудь свойства на фоне остальных» (Ли Тоан Тханг 1992: 108). Поэтому мы, учитывая фактор «выделенности» признака округлости для восприятия пространственных объектов, представляем таблицу дескриптивных счетных слов со значением «округлости», отобранных из Китайско-английского словаря счетных слов (2001).

Обращаем внимание, что в зоне нашего исследования в данный момент находятся не все трехмерные предметы округлой формы окружающей действительности, а счетные слова, которые не просто сочетаются с данной категорией слов, но и сами относятся к этой категории. Именно потому, что и

предмет, и счетное слово относятся к одной категории, становится возможным их сочетание и передача максимально точного значения округлости.

Счетные слова со значением «округлости»

1	ba ³	把	пригоршня
2	ban ⁴	瓣	долька
3	bao ¹	包	сверток, узел, пакет
4	bao ⁴	抱	охапка, обхват
5	cu ⁴	簇	букет, пучок, толпа
6	cuo ¹	撮	щепоть, горсть, кучка
7	di ¹	滴	капля
8	du ¹ lu	嘟噜	гроздь, связка
9	dui ¹	堆	куча, груда
10	duo ³	朵	облако, цветок
11	guan ⁴	罐	горшок, банка
12	guo ¹	锅	кастрюля, сковородка
13	hu ²	壶	чайник
14	juan ³	卷	рулон, сверток, моток
15	ke ¹	颗	бусинка, пуля, горошина
16	kou ³	口	рот (люди, животные)
17	kun ³	捆	связка, кипа, сноп
18	li ⁴	粒	зерно, крупинка
19	liang ⁴	辆	для колесного транспорта
20	lun ²	轮	диск, колесо, тур
21	mei ²	枚	для медалей, монет, колец
22	pan ²	盘	тарелка
23	pian ⁴	片	таблетка; участок (леса); ломоть (хлеба)

24	quan ¹	圈	круг, кольцо
25	shao ²	勺	ложка
26	shu ⁴	束	букет, клочок (пучок) волос, сена
27	tan ¹	摊	лужа
28	ting ¹	听	банка, коробочка, консервы
29	tong ³	桶	ведро, бочка, бадья, ушат
30	tong ³	筒	цилиндр, труба
31	tou ²	头	голова (поголовье скота), головка (чеснока, лука)
32	tuan ²	团	комочек, клубок
33	wan ²	丸	пилюля, шарик
34	wan ³	碗	чашка, глубокая тарелка
35	wo ¹	窝	гнездо, выводок
36	ya ²	牙	«зуб» – кусочек продукта круглой формы (яйца, блина, арбуза)
37	yan ³	眼	«глаз» - дырка, отверстие (обычно круглой формы): сч. слово для колодца, фонтана
38	zhan ³	盏	лампа, лампочка

Среди 38 счетных слов лабиальные финалы встречаются 24 раза, что составляет **63%** – это позволяет нам еще раз убедительно подтвердить *наличие фоносемантической связи между лабиальными финалями и обозначением округлости*. В исследуемом массиве слов финалы *-uan*, *-uo*, *-u* встретились по 4 раза, финаль *-ao* – 3 раза, по 2 раза – финалы *-oi*, *-in*, *-uian*, *-ong*; финаль *-ui* встретилась 1 раз.

Сославшись на работу Ю.А. Куниной (Кунина 1996), можно сравнить еще одно разделение счетных слов на универсальные и специальные. «Как принято считать, универсальный классификатор сочетается практически со всеми исчисляемыми именами существительными и зачастую свободно заменяет другие «единичные» классификаторы» (Кунина 1996: 85). Это обстоятельство

не исключает существования таких имен существительных, для которых либо возможно сочетание лишь с универсальным классификатором, либо напротив, сочетание с ним нежелательно или даже недопустимо. В качестве универсального классификатора Ю.А. Кунина выделяет только $ge^4 \uparrow$ (штука), а в результате ее исследования нескольких словарей («Восемьсот слов современного китайского языка (СКЯ)» 1988, «Словарь счетных слов СКЯ» 1991, «Словарь сочетаемости существительных и счетных слов СКЯ» 1992 и др) были получены три обширные группы существительных, включающие имена различных лексико-семантических классов. Первая характеризуется тем, что ее элементы сочетаются только с универсальным классификатором $ge^4 \uparrow$ (штука); вторая – тем, что ее элементы сочетаются как с универсальным классификатором, так и с соответствующими «единичными» специальными классификаторами; третья область характеризуется сочетанием своих элементов в основном с соответствующими специальными классификаторами.

К первой области существительных оказались отнесены конкретные и абстрактные исчисляемые существительные, представленные в 16 лексико-семантических группах (см. подробнее Кунина 1996: 86-87). Мы остановимся на двух группах:

1) неодушевленные предметные конкретные существительные, обозначающие овощные и фруктовые плоды, грибы: xi^1gua^1 西瓜 (арбуз), $ping^2guo^3$ 苹果 (яблоко), bo^1luo^2 菠萝 (ананас), tu^3dou^4 土豆 (картофель), luo^2bo 萝卜 (редис), mo^2gu 蘑菇 (грибы) и др;

2) неодушевленные предметные конкретные существительные, обозначающие мучные изделия округлой формы: man^2tou 馒头 (пампушка), bao^1zi 包子 (пирожок), $jiao^3zi$ 饺子 (пельмени), $yuan^2xiao^1$ 元宵 (рисовые шарики), lao^4bing^3 烙饼 (печеная лепешка), hun^2tun 馄饨 (ушки в супе) и др.

Наглядно видно, что лабиальные встречаются почти в каждом слове данных групп. Все перечисленные слова имеют округлую форму, но так как по

составу они являются двусложными, то большинство из них не вошли в исследованную нами группу односложных слов со значением «округлости». Поэтому мы еще раз получили подтверждение тому, что *лабиальность фонетически связана с округлостью*.

По поводу второй и третьей областей существительных, выделенных А.А. Куниной, мы бы хотели заметить следующее: как показывает практика, подавляющая часть существительных относится ко второй категории пересечения «областей определения» $ge^4 \uparrow$ и прочих «единичных» специальных классификаторов. Причем мы считаем, что специальные классификаторы можно с большой долей уверенности отнести к дескриптивным (описательным) счетным словам.

2.4. Измерение фонетического значения слов с лабиальными финалями

2.4.1. Метод анкетирования

Эксперимент № 3

Цель эксперимента – определить, какой из признаков – «округлость» или «вытянутость»; «округлость» или «квадратность» – являются наиболее выделенными в группах слов с лабиальными финалями; подтвердить наличие звукосимволической связи между лабиальными финалями и значением округлости в китайском языке.

Материал. 16 слов, отобранных по принципу наличия значения и округлости, и вытянутости и 14 слов, отобранных по принципу возможности иметь как округлую, так и квадратную форму. Все слова записаны иероглифами и буквами китайского фонетического алфавита, в своем составе имеют лабиальные финали и представлены в таблицах: 1) таблица № 4 со столбцами «круглая форма» – «сложная форма: круглый – 1, вытянутый – 2» – «сложная форма: вытянутый – 1, круглый – 2» – «вытянутая форма» – «другая форма»; 2) таблица № 5 со столбцами «круглая форма» – «сложная форма:

круглая – 1, квадратная – 2» – «сложная форма: квадратная – 1, круглая – 2» – «квадратная форма» – «другая форма».

Инструкция полностью совпадает с инструкцией к эксперименту № 1.

Испытуемые в количестве от 60 до 110 человек.

Результаты. Заполненные таблицы выглядят в следующем виде:

Таблица № 4

Таблица слов со значением «округлости/вытянутости»

Слово	Значение	表圆形 性状 Круглая форма	两个图形性状 Двойная форма		表长形 性状 Вытянутая форма	别的 形状 Другая форма
			复合性状: 圆 – 1, 长– 2 Сложная форма: круглая – 1, вытянутая – 2	复合性状: 长– 1, 圆– 2 Сложная форма: вытянутая – 1, круглая – 2		
号 hao ⁴	труба, гонг	51	24	11	10	4
骨 gu ³	кость	7	23	13	51	6
弧 hu ²	дуга	54	21	12	8	5
管 guan ³	труба	27	25	19	26	3
洞 dong ⁴	нора, пещере, логово	68	18	10	3	1
虹 hong ²	радуга	46	20	19	9	6
筒 tong ³	труба, цилиндр	50	31	9	8	2
拱 gong ³	арка, свод	45	23	19	5	8
涛 tao ¹	вал	21	15	21	10	31
枣 zao ³	финик	54	16	11	9	10
澳 ao ⁴	залив	45	13	7	9	26
湾 wan ¹	изгиб, извилины	26	29	22	12	11
钻 zuan ⁴	сверло, бурав, бур	24	20	15	20	21
串 chuan ⁴	гроздь, бусы	11	27	15	40	7

锣 luo ²	гонг	72	9	8	3	8
果 guo ³	плод, фрукт	67	10	7	3	13

Таблица № 5

Таблица слов со значением «округлости/квадратности»

Слово	Значение	表圆形 性状	两个图形性状		表方形 性状	别的 形状
			复合性状: 圆-1, 方-2	复合性状: 方-1, 圆-2		
蛋糕 dan ⁴ gao ¹	торт	86	16	4	1	3
桌子 zhuo ¹ zi	стол	21	17	11	56	5
包 bao ¹	сверток	32	21	15	19	23
座位 zuo ⁴ wei ⁴	сиденье	4	14	16	58	18
笼子 long ² zi	клетка	50	23	7	24	6
权 quan ²	гирия	45	24	8	6	27
船 chuan ²	лодка	3	13	13	15	66
裹 guo ³	сверток	54	10	4	8	34
群 qun ²	толпа, стадо	14	6	5	1	34
罐 guan ⁴	горшок, банка	41	11	2		6
锅 guo ¹	кастрюля	55	4			1
丛 cong ²	заросль, бурьян	2	11	2		37
壶 hu ²	чайник	30	12	1	1	16
筐 kuang ¹	корзина	33	15	4	3	5

Интерпретация результатов. В эксперименте (по результатам таблицы № 4) мы считаем правомерным определить «округлость» как «выделенную» или основную характеристику всех слов, которые носители китайского языка отметили в первом и во втором столбцах со значениями – «круглая форма» и «сложная форма: круглый – 1, вытянутый – 2» соответственно. Из 16 слов «выделенно» округлыми являются 10 (**63%**) – более 60% респондентов отнесли их к данной категории. Самыми «круглыми» оказались – гонг, нора (пещера), плод (фрукт); труба (горн), дуга, цилиндр, финик, арка, радуга, залив – округлые предметы; в словах труба, сверло, вал, изгиб (извилина) – значение «округлости/вытянутости» почти уравновешено; кость и бусы – это, прежде

всего, вытянутые предметы; к другой форме больше всего респондентов причислили вал (31), залив (26) и сверло (21). Данные таблицы помогли нам уточнить перечень слов в исследуемом материале – слова со значением «округлости» (см. Приложение № 6) и счетные слова со значением «округлости» (см. С. 113-115). *Полученные результаты позволяют нам подтвердить наличие звукосимволического значения «округлости» в словах с лабиальными финалями в китайском языке.*

По результатам таблицы № 5 считаем, что круглыми в восприятии китайцев мы можем считать предметы, набравшие наибольшее число ответов суммарно в первом («круглая форма») и втором («сложная форма: круглая – 1, квадратная – 2») столбцах. Самыми круглыми оказались кастрюля (98%), торт (93%), горшок (банка) (87%); далее следуют корзина (80%), чайник (70%), клетка (66%), гиря (63%), сверток (58%). Квадратными являются сиденье (67%), стол (61%); предметами другой формы являются заросль (бурьян) (62%), лодка (60%), толпа (стадо) (57%). Отдельно проанализируем форму свертка 包 *bao*¹: мы считаем правомерным отнести этот предмет к круглым, поскольку, сравнивая ответы испытуемых, где круглая форма свертка составила 48%, квадратная 31%, другая форма – 21%, круглая форма явно находится в преимуществе. Таким образом, в целом, из 14 исследуемых предметов округлыми воспринимаются 9 (64%), что можно расценивать как подтверждение поставленной в эксперименте цели.

Хочется более подробно остановиться на двух словах в проведенных экспериментах:

– *guan*³ 管 труба (водосточная труба, нефтетруба и т.д.) воспринимается китайцами и как округлая (52%), и как вытянутая (45%). Это является любопытным фактом и может быть проинтерпретировано как особенность китайского восприятия, заключающаяся в *горизонтальном* способе членения действительности.

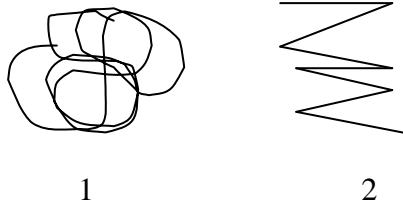
Главным пространственным измерением служит система координат вертикаль/горизонталь. С точки зрения языка между координатными осями пространства существует следующая иерархия: 1) вертикаль, 2) горизонталь по оси «перед-зад», или фронтальная горизонталь, 3) горизонталь по оси «право-лево», или латеральная горизонталь (Кравченко 1996). Вертикальность и горизонтальность представляют собой два основных способа членения действительности, отражающихся в системе. *Вертикальным* называется такой способ членения действительности, при котором объект как целостная единица вычленяется из континуума и номинируется. В этом случае система проявляет свойства операциональности и неаналитичности. «Познание» системой объекта идет дедуктивно: от целого к частному. При *горизонтальном* способе членения действительности выделяется не объект в целом, а некое свойство в группе однородных объектов; система, таким образом, проявляется свойства аналитичности и неоперациональности; «познание» объекта идет индуктивным путем. По всей видимости, необходимо говорить лишь о преимущественно *горизонтальном* членении пространства китайской системой языка и преимущественно *вертикальном* членении пространства русской системой. (Трофимова 1999).

– zhuo¹zi 桌子 стол воспринимается китайцами как квадратный предмет (61%), однако, почти 40% считают стол круглым, и это связано с особенностями прототипического стола, которым вполне мог оказаться стол, за которым едят – в Китае он круглый.

2.4.2. Метод подбора

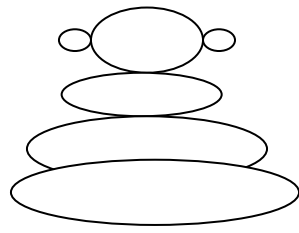
Еще одна методика звуко-символического исследования, которая носит название «эксперимент подбора» (matching experiment) заключается в предъявлении двух звучаний и, как правило, двух смыслов. Одной из разновидностей данной методики является предъявление нескольких (обычно двух) звучаний и нескольких (обычно двух) рисунков, заменяющих смыслы. Такая методика использовалась еще в 1924 году Узнадзе (см. Brown 1955), а в

1947 году подобной процедурой воспользовался Р. Келлер, который предложил испытуемым (немцам) два рисунка и два звучания – *tekete* и *maluma*.

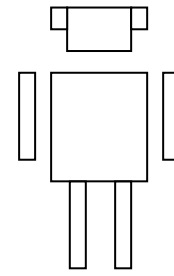

Как и следовало ожидать, фигуре № 1 было приписано звучание *maluma*, а фигуре № 2 – звучание *tekete*. Позже эксперимент был повторен в Танганьике и других странах с неизменным результатом (подробнее см. (Normann 1967)). Эксперименты с рисунками свидетельствуют в первую очередь о структурном сходстве символа (в данном случае *maluma* и *tekete*) с символизируемым понятием. Испытуемый приписывает звучание *tekete* с тремя взрывными согласными прерывистой, ломаной фигуре, а звучание *maluma* с тремя сонорными и лабиальным *u* – фигуре с плавно изгибающимися линиями (Левицкий 1973: 14), что, безусловно, подтверждает существование универсального звуко-символизма в обозначении лабиальными округлых предметов.

В книге «Основы психолингвистики» И.Г. Горелова и К.Ф. Седова представлены опыты, подобные методике подбора, проведенные в конце 60-х годов авторами на страницах газеты «Неделя»: рисунки несуществующих животных, различные геометрические фигуры и т.п. были представлены параллельно с несуществующими словами (квазисловами), которые были специально подобраны в соответствии с фоносемантическими данными по характеру рисунков (Горелов 2001: 13-14). Мы приведем один пример из данного эксперимента, где очевидна связь между лабиальным *o*, сонорным *l* в звучании ОЛОФ и округлым существом на рисунке №1, а также соотношение между звонкими согласными взрывным *g* и фрикативным *p*, самым открытым из гласных *a* в звучании ГБАРГ и квадратным существом на рисунке №1.

1. ОЛОФ

2. ГБАРГ

Рисунок № 1

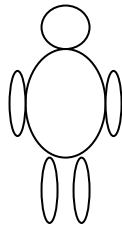
В нашей работе также был проведен эксперимент по рассматриваемой методике с носителями китайского языка.

Эксперимент № 2

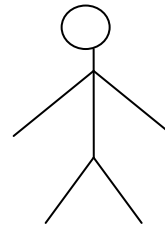
(эксперимент подбора)

Цель эксперимента – подтвердить наличие универсальных фоносемантических отношений между лабиальными звуками и значением округлости на материале китайского языка.

Материал. В качестве материала испытуемым предлагались два имени – Ding¹ding и Vuo²vuo и схематические рисунки двух человечков – толстого и худого (см. рис. №2).

1

2

Рисунок № 2

Испытуемые. 132 респондента – все студенты Шеньянского политехнического университета (г. Шеньян, КНР).

Инструкция. «请您从已给的名字中分别选出最适合图中两个“人”的名字。在图下用拼音字母写上您选出的答案».

«Выберите из предложенных имен наиболее подходящее, на ваш взгляд, для каждого из двух человечков. Подпишите рисунки предложенными именами, записанными буквами китайского фонетического алфавита».

Результаты. **112 (85%)** участников эксперимента соотнесли звучание Vuo^2vuo с рисунком №1, а звучание Ding^1ding с рисунком № 2.

Интерпретация результатов. Такой высокий процент соотнесения звучания лабиальных со значением округлости (в виде рисунка) нельзя считать случайным, что, без сомнения, можно связать с выполнением лабиальными звуко-символической функции указания на округлость денотата.

Таким образом, в результате проведенного анализа, мы пришли к выводу и аргументировали положение, выносимое на защиту о том, что *дифференциальный признак значения «округлости» в китайском языке в артикуляционном плане преимущественно представлен лабиальными финалями.*

§ 3. Фоносемантические универсалии выражения округлости

Лингвистический энциклопедический словарь определяет универсалии (от лат. *universalis* – общий, всеобщий) языковые как «свойства, присущие всем языкам или большинству из них» (БЭС Языкознание 2000: 535). Клод Ажеж – известный французский лингвист пишет, что «универсалией можно считать гипотезу, основанную на практическом знании определенного числа фактов; она выходит за рамки простой совокупности фактов и позволяет установить множество корреляций между свойствами того или иного языка» (Ажеж 2003: 52). Н.Б. Мечковская, сравнивая типологию и лингвистику универсалий, отмечает, что «их общим объектом являются одинаковые или сходные черты самых разных языков, в том случае, если эта близость не обусловлена ни родством языков, ни их влиянием друг на друга. Однако лингвистика универсалий стремится обнаружить общие черты, присущие всем языкам Земли, не ограничивая при этом поиск универсалий их «весом», т.е. их структурной или содержательной значимостью» (Мечковская 2001: 19-20).

Языковое разнообразие – отнюдь не анархическое изобилие, и языки вовсе не распределяются по любым, какие только можно себе представить,

типам; в действительности универсальные признаки предстают как некие свойства, варьирующиеся в определенных границах.

Гипотеза о межнациональном, универсальном характере звуко-символизма поддерживается многими исследователями и строится на том основании, что сходные или идентичные соответствия между звуком и смыслом устанавливают как испытуемые, говорящие на одном и том же языке, так и испытуемые, говорящие на различных языках. При этом символизация семантических единиц осуществляется в различных языках не только в соответствии с универсальными синэстетическими правилами, а также средствами, реально существующими в фонетических системах того или иного языка.

Как показывают многочисленные эксперименты и исследования, хотя фонетическая оболочка слова не анализируется и не осознается носителями языка как содержательно значимая, однако она не только включается, но и во многом определяет, направляет процесс понимания, т.к. неосознанно как отдельные звуки, так и их комплексы воспринимаются говорящим как содержательные.

«Мотивация в ее различных аспектах может подсказать ряд многообещающих направлений исследования, которые весьма вероятно приведут к установлению лингвистических универсалий» (Ullmann 1962: 180). Изучение фонетической мотивации действительно приводит к установлению лингвистический универсалий – универсалий фоносемантических. Проблематика языковых универсалий направлена на выяснение того, что является общим для всех известных современной науке языков. Фоносемантические универсалии, в силу своей «молодости» пока устанавливаются на материале лишь некоторых языков, но уже можно с уверенностью говорить о «стабильных» закономерностях, к которым, несомненно, относится превышение вероятного ожидания частоты появления лабиальных в обозначении округлого и о звуко-символическом значении лабиальных в выражении пейоративности.

Следующие примеры из русского, английского, немецкого и китайского языков проиллюстрируют выполнение лабиальными звуко-символической функции указания на округлость денотата.

- yue**⁴月 – луна – moon [**mu:n**] – Mond [**mont**];
tuan²团 – клубок – ball [**b :l**] – Knäuel [**knoel**];
juan³卷 – рулон, скручивать – roll [**r ul**] – Rolle [**roll**];
wu⁴zi 痞子 – родинка – mole [**m ul**] – Muttermal [**mutamal**];
kou³口 – рот – mouth [**mau**] – Mund [**munt**];
guo¹锅, **fu**³釜 – горшок, котел – pot [**p t**] – Topf [**topf**];
pao⁴泡 – пузырек воздуха – bleb [**bleb**] – Luftblase [**luftbla:z**];
cong¹葱 – луковица – bulb [**b lb**] – Zwiebelknolle [**tsib**];
hong²虹 – радуга – rainbow [**reinb u**] – Regenbogen [**reg nbog n**];
zuan⁴钻 – бурить – bore [**b :**] – boren [**bor n**];
du⁴zi 肚子, **fu**⁴腹 – Пузо, живот – paunch [**p :nt**] – Bauch [**bauh**];
yun²云 – облако – cloud [**klaud**] – Wolke [**wolk**].

Данные примеры подтверждают, что округлость действительно фоносемантически связана с лабиальностью и это явление универсально, но также следует сказать и о языковой специфике. «В современном языкознании универсалии, типологии, специфика – это сферы интересов одной науки. Собственно, это триединство и составляет науку «Языкознание», независимо от того, изучаем ли мы язык человеческий, группу языков или какой-либо отдельный, конкретный язык, – ведь в каждом языке обязательно есть то, что есть во всех языках, равно как и то, что есть лишь в какой-то группе языков, и есть, конечно, третья составляющая, то есть то, что присуще лишь этому языку. (Румянцев 2002: 91). Сравните:

- zhong**³zi 种子 – зерно – grain – Getreide;
tuo²砣 – гиря – weight – Hantel;

tao² 桃 – персик – peach – Pfirsich;

stone [st **un**] – камень – shi² 石 – Stein;

bowl [**b ul**] – миска, чаша – pen² 盆 – Napf;

yawn [j :n] – зевать – ha¹qian 哈欠 – gähnen;

кольцо – ring – jie⁴zhi 戒指 – Ring;

лицо – face – lian³ 脸 – Gesicht;

косточка, ядро – seed – he² 核 – Kern;

Pfannkuchen [pfank**ux n**] – блин – pancake – bing³ 饼;

Waschschüssel[wa **üs l**] – таз – basin – pen² 盆;

Loch [loh], Grube [gr**ub**] – яма – pit – keng¹ 坑.

В истории фоносемантики исследования лабиальных слов со значением округлости проводилось на материале различных языков: малайского (Ч. Максуэлл), семитских (С.М. Газов-Гинзберг), эвенкийского (Е.И. Беседина) и др. Вывод, который мы вправе сделать: *округлость действительно фоносемантически связана с лабиальностью, и это явление универсально.*

Выводы по Главе 2

Нами было проведено исследование обширного лексического материала на китайском языке, причем в фокусе внимания находились преимущественно финали. Цель данной работы заключалась в подтверждении наличия устойчивой связи между лабиальными звуками и значением округлости.

На материале китайского языка звукосимволическая связь между лабиальностью и округлостью была установлена:

- 1) при обработке экспериментальных данных, в которых фонетическое значение лабиальных финалей по признаковой шкале «круглый-квадратный» определено носителями языка в **71%**;
- 2) при исследовании словарных дефиниций, обозначающих округлые предметы (лабиальные финали составили **76%**);
- 3) при анализе группы счетных слов со значением округлости (процент лабиальных составил **63%**);
- 4) при исследовании признаков – «округлость» и «вытянутость», «округлость» и «квадратность» в группах слов с лабиальными финалями методом анкетирования, в которых «выделенно» округлыми оказались **63%** и **64%** слов соответственно.
- 5) при обработке экспериментальных данных, полученных методом подбора, в которых лабиальное звучание соотнесли с округлым значением (представленным в форме рисунка) **85%**;

Осуществление сопоставительного анализа разноструктурных языков (китайского, русского, английского и немецкого) возможно исходя из теории А.Н. Алексахина о разграничении отношений между элементами в слоге и морфеме. Слог выступает как неделимое целое, а морфема членится на фонемы так же, как и любое слово в индоевропейских языках.

Анализ языковых примеров из русского, английского и немецкого языков также демонстрируют наличие универсальной фоносемантической связи между лабиальными фонемами и округлостью.

ГЛАВА III. ФОНОСЕМАНТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЛАБИАЛЬНЫХ ФИНАЛЕЙ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА (ЛАБИАЛЬНОСТЬ И ПЕЙОРАТИВНОСТЬ)

В данной главе в результате широкого лингвистического анализа на статистически достоверном китайском языковом материале доказывается наличие фоносемантической связи между лабиальностью и отрицательным значением, подтверждая иконизм языкового знака. Носителями «фонетического значения» (звуковой символики) пейоративности выступают единицы языка разного уровня – текста, слова, финали, что позволяет охарактеризовать лабиальные финали со звукосимволическим негативным значением как класс. В основе восприятия отрицательного значения лежит *оценка* (на уровне сознания) носителями языка каждого конкретного языкового примера. Языковой материал английского, немецкого и русского языков подтверждает, что фоносемантические явления универсальны и обусловлены единством психофонетической базы речевой деятельности человека и синестезии как основы звукоизобразительности.

§ 1. О пейоративном значении

Вопрос о том, «что такое хорошо и что такое плохо» встает перед философами всех времен, которые пытаются определить истинно человеческие особенности поведения, отличающие человека от других живых существ. *Хорошее* значит соответствующее идеализированной модели макро- и микромира, осознаваемой как цель бытия человека, а следовательно, и его деятельности; *плохое* значит не соответствующее этой модели по одному из присущих ей параметров. Нераздельным достоянием оценки является сам человек в его статическом и динамическом аспекте. Все, что лежит вне этого круга, не подлежит оценке – другими словами, оценка антропоцентрична.

Парадокс оценки состоит в том, что аксиологические значения (ценности) зависят от внешнего мира и одновременно независимы от него.

Оценочное значение обусловлено фактическими свойствами предмета в той мере, в какой оно ими мотивируется. Мотив оценки всегда имеет объективный характер. В число мотивов могут входить наблюдаемые свойства объекта, связанные с данным объектом факты и прогнозы, отношение к цели, закономерности и капризы восприятия, нормальные и «аллергические» реакции на разные виды объектов.

Исследуя звукоизобразительную систему языка, в фокусе нашего внимания будет находиться преимущественно эмоциональная оценка. Никакая эмоциональная оценка, не прошедшая через фильтр сознания, не может быть непосредственно выражена в системе языка (Колшанский 2005), и, напротив, процесс рациональной оценки, опирающейся на нормы, не может проходить без подключения эмоций (Фадеева 1989).

«В жизни плохое гораздо более многолико, чем хорошее, поскольку оно отвечает неограниченным возможностям отклониться от нормы, а хорошее соотнобразуется с нормой» (Арутюнова 1999: 245). Поэтому количество слов с отрицательно-оценочным значением в любом языке очень велико и разнообразно.

Оценочные значения являются важной составляющей учения о нравственности и морали – этики. Этические исследования обычно начинаются с онтологии, то есть с вопроса о существовании и природе того свойства объектов действительности (естественных и артефактных предметов, людей, их качеств, поступков, событий, произведений искусств и т.п.), к которым применимы оценочные предикаты. «Философы с очень давних пор проводят различие между фактами и ценностями. Ценности, так или иначе, определяются человеком, они не лежат во внешнем мире, по крайней мере, в мире камней, рек, деревьев и сырых фактов. В противном случае они перестали бы быть ценностями и составили бы часть объективного мира» (Searle 1976: 175).

Поиск критериев для разграничения плохого и хорошего вовлек в круг внимания философов все виды оценок, в том числе гедонистические, эстетические и утилитарные. Подробно, в хронологическом порядке, взгляды

известных европейских философов по данному вопросу представлены в монографии Н.Д. Арутюновой (Арутюнова 1999: 130-183).

§ 2. Лабиализация как способ выражения пейоративного значения

Лабиализация хорошо известна как один из способов выражения презрительного, негативного значения. Пейор (pejor, см. malus) – худой, дурной по своей природе и по своей сущности (прот. bonus) (Петрученко 1994: 378, 453). Лабиальные пейоративы – многочисленные и чрезвычайно характерные образования в самых различных языках. В эмоционально-интеллектуальной сфере символизм данного фонемотипа определяется артикуляторно выразительными движениями лица, сопровождающими эмоции презрения, недовольствия, отвращения, которые в значительной степени выражаются посредством движения мышц вокруг рта и носа. Нашей целью является проведение фоносемантического анализа китайских слов с отрицательно-оценочным значением, с целью подтвердить звукосимволическую роль лабиальных в выражении пейоративности.

2.1. Программа исследования звукосимволического значения пейоративности

Порядок фоносемантического исследования китайских слов с отрицательным значением представляем в следующей последовательности:

- фоносемантический анализ фрагментов художественного текста (прозаического и поэтического) на китайском языке с целью подтверждения корреляции между лабиальностью и пейоративностью;
- фонетический анализ большой группы слов с негативным значением позволит зафиксировать проявление звукосимволизма в отрицательной лексике и получить конкретное представление о пейоративах в китайском языке;
- измерение фонетического значения лабиальных финалей китайского языка по признаковой шкале «хороший – плохой» с помощью метода

семантического дифференциала обеспечит выход на подсознательный уровень, что придаст исследованию более объективный характер;

- фоносемантический анализ пейоративных междометий имеет существенное значение, поскольку в китайском языке именно междометия являются важным средством выражения чувств и эмоций вообще и отрицательных в частности;

2.2. Фоносемантический анализ текста

2.2.1. Поэтический текст

Р. Якобсон в своем известном докладе «Лингвистика и поэтика» (Якобсон 1960) говорит: «Если поэт Рэнсом прав (а он прав!), утверждая, что «поэзия – это своеобразный язык», то лингвист, которого интересуют любые языки, может и должен включить поэзию в сферу своих исследований» (Якобсон 1975: 228). Согласно Р. Якобсону, в поэзии любое явное сходство звучания рассматривается с точки зрения сходства и/или несходства значения. Поэзия – не единственная область, где проявляется звуковой символизм, но это та область, где внутренняя связь между звучанием и значением из скрытой становится явной, проявляясь наиболее осязательно и интенсивно (Якобсон 1975).

Хорошо известно, что звукопись является одной из существенных характеристик поэтического текста, что подтверждается многочисленными исследованиями.

В китайской поэзии также можно найти яркие примеры звукоизобразительности. Так, в стихотворении Ду Фу «Bing¹ che¹ xing² 兵车行» («Солдаты и колесницы») благодаря звукам jī, xī мы вполне отчетливо можем «слышать» звук колес и лошадей. Классическим же примером фонетической мотивированности слова является слово ku¹ 哭 (плакать), в котором инициаль выражена глухим с придыханием согласным [kʰ], финаль – лабиальным [u], а первый тон – самый высокий и «жалобный» в китайском языке. Тему и основной настрой данного стихотворения можно охарактеризовать как напряженный, воинственный и одновременно жалостный, что расценивается

одинаково отрицательно, поэтому в определенной степени предсказуема высокая частота появления лабиальных финалей, которые, как уже подтвердили наши исследования на уровне слова, обладают звуко-символическим значением пейоративности.

车辘辘，马萧萧。行人弓箭各在腰。

爷娘妻子走相送，尘埃不见咸阳桥。

牵衣顿足拦道哭，哭声直上干云霄。

道旁过者问行人，行人但云点行频。

Che¹ lin²lin², ma³ xiao¹xiao¹. Xing² ren² gong¹ jian⁴ ge⁴ zai⁴ yao¹.

Ye² niang² qi¹ zi³ zou³ xiang¹ song⁴, jian¹ ai¹ bu⁴ jian⁴ xian² yang² qiao².

Qian¹ yi¹ dun⁴ zu² lan² dao⁴ ku¹, ku¹ sheng¹ zhi² shang⁴ gan⁴ yun² xiao¹.

Dao⁴ pang² guo⁴ zhe³ wen⁴ xing² ren², xing² ren² dan⁴ yun² dian³ xing² pin².

Грохочут колеса, ржут лошади.

У пехотинцев у каждого на поясе лук со стрелами.

Деды, матери, жены и дети – все вышли провожать,

Даже самые зоркие не видят моста Сяньян.

Топот ног в запутавшейся одежде мешает плачу,

Звук плача поднимается в поднебесье.

Прохожие спрашиваю пехотинцев,

Однако те отвечают немногословно, уходят один за другим.

(перевод Т. Пруцких)

Следует обратить внимание, что lin²lin² 辘辘 – это собственно звукоподражание «тархтение, громыхание, грохотание», а xiao¹xiao¹ 萧萧 имеет значение «ржание (ржать)». В выделенном отрывке стихотворения, там, где происходит эмоциональный накал – плач как противопоставление смеху (печаль – радость, неприятно – приятно, плохо – хорошо) – фонетический анализ (по системе Драгуновых) показал: среди 28 знаков фрагмента текста лабиальные финали составили **36%** (10), финали серии «а» - 18% (5), финали серии «е» - 14% (4), финаль *i* – 32% (9). Хотя преимущество лабиальных

финалей нельзя назвать ярковыраженным, но, интерпретируя полученные результаты, следует обратить внимание, что слова с финалью *i* вообще преобладают в китайском языке: из 6 финалей основного ряда – *a, o, u, e, i, ui* – лабиальные (мы уточнили в самом начале нашего исследования, что в силу сходства артикуляционных признаков в группе лабиальных финалей будем рассматривать собственно лабиальные финали – *o, u* и лабиопалатальные финали серии «*ui*») составляют 40%, слова с финалью *i* составляют 35%. Поэтому, мы вполне можем расценивать полученные результаты как *подтверждающие связь лабиальности со звуко-символическим значением отрицательности.*

2.2.2. Прозаический текст

Для фонетического анализа текста прозаического стиля мы выбрали отрывок из известного романа Лао Шэ «Рикша» 老舍 «骆驼祥子» (1936). Весь роман глубоко эмоционален, а данный фрагмент описания внешнего вида старого, бедного, изможденного рикши предвораляет повествование об его жизненном пути, настраивая читателя на грустный, жалостный лад.

«Судя по внешнему виду, ему было за пятьдесят, одет в ватник – не слишком короткий и не слишком длинный, похожий на бетель (растение – Т.П.) в чашечке лотоса; на полах, на локтях протерт так, что уже проступила вата. Лицо, похоже, не мытое уже несколько дней, невозможно было рассмотреть какого оно цвета, и только два уха – замерзшие до красна, такие красные, что походили на готовые вот-вот отвалиться фрукты. Блеклые седые волосы беспорядочно топорщились из под малой рваной шапки. На бровях, на короткой бороде намерзли ледяные жемчужины».

Kan⁴看 yang⁴样 zi³子 yi³已 you³有 wu³五 shi²十 duo¹多 sui⁴岁, chuan¹穿 zhe⁴着 jian⁴件 duan³短 bu⁴不 gou⁴够 duan³短, chang²长 bu⁴不 gou⁴够 chang²长, lian²莲 peng²蓬 lou²篓 er²儿 si⁴似 de²的 mian²棉 ao³袄, jin¹襟 shang⁴上 zhou³肘 shang⁴上 yi³已 dou¹都 lu⁴露 le²了 mian²棉 hua¹花。 Lian³脸 si⁴似 hu³乎 you³

有 xu³ 许 duo¹ 多 ri⁴ 日 zi 子 mei² 没 xi³ 洗 guo⁴ 过, kan⁴ 看 bu⁴ 不 chu¹ 出 rou⁴ 肉 se⁴ 色, zhi³ 只 you³ 有 liang³ 两 ge⁴ 个 er³ 耳 duo 朵 dong⁴ 冻 de 得 tong¹ 通 hong² 红, hong² 红 de 得 yao⁴ 要 luo⁴ 落 xia⁴ 下 lai² 来 de 的 guo³ 果 zi 子。Can³ 惨 bai² 白 de 的 tou² 头 fa¹ 发 zai⁴ 在 yi⁴ 一 ding³ 顶 po⁴ 破 xiao³ 小 mao⁴ 帽 xia⁴ 下 za² 杂 luan⁴ 乱 de 的 zi¹ 髭 zi¹ 髭 zhe 着; mei² 眉 shang⁴ 上, duan³ 短 xu¹ 须 shang⁴ 上, dou¹ 都 gua⁴ 挂 zhe 着 xie¹ 些 bing¹ 冰 zhu¹ 珠。

Данный отрывок состоит из 100 иероглифов. Целью фонетического анализа является определение количества лабиальных финалей и тоновых показателей текста. Лабиальные финали составили **39%**. Для сравнения, удельный вес лабиальных финалей в художественном тексте нейтрального (описательного) характера «Пожелание счастья» «祝福» Лу Синя 鲁迅 составил 26,7%. Поэтому полученный результат следует интерпретировать как наличие звукосемантической связи между лабиальностью и пейоративностью.

Самыми продуктивными оказались финали *-u* и *-ou*, которые встретились 8 раз; финаль *-uo* встретилась 6 раз; *-uan* – 5 раз; *-ong* – 4 раза; по 2 раза – финали *-ua*, *-ao*, *-ui*; по 1 разу *-o* и *-ui*.

Анализ тоновых показателей фрагмента романа «Рикша» показал преимущество четвертого тона. Четвертый тон – 去声 qu⁴sheng¹ (цуйшэн) – нисходящий, падающий, его еще называют тоном «категорического высказывания». Поэтому неудивительно, что процент четвертого тона в тексте эмоционально напряженного характера так высок, сравните, 1-й тон – 15%, 2-й тон – 16%, 3-й тон – 21%, 4-й тон – **31%**, нейтральный – 17%.

Звукоизобразительность текста воспринимается человеком благодаря существованию гармонии между смыслом сказанного или написанного (текста в широком понимании) и формой этого сказанного или написанного. В данном контексте мы вправе *подтвердить фоносемантические отношения между лабиальными финалями и отрицательным (в противопоставлении положительному) значением.*

2.3. Исследование отрицательных слов с общеоценочным значением

Исходя из того, что аксиологические значения представлены в языке двумя основными типами: общеоценочным и частнооценочным (Арутюнова 1999: 198-199), отметим, что общеоценочные значения реализуются основными понятиями хороший и плохой – huai⁴ 坏, e⁴lie⁴ 恶劣. В группе отрицательных слов с общеоценочным значением мы рассматриваем не любые отрицания, а только «чистые» отрицания, то есть морфемы, не отягощенные дополнительными значениями, кроме собственно отрицания: bu⁴ 不, fou³ 否, fu² 弗, wu² 无.

К словам, обладающим общеоценочным отрицательным значением, мы также относим еще несколько китайских морфем со значением отрицания, которые сопровождаются коннотациями:

- 1) wei⁴ 未 (еще не);
- 2) wu⁴ 勿 (нельзя, не смей);
- 3) wu² 毋 (нельзя, не смей);
- 4) mo⁴ 莫 (никто, ничто);
- 5) mei² 没 (нет, не иметь; не, ни);
- 6) fei¹ 非 (не, не-; без);
- 7) bie² 别 (не, не надо).

Следует обратить внимание, что мы рассматриваем данную группу отрицательных слов как специфические способы формального выражения отрицания в определенном контексте противопоставления плохого хорошему.

Из 11 слов данной группы лабиальные финалы встретились в 8 словах, что составляет **73%**. Но, наверное, именно здесь следует сказать о наличии лабиальных инициалей в китайском языке, имея в виду не округление губ, а их участие в образовании звука (см. Морев 1996: 100) – b, p, m, которые мы оставили за рамками исследования в силу их малочисленности. Лабиальных

инициалей в данной группе – 4, при общем количестве инициалей 7, два слова состоят из лабиальных и инициалей и финалей – bu⁴ 不, mo⁴ 莫.

2.4. Исследование отрицательных слов с частнооценочным значением

Для систематизации китайских пейоративов, опираясь на научную картину мира, которую примем за универсальную для разных языков, мы воспользовались классификацией человеческих недостатков, предложенной В.И. Карасиком на материале русского и английского языков (Карасик 2002: 36-38), представив ее в виде таблицы:

Таблица № 6

Пейоративы	
Нарушение утилитарных норм:	Нарушение моральных норм:
1. Объективные признаки несостоятельности (умственные и физические)	1. Социальная опасность активного проявления неуважения 1) Нарушение моральных норм 2) Нарушение юридических норм
2. Субъективные признаки несостоятельности 1) Общеоценочные слова 2) Этнические и групповые оскорбления	2. Социальная опасность пассивного проявления неуважения 1) Отношение к своим обязанностям 2) Отношение к общественному мнению

2.4.1. Исследование группы слов со значением «нарушение утилитарных норм»

Нарушение утилитарных норм совпадает с категориями частнооценочных значений – утилитарной, эстетической и психологической. **Утилитарные** оценки предполагают рассмотрение ситуации, исходя из стремления извлекать непосредственную материальную выгоду, пользу (полезный – вредный sun³hai⁴ 损害; благоприятный – неблагоприятный bu⁴li⁴ 不利, bu⁴shi⁴yi⁴ 不适宜).

Психологические оценки – это оценки, в которых сделан шаг в сторону рационализации, осмысления мотивов оценки: а) интеллектуальные оценки (интересный – скучный, тоскливый ji⁴mo⁴ 寂寞; захватывающий – банальный

ping²yong¹ 平庸, yong¹su² 庸俗; глубокий – поверхностный fu¹qian³ 肤浅; умный – глупый, дурной yu²ben⁴ 愚笨, yu²dun⁴ 愚钝, б) эмоциональные оценки (радостный – печальный you¹chou² 忧愁, bei¹tong⁴ 悲痛; веселый – грустный, угрюмый you¹yu⁴ 忧郁, chou²men⁴ 愁闷; спокойный – гневный fen⁴nu⁴ 愤怒; приятный – неприятный, муторный bie⁴niu 别扭, tao²yan⁴ 讨厌. В эстетической оценке учитывается освоение или нарушение эстетических и художественных ценностей, такие оценки вытекают из синтеза сенсорно-вкусовых и психологических оценок (красивый – некрасивый nan²kan⁴ 难看, прекрасный – уродливый chou³e⁴ 丑恶).

Объективные признаки несостоятельности – умственные и физические недостатки:

1. Болтливый	duo ¹ zui ³ duo ¹ she ²	多嘴多话
2. Больной	you ³ bingde, huan ⁴ bing ⁴ de	有病的, 患病的
3. Глупый	yu ² chun ³ , yu ² ben ⁴	愚蠢, 愚笨
4. Глухой	er ³ long ²	耳聋
5. Горбатый	gou ¹ lou ² , yu ³ lü ³	佝偻, 伛偻
6. Дальтонизм	se ⁴ mang ²	色盲
7. Инвалидность	can ² fei ⁴ , can ² ji	残废, 残疾
8. Косой	xie ² shi ⁴ de, xie ² yan ³ de	斜视的, 斜眼的
9. Лживый	shuo ¹ huang ³ de	说谎的
10. Лилипутский	zhu ¹ ru ²	侏儒
11. Лысый	tu ¹ tou ²	秃头
12. Немой	ya ³ ba	哑巴
13. Слабый	ruan ³ ruo ⁴ , shou ⁴ ruo ⁴	软弱, 瘦弱
14. Слепой	mang ² , xia ¹ , gu ³	盲, 瞎, 瞽
15. Тупой	sha ³ , yu ² dun ⁴	傻, 愚钝

16. Трусливый	132 qie ⁴ nuo ⁴ , wei ⁴ suo ¹	怯懦, 畏缩
17. Умственноотсталый	zhi ¹ li ⁴ luo ⁴ hou ⁴ de	智力落后的
18. Уродливый	chou ³ lou ⁴ , ji ¹ xing ²	丑陋, 畸形
19. Хриплый	si ¹ ya ³	嘶哑
20. Хромой	bo ³ , que ²	跛, 瘸

В таблице 20 русских слов, в китайском переводе с учетом синонимов получилось 32 слова. Лабиальные финалы встретились в 20 словах, что составляет **62,5%**. Заслуживает внимания тот факт, что фонетический анализ русских слов также подтверждает наличие звуко-символической связи между лабиальными звуками и значением пейоративности. Так, среди 20 слов лабиальные составили **70%** (14 слов с лабиальными гласными *o* и *u* в ударной позиции).

Нарушение утилитарных норм поведения (демонстрация несостоятельности) может основываться на субъективных признаках. Субъективный признак несостоятельности наличествует в значении двух подклассов пейоративов. К первому подклассу относятся общеоценочные слова типа *негодяй* (мы не уточняем, какой именно недостаток осуждается у человека, называемого этим словом, но показываем наше общеотрицательное отношение к этому человеку) (Карасик 2002: 37). Этот подкласс лексики включает экстремальные вульгаризмы и часто используется как средство эмоциональной разрядки. В качестве языкового примера предлагаем рассмотреть группу ругательств в китайском языке.

Ругательства в китайском языке

1. Мерзавец, негодяй, прохвост	huai ⁴ dan ⁴	坏蛋
2. Дурак, дурень, олух	lao ³ maor ⁴ , sha ³ maor ⁴ , sha ³ gua ¹ , hun ² dan ⁴	老冒儿, 傻冒儿, 傻瓜, 混[浑]蛋
3. Придурок, болван	er ⁴ bai ³ wu ³	二百五
4. Идиот, психопат	shen ² jing ¹ bing ⁴	神经病
5. «Коротышка»	duan ³ tuo ¹	短拖

6. «Лиса» (хитрый человек)	you ² , lao ³ hu ² li	油, 老狐狸
7. Вор	san ¹ zhi ¹ shou ³	三只手
8. «Скупердяй» (скупой человек)	liu ² li mao ¹ , xiao ³ qi ⁴ gui ³	琉璃猫, 小气鬼
9. «Тормоз»	tu ³	土
10. «Тыква» (тупой человек)	mian ⁴ gua ¹	面瓜
11. - Мать твою!	ta ¹ ma ¹ de	他妈的
12. Хулиган, негодяй	xiao ³ hunr ⁴	小混儿
13. Болтун, брехун	kan ³ xing ¹ , xiao ³ guang ³ bo ¹	侃星, 小广播
14. «Селедка сушеная», плоскодонка (девушка с плоской грудью)	tai ⁴ ping ² gong ¹ zhu ³ , fei ¹ ji ¹ chang ³ , xi ³ yi ¹ ban ³	太平公主, «飞机场», «洗衣板儿»
15. Пьяница	jiu ³ gui ³	酒鬼
16. Трус, слизняк	nuo ⁴ fu ¹	懦夫
17. Лицемер, двуликий Янус	er ⁴ pi ² lian ³	二皮脸
18. Бесстыжий, толстокожий	lian ³ pi ² hou ⁴	脸皮厚
19. - Типун тебе на язык! приносить неудачу	wu ¹ ya ¹ zui ³ , sao ⁴ ba ³ xing ¹	乌鸦嘴, 扫把星
20. Третий – лишний; разлучница	di ⁴ san ¹ zhe ³ ; hu ² lijing ¹	第三者; 狐狸精
21. Ревнивица	cu ⁴ tan ² zi	醋坛子
22. «Слепошарый»	yan ³ xia ¹	眼瞎
23. «Глухомань», тугоухий	er ³ long ²	耳聋
24. «Кожа да кости»	shou ⁴ hou ²	瘦猴
25. Альфонс	chi ¹ ruan ³ fan ⁴ de	吃软饭的
26. «Бочка», толстяк	pang ⁴ dunr ¹	胖墩儿
27. Сексуальные меньшинства	bo ¹ li	玻璃

Всего представлено 37 ругательств на китайском языке, в 27 словах присутствуют лабиальные финалы, что составляет **73%**. Среди 41 русского ругательного слова лабиальные гласные *у* и *о* в ударной позиции встретились 24 раза (**59%**).

Данная группа ругательных слов была сформирована в результате работы с информантами: письменный перечень слов с негативным значением, полученный в ходе психолингвистических экспериментов и фиксирование устных бесед с китайскими учителями, аспирантами и студентами. В качестве продолжения исследования экспрессивной китайской лексики, приведем перечень *экспрессивных лексических единиц* (ЭЛЕ) О.П. Фроловой, которые «служат ярким и экономным средством выражения многообразных проявлений окружающей действительности и связаны с мыслительной деятельностью человека, его чувствами и эмоциями» (Фролова 1996: 149):

1. Тупица	pu ² dun ⁴ , ben ⁴ dan ⁴	仆钝, 笨蛋
2. Простофиля	hu ² tuchong ² , fa ² dong ¹ xi	糊涂虫, 乏东西
3. Подлец	huai ⁴ dong ¹ xi	坏东西
4. Прихлебатель	men ² ke ⁴	门客
5. Ловелас	hao ³ se ⁴	好色
6. Трутень	xiong ² feng ¹	雄蜂
7. Голодранец	e ⁴ gui ³	饿鬼
8. Дубина	e ⁴ gun ⁴	恶棍
9. Поганец	chou ⁴ huo ⁴	臭货
10. Мерзавец	jian ⁴ huo ⁴	贱货
11. Дубина, головотяп	ben ⁴ jia ¹ huo ⁴	笨家货
12. Корыстолюбец	cai ² mi ²	财迷
13. Деревенщина	e ⁴ zhong ³	恶种
14. Ничтожество	huai ⁴ zhong ³	坏种

15.	Приспособленец	tou²ji¹fen¹zi	投机分子
16.	Голытьба	qiong²bang⁴zi	穷棒子
17.	Старый хрыч	lao³bang⁴zi	老棒子
18.	Бандит	hu²zi	胡子
19.	Плут, жулик	pian⁴zi, hua²tou	骗子, 滑头
20.	Враль	kong¹tou	空头
21.	Идиот	kuang²fu	狂夫
22.	Цаца	hua¹pingr²	花瓶儿
23.	Скряга, проныра	kour¹	抠儿
24.	Тунеядец	ji⁴sheng¹zhe	寄生者
25.	Профан	men²wai⁴han	门外汉
26.	Бездельник	you²shou³	游手
27.	Баловень, пижон, хлыст	a¹fei¹, hua¹hua¹gong¹zi³	阿飞, 花花公子
28.	Остолоп, дурень (диал.)	a¹lin²	阿林
29.	Кретин	lao³pi³fu¹	老匹夫
30.	старый хрыч	lao³gou³	老狗

Автор статьи представляет оригинальную классификацию ЭЛЕ по словообразовательному способу выражения экспрессивности, мы же воспользуемся данной лексической группой для проведения фонетического анализа. Наглядно видно, что все слова (всего 34) имеют отрицательные коннотации, а в фонетическом составе преобладают лабиальные финали, которые составляют **79%** (27 слов).

Второй подкласс субъективных пейоративов составляют этнические и групповые оскорбления. Этнические оскорбления основаны на национальных и расовых предрассудках, групповые пейоративы базируются на профессиональных, сословных, возрастных и прочих отличительных особенностях людей.

Рассмотрим примеры этнических оскорблений: пренебрежительное обращение к иностранцам звучит *lao³wai⁴* 老外, уничижительное название японцев – *Ri⁴ben³gui⁴zi* 日本鬼子 (японские черти), негров – *hei¹gui⁴zi* 黑鬼子 (черные черти), немцев – *De²guo²gui⁴zi* 德国鬼子 (немецкие черти), русских – *lao³mao²* 老毛 (старая шерсть), американцев – *Mei³guo²lao³* 美国佬 (янки), европейцев – *da⁴bi²zi* 大鼻子 (большие носы), индейцев – *hong²yan³jing* 红眼睛 (красноглазые), полукровок – *er⁴mao²zi* 二毛子 (вторые волосы), уйгуров (китайская национальность) – *chan²tou²* 缠头 («тюрбан»). Среди 10 слов лабиальные финалы встретились 9 раз (90%).

Приведем несколько примеров групповых оскорблений:

1.	Училка	chou⁴lao³jiu³	臭老九
2.	Шарлатан (о враче)	jiang ¹ hu²lang²zhong¹	江湖郎中
3.	Мент, «легавый»	tiao ² zi	条子
4.	Журналиги	gou³zai³dui⁴	狗仔队
5.	Секретутка	xiao ³ mi ⁴	小秘
6.	«Желторотик»	cai ⁴ niao ³	菜鸟
7.	«Вояка»	xin ¹ bing ¹ dan ⁴ zi	新兵蛋子
8.	Шулер	zuo⁴gui³zhe³	做鬼者
9.	Нувориш	da ⁴ kuan³	大款
10.	Старикан, «старый пердун»	lao³dong¹xi	老东西
11.	Дормоед	jia ¹ li ¹ dun ¹	家里蹲
12.	«Землерой»	xiu ¹ li ¹ di ⁴ qiu ²	修理地球

В 12 китайских словах лабиальные финалы составили 58% (7 слов), а в 14 русских словах – 57% (8).

2.4.2. Исследование группы слов со значением «нарушение моральных норм»

Вторая группа “нарушение моральных норм” соотносится с этическими и нормативными частнооценочными значениями. Представляя **этические и нормативные** значения, мы опираемся на этическую модель традиционного Китая, наиболее полно представленную системой wu^3lun^2 无伦 «пяти этических норм» Четверокнижия («Да сюе», «Чжунъюн», «Луньюй», «Мэн-цзы»), которая лежит в основе конфуцианских идеалов государства, семьи и человека. Эти нормы, определяющие поведение и обязанности людей, упорядочены по иерархическим признакам – возраста: $zhang/you$ (старший/младший) и субординации: zun/bei (почтение/унижение). Они охватывают отношения между 1) государем и подданным; 2) отцом и сыном; 3) мужем и женой; 4) старшим и младшим братьями; 5) друзьями («Чжунъюн», 20). Соблюдение/нарушение норм обусловлено наличием/отсутствием для 1) – 义 yi^4 «справедливости», для 2) – 亲 qin^1 «родственной близости», для 3) – 别 bie^2 «различия», для 4) – 序 xu^4 «последовательности» и для 5) – 信 xin^4 «доверия» («Мэн-цзы», 3А) (Тань Аошуан 2000: 31). Эта система составляет основу конфуцианской концепции управления государством по принципу 礼 li^3 . Ли (нормы поведения) включают такие понятия, как «церемонии», «ритуал», «благопристойность», «правила этикета», «обряды». Для европейцев весь образ жизни древних китайцев чаще всего ассоциировался с церемониями, что отразилось в поговорке «китайские церемонии». А вот что говорят сами китайцы о значении слова Ли: «Церемонии составляют связь неба с землей; они утверждают порядок между людьми. Даже средства к образованию себя, устройству дома, управлению государством, устройству вселенной не могут обойтись без церемоний» (Семенов 1995: 238).

В семантическое поле этических категорий Древнего Китая, составленное Тань Аошуан входит более сорока иероглифов (Тань Аошуан 2000: 36). Все эти единицы связаны с базовыми понятиями у Конфуция и Мэн-цзы, входящими в

наборы 五常 wu³chang² «пяти постоянств» и 六顺 liu⁴shun⁴ «шести покорностей». Это 仁 ren² «гуманность», 义 yi⁴ «справедливость», 忠 zhong¹ «верность (лояльность)», 孝 xiao⁴ «сыновья почитательность», 智 zhi¹ «мудрость» и 信 xin⁴ «доверие». Любопытно, что как базовые единицы вошли в современный язык в составе двусложных словосочетаний, четырехсложных фразеологизмов и различных словоупотреблений, так и все остальные представители полученного семантического поля являются употребительными лексическими единицами в современном языке, активно воздействующими на этические представления современного китайца (Тань Аошун 2000: 33).

Принимая во внимание, что все оценочные категории построены на противопоставлении положительного и отрицательного, подобрав антонимы (для этого везде, где возможно, воспользовались данными словаря антонимов современного китайского языка) к единицам данного семантического поля, мы получим представление о пейоративных этических категориях. Следует обратить внимание на совмещение в этике конфуцианства чувственного и рационального начал.

1. ren ² 仁 гуманность	bao ⁴ 暴 жестокость, зверство
2. yi ⁴ 义 справедливость	fei ¹ zheng ⁴ yi ⁴ 非正义;
bu ⁴ gong ¹ zheng ⁴ 不公正
несправедливость
3. zhong ¹ 忠 лояльность;	ni ⁴ 逆 против, наперекор
4. xiao ⁴ 孝 сыновья почитательность	wu ³ ni ² 忤逆 непочтение к родителям
5. li ³ 礼 этикет, порядок, церемония	luan ⁴ 乱 беспорядок; sui ² bian ⁴ 随便 как попало, без церемоний
6. xin ⁴ 信 доверие	yi ² 疑 сомнение; huai ² yi ² 怀疑 сомневаться
7. qing ² 情 чувства	wu ² qing ² 无情 бесчувственный

К базовым компонентам этических норм кроме вышперечисленных относится также понятие zhi¹ 智 мудрость, но поскольку противоположное значение «глупость» представлена целым рядом синонимов, мы проведем

фонетический анализ всей группы слов с данным значением. Всего 25 слов: bei⁴hui 悖悔 [背悔], ben⁴笨, ben⁴zhuo¹笨拙, chi¹dai¹痴呆, chi¹dun⁴痴钝, chi¹sha³痴傻, chi¹yu²痴愚, chi²ben⁴迟笨, chi²dun⁴迟顿, chun³ben⁴蠢笨, dai¹ben⁴呆笨, dai¹chi¹呆痴, dai¹sha³呆傻, fa¹meng¹发蒙, hu²tu¹鹤突, hu²tu 糊涂 [胡涂], lu³dun⁴鲁顿, meng³dong³懵懂, nu²dun⁴弩钝, yu²ben⁴愚笨, yu²chun³愚蠢, yu²lu³愚鲁, yu²zhuo¹愚拙, zhuo¹ben⁴拙笨, wan²dun⁴顽钝 (Большой словарь антонимов 2003: 282). Общее число слогов 21, так как многие слоги повторяются, комбинируясь между собой; лабиальные финалы встретились в 13 слогах, что составляет **62%**.

Продолжим рассмотрение семантического поля этических лексем, составляя перечень этических пейоративов.

8. qin ¹ 亲 близость	shu ¹ 疏 отчужденность
9. ai ⁴ 爱 любовь	hen ⁴ 恨, yuan ⁴ 怨 ненависть;
wu ⁴ 恶 антипатия
10. you ³ 友 дружба	di ² 敌 вражда
11. lian ² 怜 жалость	can ² ku ³ 残酷, can ² ren ³ 残忍 жестокость
12. min ³ 悯 сочувствие	dan ⁴ mo ⁴ 淡漠 безразличие
13. bei ¹ 悲 сострадание	wu ² suo ³ wei ⁴ 无所谓 равнодушие
14. shan ⁴ 善 добро	e ⁴ 恶 зло; xiong ¹ 凶 лютость
15. mei ³ 美 красота	chou ³ 丑 уродство
16. en ¹ 恩 милость	chou ² 仇 ненависть
17. ci ² 慈 милосердие	can ² 残 злость; hen ³ 狠 свирепость
18. he ² 和 согласие	zhan ⁴ 战 война
19. liang ² 良 совесть	wu ² chi ³ 无耻, bu ⁴ zhi ¹ xiu ¹ chi ³ 不知羞耻
бесстыдство
20. hou ⁴ 厚 основательность	bo ² 薄
ничтожность, пренебрежительность
21. kuan ¹ 宽 великодушие	xia ² zha ³ 狭窄 мелочность

22. xian² 贤 достоинство
 23. hui⁴ 惠 благодеяние
 24. shu⁴ 恕 всепрощение
 25. ren³ 忍 терпение
 26 rang⁴ 让 уступчивость
 27. qian¹ 谦 скромность
 28. xun⁴ 训 уважительность
 29. gong¹ 恭
 вежливость, почтительность
 30. jing⁴ 敬 почтительность
 31. zhen¹ 真 честь, истинность
 32. yong³ 勇 храбрость
 33. shun⁴ 顺 покорность
 34. lie⁴ 烈 самопожертвование
 35. zheng⁴ 正 правильность
 36. zhi² 直 прямота
 37. lian² 廉 порядочность
 38. jie² 洁 чистота
 39. xiu¹ 羞 стыдливость
- hun¹yong¹ 昏庸 бездарность;
 yong¹lu⁴ 庸碌 заурядность
 zui⁴xing² 罪行 злодеяние, преступление
 cheng²fa² 惩罚 наказание
 bu⁴ren³ 不忍, nan²ren³ 难忍 нетерпение
 que⁴ 却 однако;
 zheng¹duo² 争夺 бороться, оспаривать;
 gu⁴zhi² 固执, jue²jiang⁴ 倔犟 упрямство
 ao⁴man⁴ 傲慢, jiao¹ao⁴ 骄傲
 надменность, заносчивость;
 zi⁴man³ 自满 самодовольство
 bi³shi⁴ 鄙视, qing¹shi⁴ 轻视
 презрительность
 cu¹lu 粗鲁 грубость; cu¹ye³ 粗野 хамство
 qing¹mie⁴ 轻蔑 пренебрежительность
 jia³ 假 ложность;
 wei³ 伪 фальшь, лицемерие;
 gui³ 诡 коварство
 qie⁴ 怯, wei⁴ 畏 трусость, боязнь
 dao⁴ 倒 наоборот, наперекор
 bei⁴pan⁴ 背叛, pan⁴bian⁴ 叛变
 предательство
 cuo⁴wu⁴ 错误 ошибочность
 qu¹ 曲, qu¹ 屈, wan¹ 弯
 кривизна, изогнутость
 wu¹ 污 продажность;
 bei¹bi³ 卑鄙 подлость
 zang¹ 脏 грязь; mo⁴ 墨 чернота
 yong¹su² 庸俗 вульгарность;
 wei³suo³ 猥琐 пошлость

40. qian² 虔 благоговение wu²shi⁴ 无视, hu¹lüe⁴ 忽略
пренебрежение, игнорирование;
wu³man⁴ 侮慢, wu³ru³ 侮辱 унижение,
оскорбление; qi¹fu 欺负 обижать
qi¹ 欺 плутовство; zha⁴ 诈 притворство
41. cheng² 诚 искренность
42. shi² 实 правдивость xu¹ 虚, huang³ 谎 ложь; wu¹ 诬 клевета
43. pu³ 普 простота te⁴shu¹ 特殊 своеобразие, особенность;
tu¹chu¹ 突出 исключительность
44. de² 德 добродетель nie⁴ 孽 грех, зло

Завершая рассмотрение этических пейоративов, проанализируем фонетический состав слов, оговариваясь, что при подсчете лабиальных финалей мы не будем учитывать повторяющиеся слоги и слова с собственно отрицаниями типа wu²chi³ 无耻 (бесстыдство). В 67 словах лабиальные финали встретились 45 раз (67%).

Нарушение юридических норм поведения – преступления разной степени тяжести:

1. Грабеж, разбой	qiang ³ jie ² , lue ⁴ duo ²	抢劫, 掠夺
2. Убийство	sha ¹ si ³ , da ³ si ³	杀死, 打死
3. Насилие
(изнасилование)	qiang ² jian ¹ , qiang ² bao ⁴	强奸, 强暴
4. Воровство, угон	tou ¹ , tou ¹ zou ³	偷, 偷走
5. Вред (губить, вредить)	cui ¹ can ² , wei ¹ hai ⁴	摧残, 危害
6. Побои (избивать)	da ³ , ou ¹ da ³	打, 殴打
7. Запугивание	hu ³ , xia ⁴ , kong ³ he ⁴	唬, 吓, 恐吓
8. Издевательство	wu ³ nong ⁴ , wa ¹ ku, ji ¹ qiao ⁴	侮辱, 挖苦, 讥讽
9. Террор	kong ³ bu ⁴	恐怖
10. Угроза	wei ¹ xie ² , wei ¹ he ⁴	威胁, 威吓

11. Задушить	wu ³ si ³ , qia ¹ si ³ , e ⁴ sha ¹	捂死, 掐死, 扼杀
12. Мошенничество, плутовство, жульничество	qi ¹ zha ⁴ , zha ⁴ pian ⁴	欺诈, 诈骗
13. Махинации, козни, интриги	ji ⁴ liang ³ , yin ¹ mou ² , hua ¹ zhao ¹ , gui ³ ji ⁴	伎俩, 阴谋, 花招, 诡计
14. Злословие, клевета	shuo ¹ ren ² huai ⁴ hua ⁴ , fei ³ bang ⁴ , zhong ⁴ shang ¹	说人坏话, 诽谤, 中伤
15. Злоупотребление	lan ⁴ yong ⁴ , guo ⁴ liang ⁴	滥用, 过量
16. Взятничество	shou ⁴ hui ⁴ , xing ² hui ⁴ , hui ⁴ lu ⁴	受贿, 行贿, 贿赂
17. Шантаж, вымогательство	e ² zha ⁴ , dong ⁴ he ⁴	讹诈, 恫吓
18. Контрабанда	zou ³ si ¹	走私
20. Пиратство	hai ³ dao ⁴ xing ² wei ²	海盗行为
21. Похищение	dao ⁴ qie ⁴ , bang ³ jia ⁴	盗窃, 绑架
22. Поджог	fang ⁴ huo ³ , zong ⁴ huo ³	放火, 纵火
23. Шпионаж	ci ⁴ tan ⁴ , te ⁴ wu ⁴ huo ² dong ⁴ , jian ⁴ die ² huo ² dong ⁴	刺探, 特务活动, 间谍活动
24. Дезертирство	lin ² zhen ⁴ tuo ¹ tao ² , kai ¹ xiao ³ chai ¹	临阵脱逃, 开小差
25. Геноцид	zhong ³ zu ² mie ⁴ jue ²	种族灭绝
26. Побег	bu ¹ tao ¹ , tao ¹ pao ³	遁逃, 逃跑

С учетом синонимов в группе слов со значением преступления насчитывается 54 слова, лабиальные финалы составили **68,5%** (37).

Социальная опасность пассивного проявления неуважения выражается в таких словах, как:

1. Безработица	shi ¹ ye ⁴	失业
2. Безалаберность, небрежность	ma ³ mahu ¹ hu, wu ² tiao ² li ³ , luan ⁴ qi ¹ ba ¹ zao ¹	马马虎虎, 无条理, 乱七八糟
3. Безделье	xian ² san ⁴ , wu ² suo ³ shi ⁴ shi ⁴	闲散, 无所事事
4. Забывчивость	wang ⁴ ji ⁴ , wang ⁴ diao ⁴	忘记, 忘掉
5. Опоздание	chi ² dao ⁴ , lai ² wan ³ , wu ⁴ dian ³	迟到, 来晚, 误点

		143	
6.	Осквернение	dian ⁴ wu ¹ ; wu ¹ ru ³	玷污, 污辱
7.	Провокация, подстрекательство	tiao ³ bo ¹ , tiao ³ suo	挑拨, 挑唆
8.	Прогул	kuang ⁴ gong ¹ , kuang ⁴ zhi ²	旷工, 旷职
9.	Пьянство	kuang ² yin ³ , xu ⁴ jiu ³	狂饮, 酗酒
10.	Забастовка	ba ⁴ gong ¹	罢工
11.	Леньтайство	lan ³ duo ⁴ , you ² shou ³ hao ³ xian ²	懒惰, 游手好闲
12.	Халтура (халтурить)	fu ¹ yan se ⁴ ze ² , fu ¹ yan	敷衍塞责, 敷衍

Из 24 слов данной группы лабиальные финалы присутствуют в 20, что составляет **83%**.

Вместе с утилитарными и нормативными оценками в группу рационалистических оценок, связанных с практической деятельностью, практическими интересами и повседневным опытом человека, также входят **телеологические** оценки: нецелесообразный – 过分 guo⁴fen⁴, неудачный 倒霉 dao³mei², хлопотный – 麻烦 ma²fan.

В классификации оценочных значений еще следует упомянуть **сенсорно - вкусовые**, или гедонистические: зловонный – chou⁴臭; неприятный, противный – tao²yan⁴讨厌; горький – ku³苦; брезговать – xian²wu⁴嫌恶; колючий – ci⁴ren²刺人; тусклый – hui⁴晦; паршивый – nao¹孬; мутный – zhuo²浊, hun²浑, hun¹昏; прокисший – sou¹馊.

Целью нашего исследования было подтвердить звукосимволическую роль лабиальных в выражении пейоративности, поэтому, выполнив поставленную задачу, мы вынуждены признать, что слов с отрицательно-оценочным значением в китайском языке очень много, и нам не представляется возможным в рамках данной работы представить весь исчерпывающий список.

Часть исследуемого материала была получена в ходе направленного эксперимента с носителями китайского языка, где продуценты должны были привести примеры слов с пейоративным значением. Всего в качестве примеров

приведено **332** китайских слова, большая часть из которых двусложные образования, поскольку использован материал современного китайского языка. Выяснилось, что в данной группе лабиальные финалы встретились **238** раз, что составило **72%**. Полученные результаты подтверждают идею о том, что *лабиальные играют существенную роль в обозначении пейоративных значений.*

2.5. Экспериментальное исследование лабиальных финалей по признаковой шкале «хороший – плохой»

В эксперименте № 1 при измерении фонетического значения финалей китайского языка по признаковой шкале «круглый – квадратный» удалось подтвердить наличие фоносемантических связей между лабиальностью и значением «округлости». В этой части работы мы предприняли попытку измерить фонетическое значение лабиальных финалей китайского языка по признаковой шкале «хороший – плохой».

Эксперимент № 4

(метод семантического дифференциала)

Цель эксперимента – измерить фонетическое значение лабиальных финалей китайского языка по признаковой шкале «хороший – плохой» с тем, чтобы подтвердить наличие фоносемантических связей между лабиальностью и значением пейоративности.

Материал. В качестве исследуемого материала выступили записанные буквами китайского фонетического алфавита **17** лабиальных финалей.

Испытуемые. Поскольку исследуемый материал уточнялся в ходе работы над диссертацией, то часть эксперимента проводилась с китайцами – студентами Шеньянского политехнического университета (г. Шеньян, КНР) – всего 100 человек, а еще одна часть – с китайскими студентами международного факультета Иркутского государственного лингвистического университета – всего 60 человек.

Инструкция. “请您填张表 – 当您看到竖档里的韵母，您认为它含有哪种意义（褒、中、贬），请您从横栏里选出一个并做出标记。”

«Выберите одно из значений: хороший – нейтральный – плохой как характеристику предложенных финалей китайского языка, заполнив таблицу».

Результаты. Заполненная таблица выглядит следующим образом:

Таблица № 7

Фонетическое значение лабиальных финалей китайского языка
по признаку «хороший – плохой»

	褒义 Хороший	中义 Нейтральный	贬义 Плохой
u	30	56	14
o	35	61	4
uo	24	60	16
ou	23	53	24
ao	44	43	13
uai	14	46	40
uan	19	63	18
uang	25	56	19
ui	16	56	28
un	14	59	27
ong	25	56	19
wa	23	30	7
yu	4	29	27
yun	4	29	27
yue	18	36	6
yuan	19	29	12
yong	17	22	21

Интерпретация результатов. Как мы видим по данным проведенного эксперимента с носителями китайского языка, все лабиальные финали воспринимаются как нейтрально оценочные. Это произошло, видимо, потому что «оценочное значение обусловлено фактическими свойствами предмета в той мере, в какой оно им мотивируется. Мотив оценки всегда имеет объективный характер. В число мотивов могут входить наблюдаемые свойства объекта, связанные с данным объектом факты и прогнозы, отношение к цели, закономерности и капризы восприятия, нормальные и «аллегорические»

реакции на разные виды объектов» (Арутюнова 1999: 180). Необходим вполне конкретный объект, чтобы было возможно его оценить, другими словами, требуется максимальная предметность оцениваемого объекта. Именно поэтому, на наш взгляд, при отсутствии конкретных слов единственно возможной оценкой является нейтральная. Обратим внимание на финаль *-ao*, набравшую максимальное число ответов (44) как положительно оцениваемую и финаль *-uai*, набравшую максимальное число ответов (40) как отрицательно оцениваемую. Думаем, что это связано, прежде всего, с тем, что финаль *-ao* присутствует в слове hao³ 好 со значением «хороший», а финаль *-uai* в слове huai⁴ 坏 со значением «плохой».

Завершая рассмотрение группы пейоративов в китайском языке, анализ которой связан с оценкой, считаем необходимым сформулировать главный для понимания природы оценки тезис, «что между оценочным предикатом и объектом оценки всегда стоит человек – индивид, социальная группа, общество, нация, Человечество» (Арутюнова 1999: 181). Из этого ключевого положения вытекают все частные свойства оценочных значений: субъективность, зависимость от обстоятельств, социальный статус, национальность и т.д. Следующий эксперимент по данной теме исследования призван определить, как китайцы оценивают подобранную группу слов по признаку «хороший – плохой» («положительный – отрицательный»).

Эксперимент № 5

(метод семантического дифференциала)

Цель эксперимента – с помощью оценки, полученной от носителей китайского языка, конкретизировать положительное или отрицательное значение группы китайских слов с лабиальными финалями с тем, чтобы подтвердить наличие фоносемантических связей между лабиальностью и пейоративностью.

Материал. 17 китайских односложных слов с лабиальными финалями, значение которых может варьироваться между противоположными полюсами

«положительный – отрицательный». Все слова записаны иероглифами и буквами китайского фонетического алфавита и представлены с русским переводом.

Испытуемые. 100 китайских студентов Шеньянского политехнического университета (г. Шеньян, КНР).

Инструкция. “请您填张表 – 当您看到竖档里的单词，您认为它含有哪种意义（褒、中、贬），请您从横栏里选出一个并做出标记。”

«Заполните таблицу со значениями: хороший – нейтральный – плохой, поставив любой значок напротив наиболее подходящей, с Вашей точки зрения, оценки каждого слова».

Результаты. Результаты эксперимента оформлены в таблицу.

Таблица № 8

Группа слов китайского языка
с оценкой по признаку «хороший – плохой»

			褒义 Хороший	中义 Нейтральный	贬义 Плохой
1	ao ³ 媪	старуха	36	52	12
2	chu ² 除	удалить, истребить, ликвидировать	2	79	19
3	cu ² 粗	толстый, густой, крупный, грубый	1	62	37
4	dong ⁴ 洞	дыра, отверстие, пещера	1	89	10
5	hun ² 浑	мутный, грязный, глупый	1	25	74
6	chou ² 惆	грусть	5	48	47
7	cu ⁴ 蹙	напряженный; наморщить, нахмурить	2	42	56
8	guai ⁴ 怪	странный, чудной; чудовище		40	60
9	hui ⁴ 晦	тусклый, сумрачный	3	14	83
10	lu ⁴ 辘	громыхание, грохот	6	82	12
11	lou ⁴ 漏	дать течь, пропускать; продырявиться	1	54	45

12	nao ² 呶	болтать без умолку	8	55	37
13	nao ² 挠	чесать	3	73	24
14	kong ³ 孔	дыра, отверстие	8	84	8
15	ju ⁴ 拒	сопротивляться		63	37
16	hu ² li 狐狸	лисица	1	36	63
17	chuang ³ 闯	врываться, ломиться	34	47	19

Интерпретация результатов. Наиболее отрицательным оказалось слово hui⁴ 晦 (тусклый, сумрачный) – 83%; 74% оценили слово hun² 浑 (мутный, грязный, глупый) как плохое. Видно, что значения каждого иероглифа имеют некоторые оттенки, передающиеся разными словами. Мы не уточняли у китайцев, какое конкретно значение они оценивают. Дело в том, что иероглифическая письменность имеет уникальную способность передавать комплексное значение, а носители китайского языка воспринимают значение иероглифа также комплексно во всем многообразии оттенков значения. Слово hu²li 狐狸 (лисица) получило 63% отрицательных оценок, ведь лиса для китайцев – это не просто животное, это оборотень – хитрый, изворотливый, непредсказуемый, опасный человек. Слово guai⁴ 怪 (странный, чудной; чудовище) охарактеризовано как плохое 60% испытуемых, ведь то, что человеку непонятно, вызывает страх и расценивается негативно. Слово cu⁴ 蹙 (напряженный; наморщить, нахмурить) также оценено отрицательно (56%). Большинство слов попали в нейтральную зону: dong⁴ 洞 (дыра, отверстие, пещера) – 89%, kong³ 孔 (дыра, отверстие) – 84%, lu⁴ 辘 (громыхание, грохот) – 82%, chu² 除 (удалить, истребить, ликвидировать) – 79%, nao² 挠 (чесать) – 73%, ju⁴ 拒 (сопротивляться) – 63%, cu² 粗 (толстый, густой, крупный, грубый) – 62%.

Комментируя полученные в ходе эксперимента результаты, считаем необходимым подчеркнуть – «для того, чтобы оценить объект, человек должен «пропустить» объект оценки через себя: природа оценки отвечает природе человека» (Арутюнова 1999: 181). Поэтому, оценивая что-то как отрицательное,

человек должен вполне конкретно понимать насколько это плохо, неприятно, неудобно, вредно для него самого. Если это дыра, то необходимо уточнить, где дыра, какая дыра, зачем дыра и т.д.? Если истребить, то что, зачем, как скоро и т.д.? Для выбора оценки необходима конкретизация объекта, а главное необходимо выяснить, какое отношение это имеет к тебе – тому человеку, кто оценивает. Слово *chou*² 惆 грусть получило почти равные результаты в нейтральной оценке (48%) и в отрицательной (47%). Не зная причины грусти, наверное, сложно дать точную оценку, однако грусть однозначно не оценивается положительно.

2.6. Пейоративные междометия

Семантика междометий полностью обусловлена выполняемой ими языковой функцией непосредственного выражения чувств, эмоций, переживаний человека. Пейоративы как слова с отрицательной эмоциональной окраской в языке представлены также и междометиями.

Далее следует ряд междометий, отобранный методом сплошной выборки из китайских словарей по принципу выражаемого пейоративного значения с примерами их употребления.

1. **ai¹ya¹** 哎呀 выражает неприятное удивление.

哎呀！我的录音机坏了！Ой, мой магнитофон сломался!

2. **ai¹yo¹** 哎哟 выражает переживания, страдания, иронию.

哎哟，多疼呀！Ай (ой), как больно!

哎哟，糟啦！Ой, беда!

哎哟，说得多好听呀！Ой, ну и сладко же ты поешь!

3. **ai¹yo¹yo¹** 哎哟哟 выражает мучения.

哎哟哟，好疼！Ой-ой-ой, как больно!

4. **ai³** 喂 выражает несогласие, отрицание.

喂，不能这样做。Ой, так нельзя делать.

5. **ao²ao²** 嗷嗷 выражает стелания, вопли голодающих
嗷嗷待哺, 我们太饿了! Ой-ой-ой! Как есть хочется!

6. **ei³** 欸 выражает несогласие, неодобрение.
欸, 你这话真不对。Нет, вы совсем не правы.
欸, 怎么可以这样! Эх, как это так можно!

7. **he⁴** 吓 выражает недовольство.
吓, 怎么能这样呢! Ой, нельзя же так!

8. **hm** 嗽 выражает неудовольствие, порицание.
嗽, 你还不满意哪! Гм (хм)! Ты все еще недоволен!

9. **pei¹** 呸 выражает отвращение, брезгливость.
呸, 真讨厌! Фу, надоел!
呸, 真可恶! Фу, какая гадость!

10. **wei⁴** 喂 выражает раздражение, связанное с необходимостью торопить,
нажимать (на кого-то).
喂, 快点! Ну-ка, давай скорей!

11. **wei³wei³nuo⁴nuo⁴** 唯唯诺诺 выражает поддакивание, вынужденное
согласие.
唯唯诺诺, 是, 我就这么做! Угу, ладно, я так и сделаю!

12. **wo¹yue¹** 喔唷 выражает страх, испуг.
喔唷, 这么高! У, как высоко!

13. **wu¹hu¹** 呜呼 выражает вздох, сожаление.
呜呼, 他已经不在了! Увы, его уже нет (умер)!

14. **xu¹** 嘘 выражает пресечение, изгнание, отвращение.
嘘! 轻一点, 屋里有病人。Тсс! Тише, в комнате больной.

15. **xu¹** 吁 выражает неприятное удивление.
吁, 可怪也! Ох, очень странно!

16. **yi¹** 噫 выражает сожаление, горечь.

噫, 我老了! Увы, я стар!

17. **you¹** 呦 выражает испуг, неприятное удивление.

呦, 你踩我脚了! Ой, ты наступил мне на ногу!

Среди представленных междометий (всего 17), лабиальные встретились в 10 примерах, что составляет **59%**, причем в 9 словах участвуют только лабиальные финалы, одно слово – 嘍 **hm** – представляет собою маргинальное образование с отсутствием финали (поэтому мы учитывали характеристики инициалей). Значительное преобладание слогов с нулевой инициальной среди междометий исследуемой группы (11 примеров – 65%), также как среди общего количества китайских междометий нельзя считать случайным. Поскольку финалы – это звуковые комплексы, в основном, состоящие из гласных звуков, следовательно, логично предположить, что именно эти звуки больше подходят для выражения чувств и эмоций. Полученные результаты *подтверждают идею о том, что лабиальные играют существенную роль в обозначении пейоративных значений.*

Поскольку все примеры даны с русским переводом, то есть подобраны эквивалентные междометия русского языка, то весьма интересным выглядит фонетический анализ русских примеров. Среди 17 слов 14 (**82%**) имеют в своем составе лабиальные звуки: ой, гм, угу, фу, ну-ка, у, ох, увы. Причем, некоторые пары междометий являются абсолютными эквивалентами, т.е. совпадают и по значению, и по звучанию – что вполне подтверждает факт наличия межъязыковых междометий (ср. ai¹yo¹ 哎哟! – ай (ой)! ai¹yo¹yo¹ 哎哟哟! – ой-ой-ой! hm 嘍 – гм, хм).

Безусловно, необходимо учесть, что лабиальные образования составляют очень существенную часть и китайского, и русского словаря, но это не мешает нам еще раз сделать вывод о межъязыковом характере звуко-символической связи между лабиальными звуками и значением пейоративности.

§ 3. Фоносемантические универсалии выражения пейоративности

В монографии С.В. Воронина представлены модели, описывающие полилабиальные пейоративы (всего 360 английских лексем) с компактной звукосимволической зоной (см. подробнее Воронин 1982: 96).

Звукосимволически наиболее «сильной» и наиболее интересной в общетеоретическом плане изучения универсалий оказывается наименее частотная (14%) модель II. – единственная, в которой возможно явление *сатурации*, или звукосимволического насыщения: при сатурации число лабиальных в звукосимволической зоне оказывается равным общему числу фонем в этом слове, и последнее выступает как единый звукосимволический монолит, «сплошь» (за исключением отдельных возможных сонорных вставок) состоящий из лабиальных, например, booby ‘болван, олух’, bloop ‘грубая ошибка’; ро⁴ 破 ‘дрянной, рваный’, мо⁴ 莫 ‘никто, ничто’; боль, бомба, -Убью!

Для иллюстрации фоносемантической универсалии выражения пейоративности, приведем примеры звукоизобразительных слов с лабиальными звуками из английского, немецкого, китайского и русского языков.

hun²dan⁴ 混蛋 – дурак – fool – Dummkopf,

cu¹lu 粗鲁 – грубый, дерзкий – rude – unhöflich,

sun³ 损 – потеря, убыток – loss, losses – Verlust,

kong³ ju⁴ 恐惧 – ужас, страх – horror – Horror,

you¹chou² 忧愁 – мрачный, угрюмый – gloomy – unheimlich.

В ходе исследования китайских пейоративов, параллельно был проведен фонетический анализ русских слов с отрицательным значением, результат которых также подтверждает звукосимволическую роль лабиальных.

Приведем аналогичные примеры из английского и немецкого языков:

Wrong (неправильный, зло, обман), poison (отрава, яд), fault (недостаток, ошибка), monster (чудовище, урод), naughty (непослушный, порочный), spoil (портить, баловать, грабить), poor (бедный, плохой, убогий), awful (страшный, ужасный), to rack (ломать, крушить).

Räuber (вор), faul (ленивый), fluchen (ругаться, материться), verprügeln (драться), Sünde (грех), Boshaftigkeit (злость), Hunger (голод), Tod (смерть), Unordnung (беспорядок), durchfallen (оставаться на повторное обучение), Arschloch (ругательство).

Осмелимся предположить, что данные слова обладают большей экспрессивностью в сравнении со своими нелабиальными синонимами, поэтому чаще используются в соответствующих эмоциональных контекстах.

Человек мыслит образами, и лишь затем облакает их в слова. Звук как носитель смысла слова имеет ряд физических характеристик – скорость, частота, тембр, сила и т.д. При произнесении слова осуществляется не только комплекс артикуляторных движений, но и происходит энергическое возрождение образа, обнажая семантическую идею. То, что улавливает наше ухо, составляет материально-предметную основу звуковой символики. Звуковой символ есть своеобразный звуковой образ, с помощью которого выражается незвуковое содержание, ассоциативно связанное с соответствующим звучанием. Внутренняя связь между звучанием и значением представляет определенный вид визуального знака, называемого **иконическим**, Ю.А. Сорокин назвал это соотношение визуалистикой.

Выводы по Главе 3

В результате анализа словарных дефиниций и работы с информантами составлено семантическое поле китайских пейоративов. Психолингвистический эксперимент приводит нас к выводу о том, что эмоциональная оценка (именно данный вид оценки лежит в основе фоносемантического исследования) может быть выражена в системе языка, только пройдя через фильтр сознания.

Лабиальные обладают звукосимволическим значением пейоративности. На материале китайского языка это подтверждается полученными в работе результатами.

1. В китайских поэтическом и прозаическом текстах напряженного характера наблюдается преимущество лабиальных финалей.
2. Собственно отрицания в китайском языке, во-первых, достаточно разнообразны, во-вторых, в них преобладают лабиальные финали (73%).
3. В общей группе слов с отрицательным значением лабиальные финали представлены высоким процентом (72%).
4. Пейоративные междометия также в своем фонетическом составе преимущественно содержат лабиальные звуки (59%).

На основе анализа тоновых показателей изучаемого языкового материала удалось сделать вывод о том, что в словах с пейоративным значением наблюдается преимущество четвертого тона.

Фоносемантический анализ текстов наряду с исследованиями на фонемном и лексемном уровнях позволил охарактеризовать лабиальные финали со звукосимволическим негативным значением как класс.

Выражение лабиальными звуками значения пейоративности образует фоносемантическую универсалию, что подтверждают языковые примеры из русского, английского и немецкого языков. Звукосимволически универсальным является явление сатурации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В.А. Курдюмов назвал китайский язык идеальным объектом языкознания, и хотя он совсем не имел в виду звуко-символические исследования, трудно с ним не согласиться. Китайский язык, фонетическая и графическая изобразительность которого лежит на поверхности, практически не подвергался исследованиям, связанным с иконичностью. Поэтому и в общетеоретическом, и в монологическом плане изучение языкового иконизма представляет большой интерес.

Данное исследование выполнено в русле антропоцентрического подхода к языку, это значит, что оно, во-первых, ориентировано не только на поиски закономерностей в лексическом и текстовом материале, но и на исследование проявления в языке так называемого человеческого фактора; во-вторых, источником познания человеческого фактора является психолингвистический эксперимент в различных своих модификациях, в основе которого лежит работа с информантами; в-третьих, предполагается обязательное участие в эксперименте ситуации, которая определяется формулой «здесь, сейчас, для меня», предложенной А.А. Залевской и активно используемой психолингвистами.

Результаты исследования подтверждают возможность рассматривать **знак** как *четырёхмерную* сущность, где **форма** – репрезентативна (по Ч.С. Пирсу) – знаковое средство (по Ч. Моррису) и **содержание** – объект – десигнат связываются на основании определенных признаков – **интерпретанта** как способ их соотношения, а весь процесс семиозиса осознаётся только при наличии **интерпретатора**, причем все четыре составляющие подразумевают друг друга. В терминах фоносемантической теории знак может быть проинтерпретирован следующим образом: звук – это форма, значение – это содержание, интерпретанта – это, по существу, показатель связи между звуком и значением, а интерпретатор – это носитель языка, который устанавливает

характер отношений между формой и содержанием, то есть определяет звукосимволическое значение.

Определяя принцип не-произвольности языкового знака как важнейший принцип фоносемантики, признаем, однако, что в «современной» синхронии языковой знак представляет собой двоякую сущность: он одновременно не-произволен и произволен. Причина такой двойственности видится в двойственности самого характера слова: оно с самого начала выступает в двух «ипостасях» – отражательной и коммуникативной. «Жизнь слова протекает как бы между двумя силовыми полюсами – полюсом мотивированности и полюсом произвольности. Одни слова расположены ближе к полюсу мотивированности, другие – к полюсу произвольности, третьи – в зоне равновесия этих сил» (Журавлев 1991: 137). Именно фоносемантический анализ способен определить уровень и характер мотивированности языкового знака – к данному выводу мы приходим в процессе исследования языкового материала, устанавливая степень мотивированности звукосимволических слов со значением округлости и отрицательности в китайском языке.

Лингвистический анализ материала приводит нас к целесообразности рассматривать **иконизм** в фокусе «выделенности» определенного сходства между вещью и словом. Сходство связано, прежде всего, со сходством свойств, но не самого объекта, а структуры его восприятия.

Главным, на наш взгляд, является вывод, к которому мы пришли на основании проведенного исследования: одна и та же фонетическая характеристика (лабиальность) оказалась связана с разными значениями – округлостью и пейоративностью, что подтверждает разный уровень иконизма языкового знака. Вне зависимости от авторской терминологии разных ученых, идея внешнего и внутреннего сходства между формой и содержанием очевидна. Звукосимволическое значение округлости основано на непосредственном **внешнем** подражании: лабиальная финаль как звук (форма) передает значение округлости (содержание) на основании аналогичных характеристик. Слова данной категории являются иконическими знаками-схемами (по Ч.С. Пирсу) и

экстракинесемизмами (по С.В. Воронину). Звукосимволическое значение пейоративности основывается на подражании **внутреннему** свойству (в нашем случае отрицательности), присущему и звуку, и предмету, но это не непосредственное подражание, а сходство, связанное с возникновением аналогичных впечатлений и ощущений. Данные слова – это иконические знаки-метафоры и интракинесемизмы.

Наш повседневный опыт свидетельствует о том, что мы общаемся не только с помощью словесных знаков (произвольных, конвенциональных, артикулированных на основе дискретных единиц (незвукосимволических слов – Т.П.)), но и с помощью фигуративных знаков (кажущихся естественными, мотивированными, тесно связанными с самими вещами и существующими в некоем континууме чувств (звукосимволических слов – Т.П.)); в связи с этим главный вопрос семиологии визуальных коммуникаций заключается в том, чтобы объяснить, как не имеющий ни одного общего материального элемента с вещами графический и фотографический знак может быть сходным с вещами, быть на них похожими. Возможно, визуальный знак передает соотношение форм. Вопрос в том и состоит, чтобы разобраться, что это за отношения, каковы они и как передаются (Эко 1998: 127). Подтверждая идею У. Эко о том, что не существует абсолютного иконизма, точно так же как мы вслед за В.В. Левицким провозгласили относительность конвенциональности языкового знака, экспериментальную часть нашего исследования можно рассматривать как ответы на поставленные вопросы. Мы подвергаем иконизм двойной проверке: интроспективный анализ носит субъективный (авторский) характер, психолингвистический анализ с носителями языка – объективный характер.

Проводя фоносемантическое исследование китайских лабиальных финалей на обширном языковом материале с выходом на подсознательный уровень, что становится возможным только в работе с информантами, нам удалось убедительно подтвердить идею о связи лабиальности с округлостью с одной стороны (в сенсорной сфере) и с пейоративностью с другой стороны (в эмоциональной сфере). Анализ примеров из английского, немецкого и русского

языков позволяет унифицировать данные звукосимволические закономерности и в предварительном порядке говорить о существовании межъязыковых свойств исследуемых явлений.

Поскольку китайский язык относится к тоновым языкам, анализируя тоновые характеристики междометий-омографов, мы пришли к неожиданному выводу о том, что наблюдается почти тождественное использование интонации в разноструктурных языках, и это подтверждает универсальность просодии.

Порядок психолингвистического исследования позволяет выработать вполне определенный алгоритм фоносемантического исследования с заданными параметрами:

- 1) проведение фоносемантического анализа текста;
- 2) исследование словарных дефиниций с применением метода сплошной выборки по заданному значению;
- 3) изучение уникального языкового феномена, связанного с исследуемым материалом;
- 4) определение удельного веса исследуемых фонем в языке (словарный анализ и анализ текстов);
- 5) измерение фонетического значения фонем;
- 6) экспериментальное исследование выделенного артикуляционного признака в условиях дихотомии;
- 7) проведение сопоставительного исследования.

Перспективным выглядит продолжение фоносемантического исследования китайского языка: анализ лабиальных инициалей – *b, p, m*, может, несмотря на их малочисленность, обнаружить определенные закономерности; безусловный интерес представляют эмоционально окрашенные фразеологизмы; фоносемантический анализ художественного текста расширяет горизонты звукосимволических исследований. И, конечно, предметом исследования более далекой перспективы можно рассматривать звукоизобразительную систему китайского языка в целом и проявление универсального характера звукосимволизма на примере максимально большого числа языков.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ажеж, К. Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки [Текст] / К. Ажеж. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 304 с.
2. Алексахин, А.Н. Структура слога китайского языка как проявление системообразующих свойств согласных и гласных [Текст] / А.Н. Алексахин // Вопросы языкознания. – 1990. – № 1. – С. 72-88.
3. Алексахин, А.Н. Проблема соответствия фонологического и грамматического уровней в китайском языке путунхуа [Текст] / А.Н. Алексахин // Китайское языкознание. – М., 1998. – С. 23-28.
4. Алексахин, А.Н. Некоторые принципы лингвистического описания фонетической системы китайского языка [Текст] / А.Н. Алексахин // Мир китайского языка. – 2000. – № 1. – С. 18-25.
5. Алпатов, В.М. Предварительные итоги лингвистики XX века [Текст] / В.М. Алпатов // Вестник МГУ. Серия филологии. – М., 1995. – № 5. – С. 3-15.
6. Андреев, И.Д. Теория как форма организации научного знания [Текст] / И.Д. Андреев. – М., 1979. – 303 с.
7. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека [Текст] / Н.Д. Арутюнова. – М. : Язык русской культуры, 1999. – 896 с.
8. Ашмарин, Н.И. О морфологических категориях подражаний в чувашском языке [Текст] / Н.И. Ашмарин. – Казань, 1928. – 160 с.
9. Базылев, В.Н. Интерпретативное переводоведение: пропедевтический курс [Текст] / В.Н. Базылев, Ю.А. Сорокин. – Ульяновск, 2000.
10. Балаш, М.А. Фоносемантическая структура текста как фактор его понимания: (Экспериментальное исследование) [Текст] : автореф. ...канд. филол. наук : 10.02.19 / М.А. Балаш.– Барнаул, 1999. – 20 с.
11. Баллонов, Л.Я. Слух и речь доминантного и недоминантного полушарий [Текст] / Я.Л. Баллонов, В.Л. Деглин. – Л., 1976. – 218 с.
12. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества [Текст] / М.М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 423 с.

13. Белянин, В.П. Психолингвистические аспекты художественного текста [Текст] / В.П. Белянин. – М. : Изд-во МГУ, 1988. – 121 с.
14. Бенвенист, Э. Общая лингвистика [Текст] / Э. Бенвенист. – М. : Прогресс, 1974. – 448 с.
15. Березин, Ф.М. Иконичность в языке [Текст] / Ф.М. Березин // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Реферативный журнал. Сер. 6. Языкознание. – 1996 – № 1. – С. 58-66.
16. Беседина, Е.И. К вопросу об универсальности звуко-символизма фонотипа лабиальных [Текст] / Е.И. Беседина // Актуальные проблемы психологии, этнопсихолингвистики и фоносемантики. – М., 1999. – С. 121-122.
17. Борботько, В.Г. Принципы формирования дискурса: От психолингвистики к лингвосинергетике [Текст] / В.Г. Борботько. – М. : КомКнига, 2006. – 288 с.
18. Бубрих, Д.В. К проблеме изобразительной речи [Текст] / Д.В. Бубрих // Ученые записки Карело-финского университета : Исторические и дипломатические науки. Вып. 1. – Петрозаводск, 1948. – Т.3. – С. 85-94.
19. Бурлак, С.А. Переход от до-языка к языку: что можно считать критерием? [Текст] / С.А. Бурлак // Разумное поведение и язык. Вып. 1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка / сост. А.Д. Кошелев, Т.В. Черниговская. – М. : Языки славянских культур, 2008. – С.89-100.
20. Валуйцева, И.И. Влияние фонетической значимости текста на особенности его восприятия [Текст] : автореф. ...канд. филол. наук : 10.02.19 / И.И. Валуйцева. – М., 1987. – 19 с.
21. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков [Текст] / А. Вежбицкая. – М. : Языки славянской культуры, 1999. – 780 с.
22. Венцов, А.В. Проблемы восприятия речи [Текст] / А.В. Венцов, В.Б. Касевич. – М., 2003. – 240 с.

23. Вестерман, Д. Звук, тон и значение в западно-африканских суданских языках [Текст] / Д. Вестерман // Фоносемантические идеи в зарубежном языкознании / под ред. С.В. Воронина. – Л., 1990. – С. 98-106.
24. Ветров, А.А. Знак [Текст] / А.А. Ветров, Д.П. Горский, Л.О. Резников // Философская энциклопедия. – М., 1962. – Т.2. – С. 177-178.
25. Виноградов, В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) [Текст] / В.В. Виноградов. – М. : Русский язык, 2001. – 720 с.
26. Вишняцкий, Л.Б. Происхождение языка: современное состояние проблемы [Текст] / Л.Б. Вишняцкий // Вопросы языкознания. – 2002. – № 2. – С. 48-61.
27. Воронин, С.В. Основы фоносемантики [Текст] / С.В. Воронин. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1982. – 244 с.
28. Воронин, С.В. Знак не-произволен и произволен: новый принцип на смену принципу Соссюра [Текст] / С.В. Воронин // Актуальные проблемы психологии, этнопсихолингвистики и фоносемантики : материалы всероссийской конференции. – М., 1999. – С. 128-130.
29. Воронин, С.В. Из истории звукоизобразительности [Текст] / С.В. Воронин // С.В. Воронин. Фоносемантические идеи в зарубежном языкознании. – Л., 1990. – С. 3-15.
30. Воронин, С.В. Фоносемантика: общие положения [Текст] / С.В. Воронин // Фоносемантические исследования. – Пенза, 1990. – С. 5-24.
31. Вундт, В. К вопросу о происхождении языка. Звукоподражательные и звуковые метафоры [Текст] / В. Вундт // Фоносемантические идеи в зарубежном языкознании / под ред. С.В. Воронина. – Л., 1990. – С. 58-65.
32. Выготский, Л.С. Этюды по истории поведения: Обезьяна. Примитив. Ребенок [Текст] / Л.С. Выготский, А.Р. Лурия. – М. : Педагогика-пресс, 1993. – 221 с.
33. Газов-Гинзберг, А.М. Был ли язык изобразителен в своих истоках? [Текст] / А.М. Газов-Гинзберг. – М., 1965. – 183 с.

34. Гак, В.Г. Пространство вне пространства [Текст] / В.Г. Гак // Логический анализ языка. Языки пространств. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 127-134.
35. Горелов, И.Н. Основы психолингвистики. [Текст] / И.Н. Горелов, К.Ф. Седов. – М. : Лабиринт, 2001. – 224 с.
36. Горелов, И.Н. Прикладные аспекты фоносемантики [Текст] / И.Н. Горелов // Фоносемантические исследования. – Пенза, 1990. – С. 112-119.
37. Горцевская, В.А. Изобразительные слова в эвенкийском и маньчжурском языках [Текст] / В.А. Горцевская // Тюркологические исследования. – М., 1963. – С. 177-189.
38. Гринберг, Дж. Меморандум о языковых универсалиях [Текст] / Дж. Гринберг, Ч. Осгуд, Дж. Дженкинс // Новое в лингвистике. Вып. V.– М., 1970. — С. 31-44.
39. Гумбольдт, В.фон Избранные труды по языкознанию [Текст] / В.фон Гумбольдт. – М. : Прогресс, 1984. – 397 с.
40. Гурджиева, Е.А. Элементарный звуковой символизм: автореф. ...канд. филол. наук [Текст] / Е.А. Гурджиева. – М., 1973. – 31 с.
41. Денисова, Э.С. Иконичность словообразовательной формы (на материале окказианальной деривации русского языка) [Текст] : автореф. дис. ...канд. филол. наук / Э.С. Денисова. – Кемерово, 2005. – 24 с.
42. Дерябин, В.С. Чувства, влечения, эмоции [Текст] / В.С.Дерябин. – Л., 1974. – 258 с.
43. Донских, О.А. К истокам языка [Текст] / О.А. Донских. – Новосибирск, 1988. – 128 с.
44. Донских, О.А. История мировой и отечественной культуры [Текст] : Курс лекций / О.А. Донских, Н.И. Макарова. – Новосибирск : Новосиб. гос. акад. экономики и управления, 1994. – 175 с.
45. Дорошевский, В. Элементы лексикологии и семиотики [Текст] / В. Дорошевский. – М. : Прогресс, 1973. – 284 с.

46. Драгунов, А.А. Исследования по грамматике современного китайского языка [Текст] / А.А. Драгунов. – М., 1954.
47. Древнекитайская философия [Текст]. В 2 т. / сост. Ян Хин-Шун. – М., 1972.
48. Дубровская, М.В. Звукоизобразительная лексика. Oxford English Dictionary 1992 года (общие замечания) [Текст] / М.В. Дубровская // Актуальные проблемы психологии, этнопсихолингвистики и фоносемантики. – М., 1999. – С. 136-137.
49. Журавлев, А.П. Символическое значение языкового знака [Текст] / А.П. Журавлев // Речевое воздействие. Проблемы прикладной психологии. – М., 1972. – С. 81-105.
50. Журавлев, А.П. Фонетическое значение [Текст] / А.П. Журавлев. – Л., 1974. – 159 с.
51. Журавлев, А.П. Звук и смысл [Текст] / А.П. Журавлев. – М. : Просвещение, 1991. – 160 с.
52. Задоевко, Т.П. Учебник китайского языка [Текст] / Т.П. Задоевко, Шу-ин Хуан. – М., Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1973. – 755 с.
53. Залевская, А.А. Роль теории в экспериментальных психолингвистических исследованиях лексики [Текст] / А.А. Залевская // Психолингвистические исследования: звук, слово, текст. – Калинин, 1987. – С. 34-49.
54. Залевская, А.А. Вопросы теории овладения вторым языком в психолингвистическом аспекте [Текст] / А.А. Залевская. – Тверь, 1996.
55. Залевская, А.А. Введение в психолингвистику [Текст] / А.А. Залевская. – М. : Российский государственный гуманитарный университет, 1999. – 384 с.
56. Звегинцев, В.А. Семасиология [Текст] / В.А. Звегинцев. – М. : Московский университет, 1957. – 320 с.
57. Звегинцев, В.А. Мысли о лингвистике [Текст] / В.А. Звегинцев. – М. : Изд-во Моск. Ун-та, 1996. – 336 с.

58. Зимняя, И.А. Лингвopsихология речевой деятельности [Текст] / И.А. Зимняя. – М. : Московский психолого-социальный институт, Воронеж: НПО «МОДЕК», 2001. – 432 с.
59. Зиндер, Л.Р. Общая фонетика [Текст] / Л.Р.Зиндер. – М., 1979. – 312 с.
60. Зиндер, Л.Р. Фонема и ее место в системе языка и речевой деятельности [Текст] / Л.Р. Зиндер, В.Б. Касевич // Вопросы языкознания. – 1989, № 6.
61. Зубкова, Л.Г. Фонологическая типология слова [Текст] / Л.Г. Зубкова. – М. : Изд-во Унт-та дружбы народов, 1990. – 254 с.
62. Иванов, А.И. Грамматика современного китайского языка [Текст] / А.И. Иванов, Е.Д. Поливанов. – М. : УРСС, 2003 – 302 с..
63. Иванов, Вяч.Вс. Очеркам по предыстории и истории семиотики [Текст] / Вяч.Вс. Иванов // Иванов Вяч. Вс. Избр. труды по семиотике и истории культуры. – М., 1998. – Т.1. – С. 605-811.
64. Иванов, Н.В. Проблемные аспекты языкового символизма. (опыт теоретического рассмотрения) [Текст] / Н.В. Иванов. – Минск : Пропилеи, 2002. – 176 с.
65. Иванова-Лукьянова, Г.Н. О восприятии звуков [Текст] / Г.Н. Иванова-Лукьянова // Развитие фонетики современного русского языка. – М., 1966. – С. 36-143.
66. Исследования в области фоносемантики (обзор) [Текст] // Российский журнал: социальные и гуманитарные науки. Отечественная литература. Серия 6. – 1993. – № 2. – С.32-56.
67. История китайской философии [Текст] : Пер. с кит. / Общ. ред. и послеслов. М.Л. Титаренко. – М. : Прогресс, 1989. – 552 с.
68. Какиашвили, М.Г. К проблеме мотивированности [Текст] : автореф. ...канд. филол. наук : 10.02.19 / М.Г. Какиашвили. – Тбилиси, 1982. – 21 с.
69. Каражаев, Ю.Д. Фоносемантический аспект происхождения языка [Текст] / Ю.Д. Каражаев // Фоносемантические исследования. – Пенза, 1990. – С. 36-43.

70. Карапетьянц, А.М. Типология основных единиц китайского языка [Текст] : дис. ... докт. филол. наук : 10.02.19 / А.М. Карапетьянц. – М., 1992.
71. Карапетьянц, А.М. Формальное построение семантических полей нормативного китайского языка [Текст] / А.М. Карапетьянц // Китайское языкознание : материалы VIII международной конференции (Москва, 25-26 июня 1996г.). – М., 1996. – С. 66-71.
72. Карапетьянц, А.М. Формирование нормативного письменного языка в Китае [Текст] / А.М. Карапетьянц // Языковая норма. Типология нормализационных процессов : Институт языкознания РАН. – М., 1996. – С. 168-191.
73. Карапетьянц, А.М. Возможность интерпретации слога как основной фонетической единицы китайского языка [Текст] / А.М. Карапетьянц // Языкознание в теории и эксперименте: сб. научных трудов. – М. : Изд-во «Пробел – 2000», 2002. – С. 272-299.
74. Карасик, В.И. Языковой круг. Личность, концепты, дискурс [Текст] / В.И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
75. Касевич, В.Б. Фонологические проблемы общего и восточного языкознания [Текст] / В.Б. Касевич. – М. : Наука, 1983. – 295 с.
76. Кодзасов, С.В. Две заметки о звуковом символизме [Текст] / С.В. Кодзасов // Исследования по структурной и прикладной лингвистике. – М., 1975. – С. 63-70.
77. Колшанский, Г.В. Логика и структура языка [Текст] / Г.В. Колшанский. – М. : УРСС, 2005. – 240 с.
78. Конрад, Н.И. Фрагмент японской поэтики. Восточные записки [Текст] / Н.И. Конрад. – Л., 1927. – Т.1. – С. 319-326.
79. Кравцова, В.Ю. Экспериментальное исследование иконизма на материале звукоподражаний русского и китайского языков [Текст] / В.Ю. Кравцова // Альманах современной науки и образования : Научно-теоретический и прикладной журнал широкого профиля. – Тамбов, 2007. – № 3. – С. 108-110.

80. Кравченко, А.В. Знак, значение, знание. Очерк когнитивной философии языка [Текст] / А.В. Кравченко. – Иркутск : Издание ОГУП «Иркутская областная типография № 1», 2001. – 261 с.
81. Кравченко, А.В. Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации [Текст] / – А.В. Кравченко. – Иркутск : Изд-во Иркут. Ун-та, 1996. – 160 с.
82. Кубрякова, Е.С. Возвращаясь к определению знака [Текст] / Е.С. Кубрякова // Вопросы языкознания. – 1993. – № 4. – С. 18-28.
83. Кубрякова, Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) [Текст] / Е.С. Кубрякова // Язык и наука конца 20 века. – М., 1995. – С. 144-238.
84. Кулешова, О.Д. Фоносемантическая структура текста [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / О.Д. Кулешова. – М., 1984. – 215 с.
85. Кунина, Ю.А. К проблеме сочетаемости счетных слов и имен существительных в современном китайском языке [Текст] / Ю.А. Кунина // Китайское языкознание : материалы VIII международной конференции (Москва, 25-26 июня 1996г.). – 1996. – С. 85-89.
86. Курдюмов, В.А. Китайский язык и идеальный объект языкознания [Текст] / В.А. Курдюмов // Изучение китайского языка : научно-методический сборник. – М. : ИД «Муравей», 1997. – Т. 2. – С. 49-56.
87. Левицкий, В.В. Семантика и фонетика [Текст] / В.В. Левицкий. – Черновцы : Изд-во ГУ, 1973. – 103 с.
88. Левицкий, В.В. Звукосимволизм в лингвистике и психолингвистике [Текст] / В.В. Левицкий // Филологические науки. – 1975. – № 4. – С. 54-61.
89. Левицкий, В.В. Фонетическая мотивированность слова [Текст] / В.В. Левицкий // Вопросы языкознания. – 1994. – № 1. – С. 26-37.
90. Лейбниц, Г.В. Новые опыты о человеческом разуме [Текст] / Г.В. Лейбниц. – М., 1936. – 484 с.

91. Леонтьев, А.А. Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии [Текст] / А.А. Леонтьев. – М. : МПСИ; Воронеж : МОДЕК, 2001. – 444 с.
92. Леонтьев, А.А. Основы психолингвистики [Текст] / А.А. Леонтьев. – М. : Смысл, 1997. – С. 287.
93. Леонтьев, А.А. Возникновение и первоначальное развитие языка [Текст] / А.А. Леонтьев. – М., 1963. – 140 с.
94. Ли Тоан Тханг «Форма», «размер» и «расположение объекта» в познании и в языке (на материале вьетнамского языка) [Текст] / Тханг Ли Тоан // Вопросы языкознания. – 1992. – № 5. – С. 106-117.
95. Лобин, В.Г. Звуковая изобразительность – фикция или реальность? [Текст] / В.Г. Лобин // Зарубежное языкознание и литература. Вып. 2. – Алма-Ата, 1972. – С. 20-26.
96. Ломоносов, М.В. Краткое руководство к красноречию [Текст] / М.В. Ломоносов // Полное собрание сочинений. – М. — Л., 1952. – Т.7. – 452 с.
97. Лосев, А.Ф. Знак. Символ. Миф [Текст] / А.Ф. Лосев. – М. : Изд-во МГУ, 1982. – 479 с.
98. Ло, Чан-пэй Ханьюй иньюньское даолунь [Текст] / Чан-пэй Ло. – Бэйцзин, 1962.
99. Лурия, А.Р. Основные проблемы нейролингвистики [Текст] / А.Р. Лурия. – М., 1975. – 279 с.
100. Лурия, А.Р. Язык и сознание [Текст] / А.Р. Лурия. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1998. – 335 с.
101. Марянян, З.В. Тоновая маркированность слогов современного китайского языка [Текст] : Дипломная работа / З.В. Марянян. – Иркутск : ИГЛУ, 2008. – 38 с.
102. Матурана, У.Р. Древо познания. Биологические корни человеческого понимания [Текст] / У.Р. Матурана, Ф.Х. Варела. – М. : Прогресс-Традиция, 2001. – 224 с.

103. Мельников, Г.П. Орфонимия и мотивированность знака [Текст] / Г.П. Мельников // Проблемы мотивированности языкового знака. – Калининград, 1976. – С. 3-10.
104. Мельников, Г.П. Язык как система и языковые универсалии [Текст] / Г.П. Мельников // Языковые универсалии и лингвистическая типология. – М., 1969. – С. 34-35.
105. Мельчук, И.А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл <—>Текст» [Текст] / И.А. Мельчук. – М. : Яз. рус. культуры, 1999. – 345 с.
106. Мечковская, Н.Б. К характеристике аксиологических потенций слова: концепты «круг», «колесо» и их оценочно-экспрессивные дериваты [Текст] / Н.Б. Мечковская // Логический анализ языка. Языки пространств. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 299-307.
107. Мечковская, Н.Б. Общее языкознание: Структурная и социальная типология языков [Текст] / Н.Б. Мечковская: Изд. 2-е. – М. : Флинта : Наука, 2001. – 312 с.
108. Мечковская, Н.Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура [Текст] / Н.Б. Мечковская. – М. : Издательский центр «Академия», 2004. – 432 с.
109. Морев, Л.Н. Отрицания в китайском и тайских языках в генеалогическом аспекте [Текст] / Л.Н. Морев // Китайское языкознание : материалы VIII международной конференции (Москва, 25-26 июня 1996г.). – М., 1996. – С. 99-102.
110. Моррис, Ч.У. Основания теории знаков [Текст] / Ч.У. Моррис // Семиотика. – М. : Радуга, 1983. – С. 37-89.
111. Нгуен, Куанг Хонг Проблема силлабемы как основной звуковой единицы языка и его структуры [Текст] : автореф. ...канд. филол. наук : 10.02.19 / Куанг Хонг Нгуен. – М. : Изд-во Моск. ун-та. – 1974. – 18 с.
112. Николаева, Т.М. Теории происхождения языка и его эволюции – новое направление в современном языкознании [Текст] / Т.М. Николаева // Вопросы языкознания. – 1996. – № 2. – С. 79-88.

113. Нироп, К. Звук и его значение [Текст] / К. Нироп // Сборник по теории поэтического языка. Вып. 1. Поэтика. – 1916. – Т.2. – С. 61-71.
114. Павловская, И.Ю. Фоносемантические аспекты речевой деятельности [Текст] : автореф. ...докт. филол. наук : 10.02.04 / И.Ю. Павловская. – М., 1999. – С. 56.
115. Панфилов, В.З. Философские проблемы языкознания. Гносеологические аспекты [Текст] / В.З. Панфилов. – М. : Наука, 1977. – 112 с.
116. Пизани, В. О произвольности и не-произвольности знака [Текст] / В.О. Пизани // Фоносемантические идеи в зарубежном языкознании / под ред. С.В. Воронина. – Л., 1990. – С. 29-30.
117. Пинкер, С. Язык как инстинкт [Текст] / С. Пинкер. – М., 2004. – 456 с.
118. Пирс, Ч.С. Элементы логики [Текст] / Ч.С. Пирс // Логические основания теории знаков. – СПб. : Алетейя, 2000. – С. 46-97.
119. Планк, Ф. Коллекция утверждений о корреляции звука и значимой формы [Текст] / Ф. Планк // Вопросы языкознания. – 1996. – № 2. – С. 90-104.
120. Платон. Собрание сочинений [Текст]. В 3 т. Т.1. Протагор / Платон. – М. : Мысль, 1968. – 290 с.
121. Поливанов, Е.Д. Лекции по введению в языкознание и общей фонетике [Текст] / Е.Д. Поливанов. – М. : УРСС, 2004. – 110 с.
122. Поливанов, Е.Д. Статьи по общему языкознанию [Текст] / Е.Д. Поливанов. – М. : Наука, 1968. – 376 с.
123. Потебня, А.А. Слово и миф [Текст] / А.А. Потебня. – М. : Правда, 1989.- 622 с.
124. Психологические и психофизиологические исследования речи [Текст] : Сборник / Отв. ред. Т.Н. Ушакова. – М. : Наука, 1985. – 236 с.
125. Пузилов, М.А. Семантика и звуковой состав первичных и вторичных междометий (на материале русского языка) [Текст] : дисс. ...канд. филол. наук : 10.02.01 / М.А. Пузилов. – Комсомольск-на-Амуре, 2006. – 173 с.

126. Разумное поведение и язык. Вып. 1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка [Текст] / сост. А.Д. Кошелев, Т.В. Черниговская. – М.: Языки славянских культур, 2008. – 416с.
127. Рождественский, Ю.В. Типология слова [Текст] / Ю.В. Рождественский. – М. : УРСС : Комкнига, 2007. – 284 с.
128. Румянцев, М.К. Тон и интонация в современном китайском языке [Текст] / М.К. Румянцев. – М. : Изд-во МГУ, 1972. – 196 с.
129. Румянцев, М.К. Машинное моделирование единиц речи (на материале китайского языка) [Текст] : Монография / М.К. Румянцев – М. : Изд-во МГУ, 1990. – 270 с.
130. Руссо, Ж.Ж. Опыт о происхождении языков, а также о мелодии и музыке [Текст] / Ж.Ж. Руссо // Избр. соч. – М., 1961. – Т.1. – 390 с.
131. Седов, К.Ф. Общая психолингвистика [Текст] : Хрестоматия / К.Ф. Седов. – М. : Лабиринт, 2004. – 320 с.
132. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии [Текст] / Э. Сепир. – М. : Издательская группа «Прогресс», 2002. – 656 с.
133. Семенов, И.И. Конфуций. Я верю в древность [Текст] / И.И. Семенов. – М. : Республика, 1995. – 382 с.
134. Семенова, С.Ю. О некоторых свойствах имен пространственных параметров [Текст] / С.Ю. Семенова // Логический анализ языка. Языки пространств. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 117-126.
135. Семиотика [Текст] : сб. статей / общ. ред. Ю. С. Степанова. – М. : Радуга, 1983. – 635 с.
136. Сергеева, М.Э. Экспериментально-теоретическое исследование фонологизации шумов в русском и английском языках (на материале кодифицированных и окказиональных звукоподражаний) [Текст] : дисс. ...канд. филол. наук : 10.02.19 / М.Э. Сергеева. – Бийск, 2002. – 211 с.
137. Сигал, К.Я. Проблема иконичности в языке [Текст] / К.Я. Сигал // Вопросы языкознания. – 1997. – № 6. – С. 100-120.

138. Соколовский, А.Я. О причинах разных точек зрения на фонологию современного китайского языка [Текст] / А.Я. Соколовский // Актуальные вопросы китайского языкознания. – М., 1988. – С. 73-76.
139. Соколовский, А.Я. Введение в сегментную фонологию изолирующих языков Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии: на материале кит. и вьет. яз. [Текст] / А.Я. Соколовский. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1992. – 179 с.
140. Солнцев, В.М. Язык как системно-структурное образование [Текст] / В.М. Солнцев. – М., 1977. – 341 с.
141. Солнцев, В.М. Введение в теорию изолирующих языков [Текст] / В.М. Солнцев. – М. : Восточная литература РАН, 1995. – 352 с.
142. Сорокин, Ю.А. Текстовые поступки: прессинг антропорфизма или организмическое свойство? [Текст] / Ю.А. Сорокин // Язык. Сознание. Культура : сборник статей / под ред. Н.В. Уфимцевой, Т.Н. Ушаковой. – М. – Калуга, 2005. – С. 335-340.
143. Сорокин, Ю.А. Психолингвистические аспекты изучения текста [Текст] / Ю.А. Сорокин. – М. : Наука, 1985. – 168 с.
144. Сорокин, Ю.А. Текст: цельность, связность, эмотивность [Текст] / Ю.А. Сорокин // Аспекты общей и частной лингвистической теории текста. – М., 1982.
145. Соссюр, Ф. Курс общей лингвистики [Текст] / Ф. Соссюр. – М., 1977. – 272 с.
146. Софронов, М.В. Китайский язык и китайская письменность [Текст] : Курс лекций / М.В. Софронов. – М. : АСТ : Восток-Запад, 2007. – 638 с.
147. Спешнев, Н.А. Фонетика китайского языка [Текст] : Учебное пособие / Н.А. Спешнев. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1980. – 143 с.
148. Спиркин, А.Г. Происхождение языка и его роль в формировании мышления [Текст] / А.Г. Спиркин // Мышление и язык. – М., 1957. – С. 3-72.

149. Спиркин, А.Г. Отражение [Текст] / А.Г. Спиркин // БСЭ. – М., 1975. – Т.19. – С. 11.
150. Старостин, С.А. Реконструкция древнекитайской фонологической системы [Текст] / С.А. Старостин. – М. : Наука, 1989. – 727 с.
151. Степанов, Ю.С. Основы общего языкознания [Текст] / Ю.С. Степанов. – М. : Просвещение, 1975. – 271 с.
152. Тань, Аошуан. Модель этического идеала конфуцианцев [Текст] / Аошуан Тань // Логический анализ языка: Языки этики / под ред. Н.Д. Арутюновой [и др.]. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 31-46.
153. Трофимова, У.М. Опыт когнитивного экспериментально-теоретического анализа тематической группы «Части человеческого тела» (на материале русской и китайской лексики) [Текст] : автореф. ...канд. филол. наук : 10.02.19 / У.М. Трофимова. – Барнаул, 1999. – 22 с.
154. Трофимова, Е.Б. Альтернативная лингвистика [Текст] : Учебное пособие к спецкурсу / Е.Б. Трофимова. – Бийск : БПГУ им. В.М. Шукшина, 2008. – 76 с.
155. Трофимова, Е.Б. Общее в частном: фонетические и лексические единицы в пространстве языка [Текст] : Монография / Е.Б. Трофимова, У.М. Трофимова. – Бийск : НИЦ БПГУ им. В.М. Шукшина, 2003. – 173 с.
156. Трубецкой, Н.С. Основы фонологии [Текст] / Н.С. Трубецкой / под ред. С.Д. Кацнельсона. – М. : Аспект Пресс, 2000. – 352 с.
157. Тюхтин, В. Отражение [Текст] / В. Тюхтин, Я. Пономарев // Философская энциклопедия. – М., 1967. – Т.4. – С. 184-186.
158. Уланова, Э.Э. Звукоподражания, звукоподражательные слова и словоподобные звукоподражательные комплексы в китайском языке [Текст] / Э.Э. Уланова // Китайское языкознание. – М., 2002. – С. 260-265.
159. Ульман, С. Семантические универсалии [Текст] / С. Ульманн // Новое в лингвистике. Вып. 5. – М. : Прогресс, 1970. – С. 250-299.

160. У, Тяньхуй Лунь путунхуа чао иньдуань иньвэй (О суперсегментных фонемах в путунхуа) [Текст] / Тяньхуй У // Сибэй дасюэ сюэбао. – 1984. – № 1.
161. У, Цзунци Путунхуа юйцзюй чжун дэ шэндяо бяньхуа. (Тональные варианты в предложении национального языка путунхуа) [Текст] / Цзунци У. // Чжунго юйвэнь. – 1982. – № 6.
162. Фадеева, И.В. Фразеологические единицы с положительной оценкой в современном английском языке [Текст] : автореф. ...канд. филол. наук : 10.02.04 / И.В. Фадеева. – М., 1989. – 21 с.
163. Фан, Юцин Практическая грамматика китайского языка [Текст] / Юцин Фан. – Пекин : Изд-во Лингвистического университета, 1996.
164. Фазылов, М.Ф. Изобразительные слова в таджикском языке [Текст] / М.Ф. Фазылов. – Сталинабад, 1958. – 189 с.
165. Фролова, О.П. Типы личностных характеристик в системе экспрессивной лексики китайского языка [Текст] / О.П. Фролова // Китайское языкознание : материалы VIII международной конференции (Москва, 25-26 июня 1996 г.). – М., 1996. – С. 149-153.
166. Фролова, О.П. Ономатопозитические слова в китайском языке [Текст] / О.П. Фролова // Китайское языкознание. – М, 1998. – С. 183-185.
167. Фрумкина, Р.М. Психолингвистика [Текст] / Р.М. Фрумкина. – М. : Academia, 2001. – 315 с.
168. Циммерлинг, А.В. Американская лингвистика сегодняшнего дня глазами отечественных языковедов [Текст] / А.В. Циммерлинг // Вопросы языкознания. – 2000. – № 2. – С. 118-133.
169. Черевко, К.Е. Звуко- и образоподражательные слова в японском языке и их роль в происхождении языка [Текст] / К.Е. Черевко. – М. : Изд-во Научная книга, 2003. – 219 с.
170. Черниговская, Т.В. Что делает нас людьми: почему непременно рекурсивные правила? [Текст] / Т. В. Черниговская // Разумное поведение и язык. Вып. 1. Коммуникативные системы животных и язык человека.

Проблема происхождения языка / сост. А.Д. Кошелев, Т.В. Черниговская. – М. : Языки славянских культур, 2008. – С. 395-412.

171. Шадрина, И.Н. Фоносемантическая доминанта как способ репрезентации эмоциональных смыслов [Текст] / И.Н. Шадрина // Текст: структура и функционирование. – Барнаул, 2001. – Вып. 5. – С. 49-54.
172. Шафф, А. Введение в семантику [Текст] / А. Шафф. – М., 1963.
173. Шахнарович, А.М. Проблемы мотивированности языкового знака в онтогенезе речи [Текст] / А.М. Шахнарович // Общая и прикладная психолингвистика. – М., 1973. – С 81-87.
174. Шахнарович, А.М. Общая психолингвистика [Текст] / А.М. Шахнарович. – М. : Изд-во РОУ, 1995. – 93 с.
175. Шаховский, В.И. Звуковой символизм, ассоциативность и коннотативность слова [Текст] / В.И. Шаховский // Психолингвистические проблемы фонетики и лексики. – Калинин, 1989. – С. 19-27.
176. Щерба, Л.В. О диффузных звуках [Текст] / Л.В. Щерба // Сб. «Академику Н.Я. Марру». – М.-Л., 1935.
177. Щерба, Л.В. Избранные труды по языкознанию и фонетике [Текст] / Л.В. Щерба. – Л., 1958. – 172 с.
178. Щерба, Л.В. Языковая система и речевая деятельность [Текст] / Л.В. Щерба. – Л. : Наука, 1974. – 428 с.
179. Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию [Текст] / У. Эко. – Спб. : ТОО ТК «Петрополис», 1998. – 432 с.
180. Языкознание в теории и эксперименте [Текст] / Сб. науч. трудов : по материалам конференции «Актуальные проблемы общего и восточного языкознания». – М. : Изд-во «Пробел – 2000», 2002. – 640 с.
181. Якобсон, Р.О. Лингвистика и поэтика [Текст] / Р.О. Якобсон // Структурализм : «за» и «против». – М. : Прогресс, 1975. – С. 193-230.
182. Якобсон, Р. Звук и значение [Текст] / Р. Якобсон // Избранные работы. – М. : Прогресс, 1985 – С. 30-91.

183. Якобсон, Р. В поисках сущности языка [Текст] / Р. Якобсон // Семиотика. – М. : Радуга, 1983. – С. 102-117.
184. Якушин, Б.В. Гипотезы о происхождении языка [Текст] / Б.В. Якушин. – М. : Наука, 1985. – 137с.
185. Allport, J. Theories of Perception and the Concept of Structure [Text] / J. Allport. – New York, 1955.
186. Bently, M. An accessory study of phonetic symbolism [Text] / M. Bently, E. Varon. – Amer. J. Psychol., 59, 1959.
187. Bickerton, D. Roots of language [Text] / D. Bickerton. – Ann Arbor : Karoma, 1981.
188. Bickerton, D. Language & species [Text] / D. Bickerton. – Chicago & London : The University of Chicago Press, 1990.
189. Brown, R. Phonetic symbolism in natural languages [Text] / R. Brown, A. H. Black, A.E. Horowitz // J. Abnorm. a. Soc. Psychol., 1955. – Vol. 50.
190. Brown, R. Words and things [Text] / R. Brown. – Glencoe, Ill., 1958. – 398 p.
191. Brown, R. Method in phonetic symbolism experiment [Text] / R. Brown, R. Nuttall // J. Abnorm. a. Soc. Psychol., 1959. – Vol. 59. – № 3. – P. 441-445.
192. Dennett, D.C. Verbal language as a communicative system [Text] / D.C. Dennett // Paper presented at AICA conference (Milan, Oct. 8). – 1992.
193. DeFrancis, John. Chinese Language: Fact and Fantasy [Text] / John DeFrancis. – Hawaii University Press, 1984.
194. Eco, U. Semiotics and the philosophy of language [Text] / U. Eco. – Basingstoke, etc.: Macmillan, 1984.
195. Grammont. Le verse francais [Text] / Grammont. – Paris, 1913. – P. 195-207.
196. Hormann, H. Psychologie der Sprache [Text] / H. Hormann. – Berlin, Heidelberg, 1967.
197. Humboldt, W. von. Gesammelte Werke [Text] / W. von. Humboldt. – Bd I. – VI. – Berlin, 1848. – 346 s.
198. Hurford, J.R. Approaches to the evolution of language [Text] / J.R. Hurford, M. Studdert-Kennedy, C. Knight. – Cambridge UP, 1998.

199. Jackendoff, R. Possible stages in the evolution of the language capacity [Text] / R. Jackendoff // Trends in Cognitive Sciences. – 1999. – Vol. 3. – N 7. – P. 272-279.
200. Jespersen, O. Language, its Nature, Development and Origin [Text] / O. Jespersen. – N.A., 1922. – 183 p.
201. Jespersen, O. Monosyllabism in English [Text] / O. Jespersen // Proc. Brit. Acad. Sci., 1928. – Vol. 14. – P. 341-368.
202. Jespersen, O. Symbolic value of the vowel i [Text] / O. Jespersen // Jespersen O. Linguistica. – Copenhagen, 1933. – P. 283-303.
203. Lesley, Jeffries Meaning in English [Text] / Jeffries Lesley. – St. Martin's press, inc., 1998. – P. 37-71.
204. Loritz, D. How the brain evolved language [Text] / D. Loritz. – Oxford UP, 1999.
- 205.
206. Miron, M. A cross-linguistic investigation of phonetic symbolism [Text] / M. Miron // J. Abnorm. a. Soc. Psychol., 1961. – Vol. 62. – P. 623-630.
207. Newman, S.S. Further experimets in phonetic symbolism [Text] / S.S. Newman // Amer. J. Psychol., 1933. – Vol. 45.
208. Osgood, Ch. Psycholinguistics [Text] / Ch. Osgood, T.A. Sebeak. – Baltimore, 1954.
209. Pierse, C.S. Semiotic and Significs [Text] / C.S. Pierse. – Indiana University Press, 1977. – 248 p.
210. Pinker, S. The language instinct: How the mind creates language [Text] / S. Pinker. – New York, NY : Harper Perennial, 1995.
211. Ullmann, S. Semantics [Text] / S. Ullmann. – New York, 1962. – 278 p.
212. Searle, J. Speech acts: An essay in the philosophy of language [Text] / J. Searle. – Cambridge Mass., 1976.
213. Sapir, E. A Study in Phonetic Symbolism [Text] / E. Sapir // Journal of Experimental Psychology, 1929. – Vol. 12. – P. 225-239.

214. Peterfalvi, J.-M. Recherches experimentales sur le symbolisme phonetique [Text] / J.-M. Peterfalvi. – Paris, 1970. – 174 p.
215. Robinson, B. Limbic influences on human speech [Text] / B. Robinson // Origins and evolution of language and speech / Annals of the New York Acad. of Sci. – New York, 1976.
216. Simone, R. Iconicity in Language [Text] / R. Simone. – Amsterdam/Philadelphia, 1995. – 180 p.
217. Taylor, I. Phonetic symbolism re-examined [Text] / I. Taylor. – Psychol. Bull., 1961. – Vol. 60. – № 2. – P. 200-209.
218. Taylor, I. Another look at phonetic symbolism [Text] / I. Taylor, M. Taylor. – Psychol. Bull., 1965. – Vol. 64. – № 6. – P. 117-124.
219. Tenner, N. The evolution of human communication what can primates tell us [Text] / N. Tenner, A. Ziehlman // Origins and evolution of language and speech / Annals of the New York Acad. of Sci. – New York, 1976. – Vol. 280. – P. 467-480.
220. Tsuru, S. Sound and meaning [Text] / S. Tsur. – Unpublished manuscript (см. R. Brown, 1958).
221. Verschueren, J. Understanding pragmatics [Text] / J. Verschueren. – Oxford UP, 1999.
222. 汉字百问/翰承著. – 上海：上海古籍出版社, 2002. – 190 页.
223. 现代汉语/北京教育学院中文系 葛留青主编. – 北京：地资出版社, 1987. – 294 页.
224. 唐宋诗初读：拼音, 注释, 英译：汉英对照/王志武. – 北京：北京语言文化大学出版社, 2000. – 216 页.
225. 何学彦. 中国奇迹：经济发展的经验. – 北京, 2004. – 4 页.
226. 老舍. 祖孙俩 / 选自老舍《骆驼祥子》// 汉语高级教程第一册 / 姚殿芳主编. – 北京：北京大学出版社, 1993. – 89-92 页.

227. 鲁迅. 祝福 // 汉语高级教程第二册 / 姚殿芳主编. – 北京 : 北京大学出版社, 1993. – 109-113 页.
228. 外国学生汉语语音学习对照/朱川主编. – 北京 : 语文出版社, 1997. – 308 页.
229. 汉语流行口语/李杰明, 李杰群编. – 北京 : 华语教学出版社, 2001. – 312 页.
230. 1994 年汉语新词语/刘一玲等主编. – 北京 : 北京语言学院出版社, 1996. – 118 页.
231. 语义学导论/伍谦光编. – 湖南 : 湖南教育出版社, 1988. – 274 页.
232. 语言与文化/顾嘉祖等编. – 上海 : 上海外语教育出版社, 1996. – 324 页.
233. 汉族儿童实词习得研究/孔令达等编. – 合肥 : 安徽大学出版社, 2004. – 442 页.
234. 王德春. 语言学通论. 江苏教育出版社, 1990 年.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ

1. Большой китайско-русский словарь [Текст]. В 4 т. / под ред. И.М.Ошанина. – М. : Наука, 1983.
2. БЭС – Языкознание. Большой энциклопедический словарь [Текст] / под ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М. : Большая российская энциклопедия, 2000. – 683 с.
3. Краткий философский словарь [Текст] / под ред. А.П. Алексеева. – М. : Проспект, 2000. – 400с.
4. Кругосвет. Энциклопедия 2006 [Электронный ресурс]. – Режим доступа //http://www.linguistics.com/show/php?ems.
5. Новый энциклопедический словарь [Текст]. – М. : Большая Российская энциклопедия, РИПОЛ КЛАССИК, 2002. – 1456 с.
6. Петрученко, О. Латинско-русский словарь [Текст] / О. Петрученко. – М., 1994.
7. 现代汉语词典/中国社会科学院语言研究所词典编辑室编. – 北京 : 商务印书馆出版, 2001. – 1724 页.

8. 中国江湖隐语辞典/刘延武编著. — 北京: 中国社会科学出版社, 2003. — 240 页.
9. 实用社交语词典/王雅军编著. — 上海: 上海辞书出版社, 2006. — 456 页.
10. 实用委婉语词典/王雅军编著. — 上海: 上海辞书出版社, 2005. — 426 页.
11. 新时代俄汉双解流行语词典/徐友萍编. — 武汉: 崇文书局, 2006. — 400 页.
12. 语言文字学常用辞典/擦富有, 郭龙生主编. — 北京: 北京教育出版社, 2001. — 406 页.
13. 汉语委婉语词典/张拱贵主编. — 北京: 北京语言文化大学出版社, 1996. — 266 页.
14. 常用褒贬义词语详解词典/郭先珍等编. — 北京: 商务印书馆出版, 1996. — 552 页.
15. 近现代汉语新词词源词典/“近现代汉语新词词源词典”编辑委员会. — 上海: 汉语大词典出版社, 2001. — 428 页.
16. 现代汉语八百词/吕叔湘主编. — 北京: 商务印书馆出版, 2001. — 760 页.
17. 现代语言学词典/(英)克里斯特尔编; 沈家焯译. — 北京: 商务印书馆, 2002. — 444 页.
18. 俄汉详解大词典. 哈尔滨: 黑龙江人民出版社, 1998.
19. 大俄汉词典/黑龙江大学俄语系词典编辑室编. — 北京: 商务印书馆出版, 1992. — 2737 页.
20. 倒序现代汉语词典. — 北京: 商务印书馆出版, 1995. — 1480 页.
21. 反义词大词典/张庆云、张志毅主编; 王东海等编. — 上海: 上海辞书出版社, 2003. — 1342 页.
22. 汉俄词典/上海外国学院汉俄词典编写组编. — 北京: 商务印书馆出版, 1992. — 1250 页.
23. 汉英量词词典: 汉英对照/焦凡编. — 北京: 华语教学出版社, 2000. — 226 页.
24. 多功能学生字典: 双色缩印版/“多功能学生字典”编委会. — 北京: 商务印书馆国际有限公司, 2006. — 990 页.

25. 最新中国俚语: 汉英对照/李淑娟,颜力钢编. — 北京: 新世界出版社, 2000. — 358 页.
26. 新华新词语词典. — 北京: 商务印书馆, 2003. — 456 页.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1
ТАБЛИЦА ТРАНСКРИПЦИЙ
КИТАЙСКИХ ИНИЦИАЛЕЙ И ФИНАЛЕЙ

Инициали					
Китайский алфавит	Русская Транскрипция	Фонетическая Транскрипция	Китайский алфавит	Русская Транскрипция	Фонетическая Транскрипция
b	б		zh	чж	
p	п		ch	ч	
m	м		sh	ш	
f	ф		r	ж	
d	д		z	цз	
t	т		c	ц	
n	н		s	с	
l	л		j	цз	
g	г		q	ц	
k	к		x	с	
h	х		er (r)	эр (р)	
Финали					
a	а		ou	оу	
ai	ай		eng	эн	
an	ань		ye (ie)	е	
ao	ао		yin (in)	инь	
ang	ан		you (iu)	ю	
ya (ia)	я		ying (ing)	ин	
yan (ian)	янь		yi (i)	и	
yao (iao)	яо		wu (u)	у	
yang (iang)	ян		yu (ü)	юй	
wa (ua)	ва (уа)		wo (uo)	во (о)	
wai (uai)	вай (уай)		wei (ui)	вэй (уй)	
wan (uan)	вань (уань)		wen (un)	вэнь (унь)	
wang (uang)	ван (уан)		weng (ong)	вэн (ун)	
yuan (üan)	юань		yue (üe)	юэ	
e	э		yun (ün)	юнь	
ei	эй		yong (iong)	юн	
en	энь		ü		

П Р И М Е Ч А Н И Е в скобках указаны обозначения финалей при наличии инициалей

ПРИЛОЖЕНИЕ № 2

ТАБЛИЦА ЛАБИАЛЬНЫХ СЛОГОВ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Слоги	Тоны					Общее количество
	1	2	3	4	5	
ao	4	4	7	27	-	42
bao	13	4	13	20	-	50
bo	21	57	2	16	1	97
bu	4	2	8	18	-	32
cao	5	6	3	3	-	17
chao	8	14	8	2	-	32
chong	11	11	3	7	-	32
chou	11	23	10	3	-	47
chu	8	29	16	34	-	87
chua	1	-	2	1	-	4
chuai	4	1	1	3	-	9
chuan	6	7	7	6	-	26
chuang	15	9	3	12	-	39
chui	5	18	-	-	-	23
chun	9	19	4	1	-	33
chuo	1	2	-	29	-	32
cong	23	12	-	-	-	35
cou	-	-	2	10	-	12
cu	4	4	1	23	-	32
cuan	5	3	-	6	-	14
cui	12	1	4	19	-	36
cun	3	3	2	2	-	10
cuo	8	9	2	14	-	33
dao	10	1	11	16	-	38
dong	12	-	4	20	-	36
dou	6	-	10	24	-	40
du	5	32	10	16	-	63
duan	4	-	-	14	-	18
dui	8	-	3	19	-	30
dun	15	-	1	18	-	34
duo	7	16	16	22	1	62
fo	-	1	-	1	-	2
fou	1	2	4	7	-	14
fu	28	78	25	57	-	188

gao	18	-	18	8	-	44
go	-	-	1	-	-	1
gong	28	-	16	6	-	50
gou	21	4	7	23	-	55
gu	27	1	49	21	-	98
gua	19	-	4	9	-	32
guai	2	-	4	4	-	10
guan	21	3	14	29	-	67
guang	8	1	4	4	-	17
gui	36	1	18	38	-	93
gun	5	-	20	20	-	45
guo	21	16	12	1	2	52
hao	9	21	3	32	-	65
hong	14	31	1	7	-	53
hou	3	16	4	17	-	40
hu	32	32	10	29	-	103
hua	12	24	1	24	-	61
huai	-	12	2	3	-	17
huan	10	30	7	15	-	62
huang	11	27	15	8	-	61
hui	26	14	16	52	-	108
hun	17	16	3	11	-	47
huo	8	4	9	45	1	67
ju	37	32	33	59	-	161
juan	18	-	2	24	-	44
jue	5	90	1	2	-	98
jun	17	2	2	32	-	53
kao	1	-	9	4	-	14
kong	5	2	5	3	-	15
kou	6	1	2	15	-	24
ku	11	-	6	10	-	27
kua	4	-	7	7	-	18
kuai	2	-	4	32	-	38
kuan	5	-	6	2	-	13
kuang	8	8	4	28	-	48
kui	13	16	14	26	-	69
kun	25	-	10	3	-	38
kuo	1	-	1	17	-	19
lao	1	19	14	19	2	55
lo	-	-	-	1	1	2
long	1	35	17	7	-	60

lou	3	37	14	12	-	66
lu	3	35	22	62	-	122
lū	-	17	28	26	-	71
luan	-	21	4	3	-	28
lue	-	-	2	6	-	8
lun	1	20	-	3	-	24
luo	6	30	17	25	-	78
mao	3	19	10	27	-	59
mo	1	25	-	64	1	91
mou	1	13	5	9	-	28
mu	-	9	13	23	-	45
nao	4	20	8	5	-	37
nong	-	19	-	1	-	20
nou	-	2	-	4	1	7
nu	-	7	3	3	-	13
nū	1	1	3	6	-	11
nuan	-	-	4	3	-	7
nüe	-	-	-	6	-	6
nun	-	1	-	2	-	3
nuo	-	8	6	17	-	31
o	2	1	2	1	-	6
ou	22	2	12	6	-	42
pao	5	16	1	13	-	35
po	8	12	8	1	-	29
pou	2	5	8	1	-	16
pu	10	28	13	7	-	58
qu	38	37	10	22	2	109
quan	4	39	10	4	-	57
que	8	3	-	32	-	43
qun	4	8	1	-	-	13
rao	-	7	6	5	-	18
rong	-	25	4	1	-	30
rou	-	10	4	1	-	15
ru	-	32	6	14	-	52
rua	1	-	-	-	-	1
ruan	-	5	11	-	-	16
rui	-	7	7	14	-	28
run	-	2	-	4	-	6
ruo	-	1	1	13	-	15
sao	158	-	10	8	-	176
shao	16	6	2	14	-	38

shou	3	1	5	18	-	27
shu	25	19	24	43	-	111
shua	3	-	2	1	-	6
shuai	3	-	1	5	-	9
shuan	6	-	-	3	-	9
shuang	16	1	3	2	-	22
shui	-	2	2	7	-	11
shun	1	-	3	12	-	16
shuo	2	1	-	22	-	25
song	13	3	13	9	-	38
sou	20	1	11	7	-	39
su	10	-	-	48	-	58
suan	3	-	3	6	-	12
sui	14	8	5	32	-	59
sun	11	-	11	7	-	29
suo	23	-	16	2	-	41
tao	16	30	2	3	1	52
tong	7	39	10	4	-	60
tou	7	11	2	1	2	23
tu	7	28	5	7	-	47
tuan	2	14	2	3	-	21
tui	5	7	3	7	-	22
tun	7	18	1	1	-	27
tuo	28	36	9	16	-	89
wa	19	2	3	14	-	38
wai	5	2	3	4	-	14
wan	14	18	35	17	-	84
wang	7	9	12	10	2	40
wei	35	41	48	71	-	195
wen	17	22	11	17	-	67
weng	8	1	4	1	-	14
wo	16	2	3	18	-	39
wu	28	30	34	64	-	156
xu	40	6	21	55	-	122
xuan	38	1	10	25	-	74
xue	3	14	3	14	-	34
xun	16	40	-	30	-	86
yu	11	101	49	126	-	287
yuan	21	48	7	20	-	96
yue	9	-	-	45	-	54
yun	14	31	25	38	-	108

zao	3	2	14	17	-	36
zhao	15	3	6	24	-	48
zhong	21	3	8	14	-	46
zhou	22	5	5	31	-	63
zhu	30	22	24	44	-	120
zhua	4	1	1	1	-	7
zhuai	1	-	1	1	-	3
zhuan	17	-	8	18	-	43
zhuang	11	1	1	10	-	23
zhui	13	1	5	19	-	38
zhun	11	2	7	4	-	24
zhuo	11	46	-	6	-	63
zong	42	2	17	12	-	73
zou	21	-	2	8	-	31
zu	5	13	13	5	-	36
zuan	-	1	5	10	-	16
zui	2	-	5	14	-	21
zun	9	-	4	3	-	16
zuo	2	4	5	25	-	36
jiong	7	-	16	-	-	23
qiong	4	24	2	1	-	31
xiong	15	3	11	2	-	31
yong	24	14	29	13	-	80

8170

1	o	228	2,80%
2	ao	856	10,50%
3	ou	589	7,20%
4	ua	167	2,00%
5	uo	682	8,40%
6	u	1448	17,70%
7	yu	761	9,30%
8	uai	100	1,20%
9	uan	436	5,30%
10	uang	250	3,00%
11	ui	733	9,00%
12	un	419	5,00%
13	ong	562	6,90%
14	yue	243	3,00%
15	yuan	271	3,30%
16	yun	260	3,20%
17	yong	165	2,00%

8170

ТЕКСТЫ ДЛЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ УДЕЛЬНОГО ВЕСА ЛАБИАЛЬНЫХ
ФИНАЛЕЙ В КИТАЙКОМ ЯЗЫКЕ

Текст № 1

zhù 祝 fú 福 lǔ 鲁 xùn 迅

jù 旧 lì 历 dé 的 nián 年 dǐ 底 bì 毕 jìng 竟 zuì 最 xiàng 像 nián 年 dǐ 底, cūn 村 zhèn 镇 shàng 上 bú 不 bì 必 shuō 说, jù 就 zài 在 tiān 天 kōng 空 zhōng 中 yě 也 xiǎn 显 chū 出 jiāng 将 dào 到 xīn 新 nián 年 dé 的 qì 气 xiàng 象 lái 来。huī 灰 bái 白 sè 色 dé 的 chén 沉 zhòng 重 dé 的 wǎn 晚 yún 云 zhōng 中 jiān 间 shí 时 shí 时 fā 发 chū 出 shǎn 闪 guāng 光, jiē 接 zhē 着 yī 一 shēng 声 dùn 钝 xiǎng 响, shì 是 sòng 送 zào 灶 dé 的 bào 爆 zhú 竹; jìn 近 chù 处 rán 燃 fàng 放 dé 的 kě 可 jù 就 gèng 更 qiáng 强 liè 烈 le 了, zhèn 震 ěr 耳 dé 的 dà 大 yīn 音 hái 还 méi 没 yǒu 有 xī 息, kōng 空 qì 气 lǐ 里 yǐ 已 jīng 经 sǎn 散 mǎn 满 le 了 yōu 幽 wēi 微 dé 的 huǒ 火 yào 药 xiāng 香。wǒ 我 shì 是 zhèng 正 zài 在 zhè 这 yī 一 yè 夜 huí 回 dào 到 wǒ 我 dé 的 gù 故 xiāng 乡 lǔ 鲁 zhèn 镇 dé 的。suī 虽 shuō 说 gù 故 xiāng 乡, rán 然 ér 而 yǐ 已 méi 没 yǒu 有 jiā 家, suǒ 所 yǐ 以 zhī 只 dēi 得 zàn 暂 yù 寓 zài 在 lǔ 鲁 sì 四 lǎo 老 yé 爷 dé 的 zhái 宅 zǐ 子 lǐ 里。tā 他 shì 是 wǒ 我 dé 的 běn 本 jiā 家, bǐ 比 wǒ 我 zhǎng 长 yī 一 bèi 辈, yīng 应 gāi 该 chēng 称 zhī 之 yuē 曰“sì 四 shū 叔”, shì 是 yī 一 gè 个 jiǎng 讲 lǐ 理 xué 学 dé 的 lǎo 老 jiàn 监 shēng 生。tā 他 bǐ 比 xiān 先 qián 前 bīng 并 méi 没 yǒu 有 shén 什 mē 么 dà 大 gǎi 改 biàn 变, dān 单 shì 是 lǎo 老 le 了 xiē 些, dàn 但 yě 也 hái 还 mò 末 líu 留 hú 胡 zǐ 子, yī 一 jiàn 见 miàn 面 shì 是 hán 寒 xuān 暄, hán 寒 xuān 暄 zhī 之 hòu 后 shuō 说 wǒ 我“pàng 胖 le 了”, shuō 说 wǒ 我“pàng 胖 le 了”zhī 之 hòu 后 jí 即 dà 大 mà 骂 qí 其 xīn 新 dǎng 党。dàn 但 wǒ 我 zhī 知 dào 道, zhè 这 bīng 并 fēi 非 jiè 借 tí 题 zài 在 mà 骂 wǒ 我: yīn 因 wéi 为 tā 他 suǒ 所 mà 骂 dé 的 hái 还 shì 是 kāng 康 yǒu 有 wéi 为。dàn 但 shì 是, tán 谈 huà 话 shì 是 zǒng 总 bù 不 tóu 投 jī 机 dé 的 le 了, yú 于 shì 是 bù 不 duō 多 jiǔ 久, wǒ 我 biàn 便 yī 一 gè 个 rén 人 shèng 剩 zài 在 shū 书 fáng 房 lǐ 里。

dì 第 èr 二 tiān 天 wǒ 我 qǐ 起 de 得 hěn 很 chí 迟, wǔ 午 fàn 饭 zhī 之 hòu 后, chū 出 qù 去 kàn 看 le 了 jǐ 几 gè 个 běn 本 jiā 家 hé 和 péng 朋 yǒu 友; dì 第 sān 三 tiān 天 yě 也 zhào 照 yàng 样。tā 他 mēn 们 yě 也 dōu 都 yǒu 有 shén 什 mē 么 dà 大 gǎi 改 biàn 变, dān 单 shì 是 lǎo 老 le 了 xiē 些; jiā 家 zhōng 中 què 却 yī 一 lǜ 律 máng 忙, dōu 都 zài 在 zhǔn 准 bèi 备 zhe 着“zhù 祝 fú 福”。zhè 这 shì 是 lǔ 鲁 zhèn 镇 nián 年 zhōng 终 dé 的 dà 大 diǎn 典, zhì 致 jìng 敬 jìn 尽 lǐ 礼, yíng 迎 jiē 接 fú 福 shén 神, bài 拜 qíu 求 lái 来 nián 年 yī 一 nián 年 zhōng 中 dé 的 hǎo 好 yùn 运 qì 气 dé 的。shā 杀 jī 鸡, zǎi 宰 é 鹅, mǎi 买 zhū 猪 ròu 肉, yòng 用 xīn 心 xì 细 xì 细 dé 的 xǐ 洗, nǚ 女 rén 人 dé 的 bì 臂 bó 膊 dōu 都 zài 在 shuǐ 水 lǐ 里 jìn 浸 de 得 tōng 通 hóng 红, yǒu 有 dé 的 hái 还 dài 带 zhe 着 jiǎo 绞 sī 丝 yín 银 zhuó 镯 zǐ 子。zhǔ 煮 shú 熟 zhī 之 hòu 后, héng 横 qī 七 shù 竖 bā 八 dé 的 chā 插 xiē 些 kuài 筷 zǐ 子 zài 在 zhè 这 lèi 类 dōng 东 xī 西 shàng 上, kě 可 jù 就 chēng 称 wéi 为“fú 福 lǐ 礼”le 了, wǔ 五 gèng 更 tiān 天 chén 陈 liè 列 qǐ 起 lái 来, bīng 并 qiě 且 diǎn 点 shàng 上 xiāng 香 hú 烛, gōng 恭 qǐng 请 fú 福 shén 神 mēn 们 lái 来 xiǎng 享 yòng 用, bài 拜 dé 的 què 却 zhī 只 xiàn 限 yú 于 nán 男 rén 人, bài 拜

wán完 zì自 rán然 réng仍 rán然 shì是 fàng放 bào爆 zhú竹。nián年 nián年 rú如 cǐ此，jiā家 jiā家 rú如 cǐ此，——zhǐ只 yào要 mǎi买 de得 qǐ起 fú福 lǐ礼 hé和 bào爆 zhú竹 zhī之 lèi类 dé的——jīn今 nián年 zì自 rán然 yě也 rú如 cǐ此。tiān天 sè色 yù愈 yīn阴 àn暗 le了，xià下 wǔ午 jìng竟 xià下 qǐ起 xuě雪 lái来，xuě雪 huā花 dà大 dé的 yǒu有 méi梅 huā花 nà那 mē么 dà大，mǎn满 tiān天 fēi飞 wǔ舞，jiā夹 zhē着 yān烟 ài霏 hé和 máng忙 lù碌 dé的 qì气 sè色，jiāng将 lǔ鲁 zhèn镇 luàn乱 chéng成 yī一 tuán团 zāo糟。wǒ我 huí回 dào到 sì四 shū叔 dé的 shū书 fáng房 lǐ里 shí时，wǎ瓦 léng楞 shàng上 yǐ已 jīng经 xuě雪 bái白，fáng房 lǐ里 yě也 yìng映 de得 jiào较 guāng光 míng明，jí极 fēn分 míng明 dé的 xiǎn显 chū出 bì壁 shàng上 guà挂 zhe着 dé的 zhū朱 tuò拓 dé的 dà大“shòu寿”zì字，chén陈 tuán转 lǎo老 zǔ祖 xiě写 dé的，yī一 biān边 dé的 duì对 lián联 yǐ已 jīng经 tuō脱 luò落，sōng松 sōng松 dé的 juǎn卷 le了 fàng放 zài在 cháng长 zhuō桌 shàng上，yī一 biān边 dé的 hái还 zài在，dào道 shì是“shì事 lǐ理 tōng通 dá达 xīn心 qì气 hé和 píng平”。wǒ我 yòu又 wú无 liáo聊 lài赖 dé的 dào到 chuāng窗 xià下 dé的 àn案 tóu头 qù去 yī一 fān翻，zhǐ只 jiàn见 yī一 duī堆 sì似 hū乎 wèi未 bì必 wán完 quán全 dé的《kāng康 xī熙 zì字 diǎn典》，yī一 bù部《jìn近 sī思 lù录 jí集 zhù注》hé和 yī一 bù部《sì四 hū书 chèn衬》。wú无 lùn论 rú如 hé何、wǒ我 míng明 tiān天 jué决 jì计 yào要 zǒu走 le了。

kuàng况 qiě且，yī一 zhí直 dào到 zuó昨 tiān天 yù遇 jiàn见 xiáng祥 lín林 sǎo嫂 dé的 shì事，yě也 jiù就 shǐ使 wǒ我 bù不 néng能 ān安 zhù住。nà那 shì是 xià下 wǔ午，wǒ我 dào到 zhèn镇 dé的 dōng东 tóu头 fǎng访 guò过 yī一 gè个 péng朋 yǒu友，zǒu走 chū出 lái来，jiù就 zài在 hé河 bian边 yù遇 jiàn见 tā她；ér而 qiě且 jiàn见 tā她 dèng瞪 zhe着 dé的 yǎn眼 jīng睛 dé的 shì视 xiàn线，jiù就 zhǐ知 dào道 míng明 míng明 shì是 xiàng向 wǒ我 zǒu走 lái来 dé的。wǒ我 zhè这 huí回 zài在 lǔ鲁 zhèn镇 suǒ所 jiàn见 dé的 rén人 mēn们 zhōng中，gǎi改 biàn变 zhī之 dà大，kě可 yǐ以 shuō说 wú无 guò过 yú于 tā她 dé的 le了：wǔ五 nián年 qián前 dé的 huā花 bái白 dé的 tóu头 fā发，jí即 jīn今 yǐ已 jīng经 quán全 bái白，huì会 bú不 xiàng像 sì四 shí十 shàng上 xià下 dé的 rén人；liǎn脸 shàng上 shòu瘦 xuē削 pī丕 kān堪，huáng黄 zhōng中 dài带 hēi黑，ér而 qiě且 xiāo消 jǐn尽 le了 xiān先 qián前 bēi悲 āi哀 dé的 shén神 sè色，fǎng仿 fó佛 shì是 mù木 kè刻 sì似 dé的；zhǐ只 yǒu有 nà那 yǎn眼 zhū珠 jiān间 huò或 yī一 lún轮，hái还 kě可 yǐ以 biǎo表 shì示 tā她 shì是 yī一 gè个 huó活 wù物。tā她 yī一 shǒu手 tí提 zhe着 zhú竹 lán篮。nèi内 zhōng中 yī一 gè个 pò破 wǎn碗，kōng空 dé的；yī一 shǒu手 jì技 zhe着 yī一 zhī支 bǐ比 tā她 gèng更 cháng长 dé的 zhú竹 gān竿，xià下 duān端 kāi开 le了 liè裂：tā她 fēn分 míng明 yǐ已 jīng经 chún纯 hū乎 shì是 yī一 gè个 qǐ乞 gài丐。

wǒ我 jiù就 zhàn站 zhù住，yù豫 bèi备 tā她 lái来 tǎo讨 qián钱。

“nǐ你 huí回 lái来 le了？”tā她 xiān先 zhè这 yàng样 wèn问。

“shì是 dé的。”

“zhè这 zhèng正 hǎo好。nǐ你 shì是 shí识 zì字 dé的，yòu又 shì是 chū出 mén门 rén人，jiàn见 shí识 de得 duō多。wǒ我 zhèng正 yào要 wèn问 nǐ你 yī一 jiàn件 shì事——”tā她 nà那 méi没 yǒu有 jīng精 cǎi采 dé的 yǎn眼 jīng睛 hū忽 rán然 fā发 guāng光 le了。

wǒ我 wàn万 liào料 bú不 dào到 tā她 què却 shuō说 chū出 zhè这 yàng样 de的 huà话 lái来, chà诧 yì异 de的 zhàn站 zhe着。

“jiù就 shì是——”tā她 zǒu走 jìn近 liǎng两 bù步, fàng放 dī低 le了 shēng声 yīn音, jí极 mì秘 mì密 sì似 de的 qiē切 qiē切 de的 shuō说, “yī一 gè个 rén人 sǐ死 le了 zhī之 hòu后, jīu究 jìng竟 yǒu有 méi没 yǒu有 hún魂 líng灵 de的?”

wǒ我 hěn很 sǒng悚 rán然, yī一 jiàn见 tā她 de的 yǎn眼 dīng钉 zhē着 wǒ我 de的, bèi背 shàng上 yě也 jiù就 zāo遭 le了 wáng芒 cì刺 yī一 bān般, bǐ比 zài在 xué学 xiào校 lǐ里 yù遇 dào到 bù不 jí及 yù豫 fáng防 de的 lín临 shí时 kǎo考, jiào教 shī师 yòu又 piān偏 shì是 zhàn站 zài在 shēn身 páng旁 de的 shí时 hòu候, huáng惶 jí急 de得 duō多 le了。duì对 yú于 hún魂 líng灵 de的 yǒu有 wú无, wǒ我 zì自 jǐ己 shì是 xiàng向 lái来 háo毫 bù不 jiè介 yì意 de的; dàn但 zài在 cǐ此 kè刻, zěn怎 yàng样 huí回 dá答 tā她 hǎo好 ne呢? wǒ我 zài在 jí极 duǎn短 qī期 de的 chóu踌 chú躇 zhōng中, xiǎng想, zhè这 lǐ里 de的 rén人 zhào照 lì例 xiàng相 xìn信 guǐ鬼, “rán然 ér而 tā她, què却 yí疑 huò惑 le了, ——huò或 zhě者 bù不 rú如 shuō说 xī希 wàng望: xī希 wàng望 qí其 yǒu有, yòu又 xī希 wàng望 jī其 wú无……, rén人 hè何 bì必 zēng增 tiān添 mò末 lù路 de的 rén人 de的 kǔ苦 nǎo恼, yī一 wéi为 tā她 qǐ起 jiàn见, bù不 rú如 shuō说 yǒu有 ba罢。

“yě也 xǔ许 yǒu有 ba罢, ——wǒ我 xiǎng想。”wǒ我 yú于 shì是 tūn吞 tūn吞 tǔ吐 hóng虹 de的 shuō说。

“nà那 mē么, yě也 jiù就 yǒu有 dì地 yù狱 le了?”

“á啊! dì地 yù狱?”wǒ我 hěn很 chī吃 jīng惊, zhī只 dēi得 zhī支 wú吾 zhě者, “dì地 yù狱? ——lùn论 lǐ理, jiù就 gāi该 yě也 yǒu有。——rán然 ér而 yě也 wèi未 bì必, ……shéi谁 lái来 guǎn管 zhè这 děng等 shì事……。”

“nà那 mē么, sǐ死 diào掉 de的 yī一 jiā家 de的 rén人, dōu都 néng能 jiàn见 miàn面 de的?”

“āi唉 āi唉, jiàn见 miàn面 bú不 jiàn见 miàn面 ne呢? ……”zhè这 shí时 wǒ我 yǐ已 zhī知 dào道 zì自 jǐ己 hái是 wán完 quán全 yī一 gè个 yú愚 rén人, shén什 mē么 chóu踌 chú躇, shén什 mē么 jì计 huà划, dōu都 dǎng挡 bú不 zhù住 sān三 jù句 wèn问, wǒ我 jí即 kè刻 dǎn胆 qiè怯 qǐ起 lái来 le了, biàn便 xiǎng想 quán全 fān翻 guò过 xiān先 qián前 de的 huà话 lái来, “nà那 shì是, ……shí实 zài在, wǒ我 shuō说 bù不 qīng清……。qí其 shí实, jīu究 jìng竟 yǒu有 méi没 yǒu有 hún魂 líng灵, wǒ我 yě也 shuō说 bù不 qīng清。”

wǒ我 shèng乘 tā她 bú不 zài再 jǐn紧 jiē接 de的 wèn问, mài迈 kāi开 bù步 biàn便 zǒu走, wù勿 wù勿 de的 táo逃 huí回 sì四 shū叔 de的 jiā家 zhōng中, xīn心 lǐ里 hěn很 jué觉 de得 bù不 ān安 yì逸。zì自 jǐ己 xiǎng想, wǒ我 zhè这 dá答 huà话 pà怕 yú于 tā她 yǒu有 xiē些 wēi危 xiǎn险。tā她 dà大 yuē约 yīn因 wéi为 zài在 bié别 rén人 de的 zhù祝 fú福 shí时 hòu候, gǎn感 dào到 zì自 shēn身 de的 jì寂 mò寞 le了, rán然 ér而 huì会 bú不 huì会 hán含 yǒu有 bié别 de的 shén什 mē么 yì意 sī思 de的 ne呢? ——huò或 zhě者 shì是 yǒu有 le了 shén什 mē么 yù豫 gǎn感 le了? táng倘 yǒu有 bié别 de的 yì意 sī思, yòu又 yīn因 cǐ此 fā发 shēng生 bié别 de的 shì事, zé则 wǒ我 de的 dá答 huó活 wěi委 shí实 gāi该 fù负 ruò若 gān干 de的 zé责 rèn任……。dàn但 suí随 hòu后 yě也 jiù就 zì自 xiào笑, jué觉 de得 ǒu偶 ěr尔 de的 shì

事, běn本 méi没 yǒu有 shén什 mē么 shēn深 yì意 yì义, ér而 wǒ我 piān偏 yào要 xì细 xì细 tuī推 qiāo敲, zhèng正 wú无 guài怪 jiào教 yù育 jiā家 yào要 shuō说 shì是 shēng生 zhē着 shén神 jīng经 bìng病; ér而 kuàng况 míng明 míng明 shuō说 guò过 “shuō说 bù不 qīng清”, yǐ已 jīng经 tuī推 fān翻 le了 dá答 huà话 dé的 quán全 jú局, jí即 shǐ使 fā发 shēng生 shén什 mē么 shì事, yú于 wǒ我 yě也 háo毫 wú无 guān关 xì系 le了。

Текст № 2

zhōng中 guó国 qí奇 jī迹: jīng经 jì济 fā发 zhǎn展 dé的 jīng经 yàn验
hé何 xué学 yàn彦

gè各 wèi位 xué学 zhě者, gè各 wèi位 péng朋 yǒu友: gǎn感 xiè谢 nín您 mēn们 duì对 zhōng中 guó国 jīng经 jì济 dé的 guān关 zhù注, hěn很 gāo高 xìng兴 hé和 nín您 mēn们 zài在 zhè这 lǐ里 yī一 qǐ起 tàn探 tǎo讨 zhōng中 guó国 jīng经 jì济 fā发 zhǎn展 dé的 ào奥 mì秘。wǒ我 xiǎng想, zhè这 duì对 é俄 luó罗 sī斯 jīng经 jì济 fā发 zhǎn展 dé的 fāng方 lüè:略 yě也 jù具 yǒu有 jiè借 jiàn鉴 dé的 yì意 yì义。wéi为 le了 yǐn引 yù玉, wǒ我 xiān先 pāo抛 zhuān砖, tán谈 tán谈 wǒ我 dé的 xiǎng想 fā法: yī一 shì是 zhōng中 guó国 jīng经 jì济 fā发 zhǎn展 dé的 qí奇 jī迹 jí及 qí其 chéng成 yīn因, èr二 shì是 jiā加 rù入 WTO对 zhōng中 guó国 jīng经 jì济 dé的 yǐng影 xiǎng响, sān三 shì是 zhōng中 guó国 jīng经 jì济 fā发 zhǎn展 dé的 duì对 cè策 jí及 qián前 jǐng景 zhǎn展 wàng望。rán然 hòu后, qǐng请 péng朋 yǒu友 mēn们 tí提 wèn问, bīng并 fā发 biǎo表 nín您 mēn们 dé的 gāo高 jiàn见。

yī一、zhōng中 guó国 jīng经 jì济 fā发 zhǎn展 dé的 qí奇 jī迹 jí及 qí其 chéng成 yīn因 zhōng中 guó国 cóng从 1978nián年 gǎi改 géjì革 kāi开 fàng放 yǐ以 lái来, qǔ取 dé得 le了 jǔ举 shì世 gōng公 rèn认 dé的 wěi伟 dà大 chéng成 jiù就。zhōng中 guó国 jīng经 jì济 yǐ以 nián年 jūn均 9%zuǒ左 yòu右 dé的 sù速 dù度 zēng增 zhǎng长, tè特 bié别 shì是 1984nián年 hé和 1985nián年 jīng经 jì济 zēng增 zhǎng长 dé的 sù速 dù度 gāo高 dá达 15.3%hé和 13.2%, 1992nián年 hé和 1993nián年 gāo高 dá达 14.1%。dào到 1997nián年, zhōng中 guó国 jīng经 jì济 zēng增 zhǎng长 sù速 wéi为 8.5%, guó国 mǐn民 shēng生 chǎn产 zǒng总 zhí值 dá达 dào到 73452.6 yì亿 yuán元, rén人 jūn均 guó国 nèi内 shēng生 chǎn产 zǒng总 zhí值 dá达 dào到 6079yuán元。kě可 shì是, cóng从 1997nián年 yǐ以 hòu后, zhōng中 guó国 jīng经 jì济 zēng增 sù速 jiǎn减 huǎn缓, dàn但 réng仍 rán然 bǎo保 chí持 le了 7—8%de的 zēng增 sù速, dào到 2001nián年, guó国 mǐn民 shēng生 chǎn产 zǒng总 zhí值 dá达 dào到 9.59wàn万 yì亿 yuán元, jū居 shì世 jiè界 dì第 liu六 wèi位; qí其 zhōng中 dì第 yī一 chǎn产 yè业 bǐ比 zhòng重 wéi为 15.9%, dì第 èr二 chǎn产 yè业 bǐ比 zhòng重 wéi为 50.9%, dì第 sān三 chǎn产 yè业 bǐ比 zhòng重 wéi为 33.2%。jīn今 nián年 yī一 yuè月 dào到 shí十 yī一 yuè月, bǐ比 qù去 nián年 tóng同 qī期 yòu又 zēng增 zhǎng长 7.8%。

yóu由 yú于 zhōng中 guó国 jīng经 jì济 dé的 chí持 xù续 gāo高 sù速 zēng增 zhǎng长, zhōng中 guó国 zhú逐 jiān渐 gào告 bié别 le了 duǎn短 quē缺 jīng经 jì济 shí时 dài代, cóng从 èr二 shí十 shì世 jì纪 jǐu九 shí十 nián年 dài代 zhōng中 qī期 yǐ以 hòu后, jìn进 rù入 le了 gòng供 dà大 yú于 qí求 dé的 guò过 shèng剩 jīng经 jì济

gé 格 jú 局。shēng 生 chǎn 产 zī 资 liào 料 jī 积 yā 压, xiāo 消 fèi 费 pǐn 品 zhì 滞 xiāo 销, jià 价 gé 格 zhǐ 指 shù 数 duō 多 nián 年 xià 下 jiàng 降 huò 或 dī 低 wèi 位 pái 徘 huái 徊。yǐ 以 jīn 今 nián 年 bā 八 yuè 月 fèn 份 wéi 为 lì 例, gōng 工 yè 业 pǐn 品 chū 出 chǎng 厂 jià 价 gé 格 zhǐ 指 shù 数 xiàng 相 bǐ 比 shàng 上 nián 年 tóng 同 qī 期 xià 下 jiàng 降 wéi 为 98.3%, jū 居 mǐn 民 xiāo 消 fèi 费 pǐn 品 jià 价 gé 格 zhǐ 指 shù 数 xià 下 jiàng 降 wéi 为 98.4%。

zhōng 中 guó 国 jīng 经 jì 济 wéi 为 shén 什 mē 么 néng 能 gòu 够 gāo 高 sù 速 fā 发 zhǎn 展, ér 而 hòu 后 lái 来 yòu 又 zēng 增 sù 速 jiǎn 减 huǎn 缓? guò 过 shèng 剩 jīng 经 jì 济 gé 格 jú 局 duì 对 zhōng 中 guó 国 jīng 经 jì 济 fā 发 zhǎn 展 yì 意 wèi 味 zhe 着 shén 什 mē 么? zhè 这 jiù 就 xū 需 yào 要 wǒ 我 mēn 们 tàn 探 tǎo 讨 zhōng 中 guó 国 jīng 经 jì 济 fā 发 zhǎn 展 qí 奇 jī 迹 de 的 chéng 成 yīn 因。

zhōng 中 guó 国 jīng 经 jì 济 zhī 之 suǒ 所 yǐ 以 néng 能 gòu 够 kuài 快 sù 速 fā 发 zhǎn 展, qí 其 qián 前 tí 提 shì 是 gǎi 改 gé 革 kāi 开 fàng 放 yǐ 以 qián 前, zhōng 中 guó 国 yǐ 已 jī 基 běn 本 jiàn 建 lì 立 qǐ 起 bǐ 比 jiào 较 wán 完 bèi 备 de 的 gōng 工 yè 业 tǐ 体 xì 系, nóng 农 tián 田 gēng 耕 zuò 作 hé 和 shuǐ 水 lì 利 guàn 灌 gài 溉 tǐ 体 xì 系, zhè 这 wéi 为 zhōng 中 guó 国 jīng 经 jì 济 fā 发 zhǎn 展 diàn 奠 dìng 定 le 了 bǐ 比 jiào 较 jiān 坚 shí 实 de 的 jī 基 chǔ 础。zhè 这 yī 一 diǎn 点 wǎng 往 wǎng 往 wéi 为 guó 国 nèi 内 wài 外 xué 学 zhě 者 suǒ 所 hū 忽 shì 视, suǒ 所 yǐ 以 wǒ 我 zài 在 zhè 这 lǐ 里 yào 要 tè 特 bié 别 tí 提 jí 及。

zhōng 中 guó 国 jīng 经 jì 济 zhī 之 suǒ 所 yǐ 以 néng 能 gòu 够 kuài 快 sù 速 fā 发 zhǎn 展, shì 是 zhōng 中 guó 国 tōng 通 guò 过 jiǎn 渐 jìn 进 shì 式 de 的 gǎi 改 gé 革 kāi 开 fàng 放, shǐ 使 jì 计 huà 划 jīng 经 jì 济 tǐ 体 zhì 制 zhú 逐 bù 步 xiàng 向 shì 市 chǎng 场 jīng 经 jì 济 tǐ 体 zhì 制。zhè 这 yàng 样, néng 能 gòu 够 yíng 营 zào 造 yī 一 gè 个 xiàng 相 duì 对 píng 平 héng 衡 de 的 jīng 经 jì 济 huán 环 jìng 境, shǐ 使 zī 资 běn 本、láo 劳 dòng 动、jì 技 shù 术 děng 等 jīng 经 jì 济 yào 要 sù 素 bù 不 jǐn 仅 zài 在 guó 国 nèi 内 shì 市 chǎng 场 liú 流 tōng 通 pèi 配 zhì 置, ér 而 qiè 且 zhī 知 guó 国 jì 际 shì 市 chǎng 场 liú 流 tōng 通 pèi 配 zhì 置。

dì 第 yī 一, zhōng 中 guó 国 péi 培 yù 育 le 了 shāng 商 pǐn 品 shì 市 chǎng 场, shāng 商 pǐn 品 zhú 逐 bù 步 yóu 由 jì 计 huà 划 gòng 供 yīng 应 zhuǎn 转 wéi 为 shì 市 chǎng 场 diào 调 jié 节。èr 二 shí 十 shì 世 jì 纪 bā 八 shí 十 nián 年 dài 代, wǒ 我 mēn 们 cóng 从 wài 外 guó 国 jìn 进 kǒu 口 jiā 家 diàn 电 děng 等 xiàn 现 dài 代 huà 化 shāng 商 pǐn 品, tóng 同 shí 时 xiàng 向 guó 国 wài 外 chū 出 kǒu 口 fú 服 zhuāng 装 hé 和 nóng 农 chǎn 产 pǐn 品。duǎn 短 quē 缺 jīng 经 jì 济 shí 时 dài 代 jū 居 mǐn 民 de 的 cún 存 kuǎn 款 shì 释 fàng 放 chū 出 lái 来 gòu 购 mǎi 买 shāng 商 pǐn 品, dà 大 dà 大 cù 促 jìn 进 le 了 jìn 进 chū 出 kǒu 口 mào 贸 yì 易 hé 和 guó 国 nèi 内 shāng 商 pǐn 品 shēng 生 chǎn 产 (nà 那 shí 时 hòu 候, jìn 进 kǒu 口 shén 什 mē 么, shén 什 mē 么 dōu 都 néng 能 hěn 很 kuài 快 mài 卖 diào 掉; shēng 生 chǎn 产 shén 什 mē 么, shén 什 mē 么 néng 能 hěn 很 kuài 快 mài 卖 diào 掉)。jí 即 shǐ 使 zài 在 guò 过 shèng 剩 jīng 经 jì 济 gé 格 jú 局 xià 下, jīn 今 nián 年 yī 一 zhì 至 bā 八 yuè 月, shè 社 huì 会 xiāo 消 fèi 费 pǐn 品 líng 零 shòu 售 zǒng 总 é 额 yě 也 bǐ 比 qù 去 nián 年 tóng 同 qī 期 zēng 增 zhǎng 长 8.6%; jìn 进 chū 出 kǒu 口 zǒng 总 zhí 值 yě 也 bǐ 比 qù 去 nián 年 tóng 同 qī 期 zēng 增 zhǎng 长 16.1%。

dì 第 èr 二, zhōng 中 guó 国 péi 培 yù 育 le 了 zī 资 běn 本 shì 市 chǎng 场。shǒu 首 xiān 先 shì 是 dà 大 liàng 量 yǐn 引 jìn 进 wài 外 zī 资, zài 在 zhè 这 fāng 方 miàn 面, hǎi 海 wài 外 huá 华 qiáo 侨 fā 发 huī 挥 le 了 tè 特 bié 别 zhòng 重 dà 大 de 的 zuò 作 yòng 用。zhōng 中 huá 华 mǐn 民 zú 族 xiōng 胸 jīn 襟 bó 博 dà 大, jí 极 jù 具 kāi 开 fàng 放 yì 意 shí 识。bù 不 jǐn 仅 huān 欢 yíng 迎 gè 各 guó 国 rén 人 mǐn 民 zǒu 走 xiàng 向 zhōng 中 guó 国, ér 而 qiě 且 yǒng 勇 yú 于 zǒu 走 xiàng 向 shì 世 jiè 界, huá 华 rén 人 de 的 zú 足 jī 迹 biàn 遍 bù 布 shì 世 jiè 界 gè 各 guó 国。zhōng 中 guó 国 kāi 开 fàng 放 hòu 后, shǒu 首 xiān 先 shì 是 huá 华 qiáo 侨 xiàng 向 zǔ 祖 guó 国 tóu 投 zī 资。zhōng 中 guó 国 tōng 通 guò 过 yǐn 引 jìn 进 wài 外 zī 资, yǐn 引 jìn 进 le 了 dà 大 liàng 量 de 的 shí 实 yòng 用 jì 技 shù 术, jī 机 qì 器 shè 设 bèi 备。tóng 同 shí 时 tōng 通 guò 过 guó 国 yǒu 有 qī 企 yè 业 hé 和 jí 集 tǐ 体 qī 企 yè 业 de 的 pāi 拍 mài 卖, gǔ 股 fèn 份 zhì 制 gǎi 改 gé 革, péi 培 yù 育 sī 私 yǒu 有 zī 资 běn 本 hé 和 zī 资 běn 本 shì 市 chǎng 场。zài 在 zhōng 中 guó 国 dōng 东 bù 部 yán 沿 hǎi 海 yī 一 xiē 些 fā 发 dá 达 dì 地 qū 区, sī 私 yǒu 有 zī 资 běn 本 hé 和 wài 外 zī 资 zài 在 shè 社 huì 会 zǒng 总 zī 资 chǎn 产 zhōng 中 de 的 bǐ 比 zhòng 重 yǐ 已 dá 达 dào 到 sān 三 fēn 分 zhī 之 èr 二。zài 再 jiā 加 shàng 上 zhōng 中 guó 国 rén 人 jié 节 jiǎn 俭 de 的 chuán 传 tǒng 统, zhōng 中 guó 国 yī 一 zhí 直 bǎo 保 chí 持 le 了 hěn 很 gāo 高 de 的 chǔ 储 xù 蓄 lǜ 率。dào 到 jīn 今 nián 年 bā 八 yuè 月 mò 末, chéng 城 xiāng 乡 jū 居 mǐn 民 chǔ 储 xù 蓄 cún 存 kuǎn 款 dá 达 dào 到 83276 yì 亿 yuán 元, jīn 金 róng 融 jī 机 gòu 构 gè 各 xiàng 项 cún 存 kuǎn 款 yú 余 é 额 dá 达 dào 到 161671 yì 亿 yuán 元。yīn 因 ér 而, zhōng 中 guó 国 duō 多 nián 年 lái 来 bǎo 保 chí 持 le 了 jiào 较 gāo 高 de 的 tóu 投 zī 资 lǜ 率, lì 例 rú 如, 1985 nián 年 wéi 为 37.8%, 1993 nián 年 gāo 高 dá 达 43.3%。zhè 这 yàng 样, jiù 就 wéi 为 zhōng 中 guó 国 jīng 经 jì 济 fā 发 zhǎn 展 tí 提 gòng 供 le 了 chōng 充 yù 裕 de 的 zī 资 jīn 金。

dì 第 sān 三, zhōng 中 guó 国 péi 培 yù 育 le 了 láo 劳 dòng 动 lì 力 shì 市 chǎng 场。zhōng 中 guó 国 zhú 逐 bù 步 gǎi 改 biàn 变 le 了 yuán 原 lái 来 dān 单 chún 纯 yóu 由 jì 计 huà 划 fēn 分 pèi 配 de 的 rén 人 shì 事 láo 劳 dòng 动 zhì 制 dù 度, yùn 运 yòng 用 shì 市 chǎng 场 jī 机 zhì 制 tiáo 调 jié 节 rén 人 lì 力 zī 资 yuán 源。péng 朋 yǒu 友 mēn 们 zhī 知 dào 道, zhōng 中 guó 国 shì 是 shì 世 jiè 界 shàng 上 rén 人 kǒu 口 zuì 最 duō 多 de 的 guó 国 jiā 家 (13yì 亿), láo 劳 dòng 动 lì 力 zī 资 yuán 源 jí 极 wéi 为 fēng 丰 fù 富。zhōng 中 guó 国 rén 人 qín 勤 láo 劳, cōng 聪 míng 明, qiě 且 yòu 又 yǒu 有 zhòng 重 yì 义 qīng 轻 lì 利 de 的 wén 文 huà 化 chuán 传 tǒng 统, yīn 因 ér 而 láo 劳 dòng 动 lì 力 jià 价 gé 格 jiào 较 dī 低, suǒ 所 yǐ 以 bù 不 jǐn 仅 shēng 生 chǎn 产 de 的 chǎn 产 pǐn 品 shù 数 liàng 量 duō 多, ér 而 qiě 且 shǐ 使 chǎn 产 pǐn 品 chéng 成 běn 本 yě 也 xiàng 相 yīng 应 jiàng 降 dī 低, shǐ 使 zhōng 中 guó 国 shāng 商 pǐn 品 zài 在 guó 国 jì 际 shì 市 chǎng 场 shàng 上 fù 富 yǒu 有 jiā 价 gé 格 jìng 竞 zhēng 争 yōu 优 shì 势。

dà 大 jiā 家 zhī 知 dào 道, shì 市 chǎng 场 zhè 这 zhī 只 wú 无 xíng 形 de 的 shǒu 手, pèi 配 zhì 置 zī 资 yuán 源 jù 具 yǒu 有 zì 自 fā 发 xìng 性、máng 盲 mù 目 xìng 性、zhì 滞 hòu 后 xìng 性, ér 而 tōng 通 guò 过 shì 市 chǎng 场 pèi 配 zhì 置 de 的 zī 资 běn 本, láo 劳 dòng 动 jì 技 shù 术 děng 等 jīng 经 jì 济 yào 要 sù 素 zhōng 中, zī 资 běn 本 jū 居 yú 于 zhī 支 pèi 配 dì 地 wèi 位, ér 而 zī 资 běn 本 yòu 又 jù 具 yǒu 有 zhuī 追 zhú 逐 lì 利 rùn 润, zhàn 占 yǒu 有 shèng 剩 yú 余 jià 价 zhí 值, cóng 从 ér 而 bú 不 duàn 断 zēng 增 zhí 殖 kuò 扩 zhāng 张 de 的 tè 特 xìng 性, nà 那 mē 么, zhèng 政 fǔ 府 zhè

这 zhī 只 yǒu 有 xíng 形 dē 的 shǒu 手 jiù 就 bì 必 xū 须 jǐn 紧 jǐn 紧 zhuā 抓 zhù 住 jì 计 huà 划, cái 财 zhèng 政, shuì 税 shōu 收, jīn 金 róng 融 děng 等 hóng 宏 guān 观 zhèng 政 cè 策 gōng 工 jù 具, shì 适 shí 时 tiáo 调 kòng 控 shì 市 chǎng 场, shǐ 使 jīng 经 jì 济 liáng 良 xìng 性 fā 发 zhǎn 展。ér 而 zhōng 中 guó 国 jiān 渐 jìn 进 shì 式 dē 的 gǎi 改 gé 革 zào 造 chéng 成 zài 在 xiàng 相 dāng 当 cháng 长 yī 一 duàn 段 shí 时 qī 期 jì 计 huà 划 tǐ 体 zhì 制 hé 和 shì 市 chǎng 场 jī 机 zhì 制 shuāng 双 guǐ 轨 bīng 并 cún 存。ér 而 zài 在 liǎng 两 guǐ 轨 bīng 并 yī 一 guǐ 轨 dē 的 zhuǎn 转 xíng 型 qī 期, shì 市 chǎng 场 zhèng 正 zài 在 fā 发 yù 育, shàng 尚 bù 不 chéng 成 shú 熟, zhèng 政 fǔ 府 hóng 宏 guān 观 tiáo 调 kòng 控 tǐ 体 xì 系 bú 不 gòu 够 xié 协 tiáo 调, suǒ 所 yǐ 以 zào 造 chéng 成 zī 资 yuán 源 pèi 配 zhì 置 dē 的 máng 盲 qū 区, chóng 重 fù 复 qū 区。yīn 因 ér 而, bù 不 jǐn 仅 shì 是 “shuāng 双 guǐ 轨” nǐ 扭 qū 曲 jīng 经 jì 济 jié 结 gòu 构, ér 而 qiè 且 “liǎng 两 zhī 只 shǒu 手”, bù 不 xié 协 tiáo 调 yě 也 wǎng 往 wǎng 往 nǐ 扭 qū 曲 jīng 经 jì 济 jié 结 gòu 构。

Текст № 3

- nǐ 你好!

- nǐ 你好!

- hǎo 好 xiàng 像 wǒ 我 mēn 们 hǎo 好 jiǔ 久 bù jiàn 见 le 了。

- hǎo 好 jiǔ 久 bù jiàn 见 le 了。

- yòu 又 zuò 作 shén 什 me 么 le 了?

- huí 回 dào 到 jiā 家 lǐ 里 bian 边, hǎo 好 hǎo 好 xiū 休 xī 息 xī 休 xī 息。

- wǒ 我 tīng 听 shuō 说 nǐ 你 jiā 家 zài 在 běi 北 jīng 京。

- shì 是 ya 呀!

- rán 然 hòu 后 2008nián 年 ào 奥 yùn 运 huì 会 yě 也 zài 在 běi 北 jīng 京 kāi 开。nǐ 你 dào 到 xiàn 现 chǎng 场 qù 去 kàn 看 le 了 ma 吗?

- wǒ 我 jiā 家 zhù 住 zài 在 běi 北 jīng 京, dàn 但 shì 是 hěn 很 kě xī 惜 wǒ 我 méi 没 yǒu 有 qù 去 ào 奥 yùn 运 huì 会 chǎng 场 guǎn 馆 qù 去 kàn 看 bǐ 比 sài 赛。yóu 由 yú 于 shì 是 piào 票 méi 没 yǒu 有 mǎi 买 dào 到 zhī 之 qián 前 piào 票 dōu 都 méi 没 yǒu 有 le 了。piào 票 zài 在 yuè 越 jiē 接 jìn 近 yú 于 bǐ 比 sài 赛 kāi 开 shǐ 始 dē 的 shí 时 hòu 候, jiù 就 yuè 越 guì 贵。hái 还有 shí 时 hòu 候 néng 能 dá 达 dào 到 shàng 上 luàn 乱 shàng 上 jǐ 几 wàn 万 dào 到 shí 十 wàn 万 dōu 都 yǒu 有, hěn 很 guì 贵! suǒ 所 yǐ 以 shuō 说 méi 没 yǒu 有 qù 去 xiàn 现 chǎng 场 kàn 看 shì 是 ràng 让 yí 遗 hàn 憾 dē 的 shì 事 qíng 情, dàn 但 shì 是 suǒ 所 yǒu 有 dē 的 bǐ 比 sài 赛, wǒ 我都 kàn 看 le 了, ér 而 qiè 且 tōng 通 guò 过 diàn 电 shì 视 jī 机 méi 没 yǒu 有 lā 拉 diào 掉 yī 一 chǎng 场 bǐ 比 sài 赛 jī 基 běn 本 shàng 上。suǒ 所 yǐ 以 hái 还 shì 是 bǐ 比 jiào 较 dē 的 mǎn 满 yì 意。

- nà 那 nǐ 你 zuì 最 xǐ 喜 huān 欢 shén 什 me 么 bǐ 比 sài 赛?

- wǒ 我 zuì 最 xǐ 喜 huān 欢 dē 的 bǐ 比 sài 赛 yīng 应 gāi 该 suàn 算 shì 是 tiào 跳 shuǐ 水。tiào 跳 shuǐ 水 dē 的 bǐ 比 sài 赛 wǒ 我 tǐng 挺 xǐ 喜 huān 欢。

- yīn 因 wéi 为 zhōng 中 guó 国 dē 的 tiào 跳 shuǐ 水 duì 队 bèi 被 chēng 称 wéi 为 mèng 梦 zhī 之 duì 队。

- shì 是 dē 的。cóng 从 hěn 很 gāo 高 dē 的 dì 地 fāng 方 kě 可 yǐ 以 tiào 跳 dào 到 shuǐ 水 lǐ 里, ér 而 qiè 且 dòng 动 zuò 作 hěn 很 piào 漂 liàng 亮 yòu 又 měi 美。nà 那, dāng 当

rán 然 yě 也 yòu 又 yuàn 愿 yì 意 zhōng 中 guó 国 zài 在 zhè 这 yī 一 gè 个 bǐ 比 sài 赛 xià 下 yǒu 有 yī 一 dìng 定 dē 的 yōu 优 shì 势, dàn 但 shì 是 zuì 最 zhòng 重 yào 要 dē 的 yuán 原 yīn 因 shì 是 cóng 从 hěn 很 gāo 高 dē 的 dì 地 fāng 方 tiào 跳 shuǐ 水 lǐ 里 bian 边, nà 那 mē 么 tā 他 dē 的 zī 姿 shì 势 dòng 动 zuò 作 dōu 都 yǒu 有 fēi 非 cháng 常 yōu 优 měi 美。nà 那 dāng 当 rán 然 gěi 给 guān 观 zhòng 众 dài 带 lái 来 hěn 很 měi 美 lì 丽 dē 的 xiǎng 享 shòu 受。dāng 当 rán 然 wǒ 我 zuì 最 xiǎng 想 shuō 说 dē 的 wèn 问 tí 题, hái 还 shì 是 ào 奥 yùn 运 huì 会 kāi 开 mù 幕 shì 式。ào 奥 yùn 运 huì 会 dē 的 kāi 开 mù 幕 shì 式, bù 不 zhī 知 dào 道 nǐ 你 tīng 听 shuō 说 méi 没 yǒu 有。

- wǒ 我 tīng 听 shuō 说 le 了, wǒ 我 kàn 看 le 了。qí 其 shí 实 nà 那 yī 一 tiān 天 wǎn 晚 shàng 上 wǒ 我 kàn 看 le 了 cóng 从 kāi 开 shǐ 始 dào 到 jié 结 shù 束, rán 然 hòu 后 wǒ 我 yī 一 zhí 直 zài 在 kàn 看, jué 觉 dé 得 fēi 非 cháng 常 fēi 非 cháng 常 hǎo 好。rán 然 hòu 后 wǒ 我 hái 还 wèn 问 guò 过 hěn 很 duō 多 rén 人, tā 他 mēn 们 yě 也 fēi 非 cháng 常 xǐ 喜 huān 欢, yě 也 bāo 包 kuò 括 wài 外 guó 国 péng 朋 yǒu 友。

- fēi 非 cháng 常 wán 完 měi 美, fēi 非 cháng 常 wán 完 měi 美。zhè 这 yī 一 gè 个 dǎo 导 yǎn 演 shì 是 zhāng 张 yì 意 mào 茂。

- duì 对, wǒ 我 zhī 知 dào 道 le 了。

- dà 大 jiā 家 kàn 看 fēi 非 cháng 常 hóng 宏 wěi 伟。tè 特别 shì 是 gāng 刚 kāi 开 shǐ 始 dē 的 diàn 殿 chǎng 场。jiù 就 shì 是 zhēn 真 zhēn 真 kāi 开 shǐ 始 biǎo 表 yǎn 演 zhī 之 qián 前 dē 的 nà 那 yī 一 gè 个 jī 击 gǔ 鼓, nà 那 mē 么, nà 那 yī 一 gè 个 zhōng 中 guó 国 bǐ 比 jiào 较 gǔ 古 dē 的 gǔ 鼓, jiào 叫 zuò 做 fǒu 缶。suǒ 所 yǐ 以 nà 那 gè 个 zhèn 阵。suǒ 所 yǐ 以 jiào 叫 zuò 做 fǒu 缶 zhèn 阵。nà 那 mē 么, zhè 这 gè 个 fǒu 缶 shì 是 hěn 很 zǎo 早 kě 可 yǐ 以 shuō 说 shāng 商 qián 前 miàn 面 dē 的 lì 历 shǐ 史。biǎo 表 yǎn 演 rén 人员 jìn 进 xíng 行 biǎo 表 yǎn 演 dē 的 shí 时 hòu 候, yī 一 shǎn 闪 yī 一 shǎn 闪 dē 的, hěn 很 piào 漂 liàng 亮。

- wǒ 我知 dào 道, tè 特别 shì 是 dǎo 倒 jì 计 shí 时 dē 的 shí 时 hòu 候, wǒ 我 jué 觉得 tè 特别 xìng 兴 fèn 奋, rán 然 hòu 后 zuò 坐 zài 在 diàn 电 shì 视 jī 机 qián 前, gēn 跟 xiàn 现 chǎng 场 dē 的 rén 人 yī 一 qǐ 起 hǎn 喊: “shí 十、jiǔ 九、bā 八、qī 七、liù 六、wǔ 五、sì 四、sān 三、èr 二、yī 一, kāi 开 shǐ 始!” wǒ 我 hái 还 tè 特别 xǐ 喜 huān 欢 kāi 开 mù 幕 shì 式 dāng 当 zhōng 中 yǒu 有 yī 一 gè 个 wǔ 舞 dǎo 蹈 zhě 者, jiù 就 zài 在 huà 画卷 shàng 上。。。

- dì 第 èr 二 mǔ 亩

- 。 。 。 huà 画 huà 画 ér 儿。zhōng 中 guó 国 guó 国 huà 画 huà 画 dé 得 tè 特别 tè 特别 hǎo 好。

- yòu 又 gāng 刚 kāi 开 shǐ 始, yǒu 有 xiǎo 小 duǎn 短 piàn 片, shàng 上 miàn 面 jiǎng 讲 dē 的 yī 一 gè 个 guān 关 yú 于 zhōng 中 guó 国 dē 的 gǔ 古 lǎo 老 dē 的 yī 一 gè 个 shū 书 fǎ 法。yǒu 有 jǐ 几 gè 个 rén 人, tā 他 mēn 们 suǒ 所 yǒu 有 dē 的 zì 自 yóu 由 wǔ 舞 dǎo 蹈 dāng 然 tā 它 shì 是 yǒu 有 dìng 定 yì 义 zài 在 lǐ 里 bian 边, gào 告 sù 诉 dà 大 jiā 家 xiě 写 zì 字 qí 其 shí 实 gēn 跟 tiào 跳 wǔ 舞 yī 一 yàng 样。nà 那 mē 么, zhè 这 jǐ 几 gè 个 wǔ 舞 dǎo 蹈 zhě 者 huà 画, rán 然 hòu 后 yī 一 bian 边 tiào 跳 yī 一 bian 边 huà 画。dà 大 jiā 家 kàn 看 wán 完 le 了 wǔ 舞 dǎo 蹈。- yī 一 fú 幅 huà 画。lìng 另 wài 外 yī 一 gè 个 rén 人 mǎn 满 mǎn 满 dē 地 zǒu 走 lù 路 huí 回 chǎng 场, tā 他 hěn 很 zì 自 yóu 由 xiāo 潇 sǎ 洒 dē 地 zuò 坐 zài 在 dì 地 shàng 上, rán 然 hòu 后 zuò 做 le 了 yī 一 gè 个 sān 三 bǎi 百六

shí十 dù度 dē的 yī一 gè个 xún循转, yī一 gè个 tài太 yáng阳 jù就 chū出 xiàn现 le了。

- wǒ我 jué觉得 tè特别 hǎo好, zǒng总 tǐ体 lái来 shuō说, kāi开 mù幕 shì式 shì是 fǎn反 yìng映 le了 zhōng中 guó国 gǔ古 dài代 wén文 huà化, rán然 hòu后 bì闭 mù幕 shì式 wǒ我 jué觉得 dē得 yě也 hěn很 hǎo好。 tā它 fǎn反 yìng映 dē的 shì是 xiàn现 dài代 dē的 zhōng中 guó国。

- dàn但 shì是 zhè这 yī一 gè个 tí题 mù目 yòu有 zuì最 zhòng重 yào要 dē的 yī一 gè个 zhǔ主 tí题 zài在 lǐ里 bian边, jù就 shì是要 qiú求 shì世 jiè界 hé和 píng平。 gào告 sù诉 dà大 jiā家 suǒ所 yǒu有 dē的 rén人 wú无 lùn论 shén什 me么 pí皮 fū肤, ér而 qiě且哪 yī一 gè个 guó国 jiā家, shuō说 shén什 me么 yǔ语 yán言, qí其 shí实 dà大 jiā家 dōu都可 yǐ以 yōng拥 hé合 zài在 yī一 qǐ起。

ПРИЛОЖЕНИЕ № 4

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ

Волеинтракинемы – «выразительные» движения, сопровождающие волевые акты (например, сжимание губ и выпячивание нижней челюсти – мимика упрямства, упорства).

Звукосимволизм – закономерная, произвольная, фонетически мотивированная связь между фонемами слова и полагаемым в основу номинации незвуковым (неакустическим) признаком денотата.

Интракинемы – различные жестовые, преимущественно мимические движения сопровождающие «внутренние» – сенсорные, эмотивные, волюнтативные, ментальные – процессы в сфере сознания человека.

Экстракинесемизмы (мимеоэкстракинесемизмы) – звукосимволические слова, в основе номинации которых лежит *непосредственное* подражание звучания какому-либо воспринимаемому в любой сенсорной модальности (кроме слуховой) признаку объекта.

Кинемы (от греч. kinesis – движение) – различные жестовые, преимущественно мимические движения или телодвижения.

Кинесемизмы – звукосимволические слова, в основе номинации которых лежит подражание звучания какому-либо воспринимаемому в любой сенсорной модальности (кроме слуховой) признаку объекта.

Лабиализация (от ср.-лат. labialis – губной) (огубление) – артикуляция звуков речи, сопровождаемая округлением вытянутых вперед губ.

Ментаинтракинемы – мимические движения, сопровождающие мыслительный процесс (например, наморщивание лба, шевеление губами при мыслительном напряжении).

Мимеоинтракинемы – это мимические рефлекторные и «выразительные» движения «в чистом виде», без звукового (фонического) компонента (например, улыбка, сжимание губ, надувание губ, нахмуривание и др.).

Мимеоинтракинесемизмы – звукоизобразительные слова, обозначающие мимеоинтракинемы (такие, как улыбка, мимика презрения и др.) на основании сходства возникающих ассоциаций при восприятии определенных фонетических единиц.

Непроизвольные фонации – неязыковые звуки и комбинации таких звуков, сопровождающие («выражающие») различные психические состояния (например, напоминающий стон звук плохого самочувствия и др.).

Сенсоинтракинемы – рефлекторные движения, вызванные теми или иными ощущениями (например, рефлекторное движение органов чувств – дурной запах оказывает непосредственное влияние на мускулы носа, горький вкус вызывает искривление рта и др.).

Синестэмия (букв. «соощущение + созмоция») – различного рода взаимодействия между ощущениями разных модальностей и ощущениями и эмоциями, результатом которых на первосигнальном уровне является перенос качества ощущения, на второсигнальном же уровне – перенос значения, в том числе перенос значения в звукоименическом слове.

Фоноинтракинемы – совокупность определенных качественных (элементы основного артикуляторного состава, выделяемые по месту и способу артикуляции) и количественных (дополнительные единицы атрибутивного характера) элементов (например, щелканье, чавканье, плач, смех, зевота, хихиканье, кашель и др.).

Фоноинтракинесемизмы – звукоизобразительные слова, обозначающие фоноинтракинемы (например, такие слова, как лизать, щелкать, чавкать).

Экстракинемы (мимеоэкстракинемы) – «симпатические» движения, служащие мимическими подражаниями «внешним» неакустическим объектам – их форме, размеру, движению.

Интракинесемизмы – звуко-символические слова, в основе номинации которых лежит подражание не непосредственно звуку или предмету, а некоему внутреннему свойству, присущему им обоим (например, слова, обозначающие округлое, большое/малое, напряжение и др.).

Эмоинтракинемы – выразительные движения лица, тела и вокальная мимика (интонация, тембр, произвольные фонации) как способ выражения психологического состояния человека, его эмоций (например, приподнятые брови выражают удивление, улыбка – радость или удовольствие, нахмуренные брови, «руки в боки» – гнев и др.).

ПРИЛОЖЕНИЕ № 5

Таблица символических значений финалей китайского языка¹. Таблица символических значений по признаковой шкале «круглый-квадратный»

	完全圆形 性状	不完全圆形 性状	不完全方形 性状	完全方形 性状	其他图形 性状
u	17	58	16	2	7
o	92	7	1		
uo	21	60	10	2	7
ou	32	50	9	6	3
ao	72	17	5	2	4
uai	6	27	39	11	17
uan	9	20	48	9	14
uang	9	30	27	22	12
ui	4	16	37	19	24
un	8	23	30	20	19
ong	38	33	10	11	8
a	44	12		2	2
i	1	15	17	8	19
ai	11	33	12	1	3
ei	1	15	21	14	9
wa	38	16	2	2	2
yu	22	13	5	2	18
in	3	2	20	13	22
an	16	19	8	7	10
yun	25	13	7	4	11
yue	24	21	5	1	9
yuan	37	11	4	3	5
ing	5	9	13	13	20
ang	27	12	6	9	6
yong	33	7	6	6	8

2. Таблица символических значений по признаковой шкале «большой-маленький»

	很大的	大的	中大小的	小的	很小的
u	22	17	39	15	6
o	25	41	20	9	4
a	64	13	14	8	0
i	6	10	25	37	19
uo	10	28	46	14	0
ou	10	34	39	14	2
ao	33	43	17	7	0
uai	19	19	36	24	1
uan	5	27	38	21	4
uang	23	23	25	16	8
ui	7	16	29	31	11
un	3	18	35	28	11
ong	18	23	27	16	10
ai	23	30	23	13	6
in	5	17	17	20	14
ing	11	13	29	24	17
an	14	35	27	9	5
ang	30	26	27	6	7
wa	46	5	6	3	
yu	5	8	20	22	5
ei	2	8	28	20	2
yue	10	14	20	12	4
yun	16	13	14	16	1
ian	5	13	22	11	9
yuan	20	20	11	8	1
yong	12	16	16	8	8

3. Таблица символических значений по признаковой шкале «медленный-быстрый»

	很慢的	慢的	中速度的	快的	很快的
u	24	39	21	9	3
o	17	40	25	15	1
a	18	27	19	22	10
i	10	23	18	35	11
uo	10	32	41	13	3
ou	11	36	33	16	2

ao	14	32	32	13	4
uai	11	23	33	25	6
uan	9	20	43	21	4
uang	16	20	37	23	1
ui	8	22	27	31	9
un	10	23	33	25	5
ong	18	25	32	18	4
ai	17	26	25	17	12
in	8	16	26	28	18
ing	11	18	33	23	9
an	12	22	30	27	9
ang	20	27	29	17	7
wa	14	9	8	14	15
yu	10	16	16	15	3
ei	4	19	14	16	7
yue	12	16	20	7	5
yun	12	15	16	13	4
ian	9	14	15	14	8
yuan	16	10	17	12	5
yong	13	10	15	16	6

4. Таблица символических значений по признаковой шкале «светлый-темный»

	很浅色的	浅色的	没有颜色的	深色的	很深色的
u	16	30	16	32	6
o	10	31	27	24	8
a	21	32	19	18	10
i	19	36	34	7	4
uo	11	27	32	22	8
ou	6	24	25	28	17
ao	13	26	24	23	14
uai	12	20	29	24	15
uan	13	27	24	29	7
uang	8	12	36	28	16
ui	15	35	28	15	7
un	16	24	29	23	8
ong	9	14	28	30	19
ai	24	36	26	7	7

in	15	33	26	21	5
ing	18	19	24	23	16
an	15	30	34	14	7
ang	10	13	24	27	26
wa	5	7	15	22	11
yu	9	21	18	8	4
ei	7	12	30	10	1
yue	12	24	11	6	7
yun	21	11	9	11	8
ian	6	9	35	6	4
yuan	7	13	26	12	2
yong	8	9	22	9	12

5. Таблица символических значений по признаковой шкале «мягкий-твердый»

	很软的	软的	硬的	很硬的	没有这种性质
u	27	45	21	2	5
o	20	45	29	3	3
a	27	18	39	11	5
i	17	42	30	8	3
uo	12	48	23	9	8
ou	13	39	28	10	10
ao	25	43	20	5	7
uai	13	28	37	12	10
uan	7	27	43	18	5
uang	10	20	32	26	12
ui	12	35	34	9	10
un	13	29	41	9	8
ong	17	22	39	15	7
ai	23	40	24	6	7
in	9	34	34	16	7
ing	11	23	33	24	9
an	20	30	39	6	5
ang	13	19	22	37	9
wa	9	12	25	11	3
yu	9	37	8	4	2
ei	7	17	23	6	7
yue	10	23	13	6	8

yun	17	24	12	3	4
ian	9	14	16	7	14
yuan	6	25	17	6	6
yong	5	14	14	16	11

6. Таблица символических значений по признаковой шкале «активный-пассивный»

	很消极的	消极的	积极的	很积极的	没有这种性质
u	22	37	22	2	17
o	8	16	58	4	14
a	9	5	42	33	11
i	7	22	39	13	19
uo	7	38	24	10	21
ou	14	30	33	9	14
ao	7	22	39	18	14
uai	10	36	26	10	18
uan	12	27	28	9	24
uang	15	23	33	10	19
ui	13	34	27	15	11
un	14	32	31	9	14
ong	10	29	32	14	15
ai	17	21	38	17	7
in	7	20	46	16	11
ing	10	16	39	16	19
an	9	17	38	18	18
ang	15	18	30	16	21
wa	3	7	20	24	6
yu	9	27	15	3	6
ei	7	22	18	6	7
yue	9	7	20	11	13
yun	18	28	6	4	4
ian	4	9	13	7	27
yuan	6	15	17	11	11
yong	9	7	11	17	16

ПРИЛОЖЕНИЕ № 6

ТАБЛИЦА ОДНОСЛОЖНЫХ СЛОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ «ОКРУГЛОСТИ»

№	Слова	Иероглиф		Инициаль	Финаль
1	амфора, кувшин; барабан	缶	fou ³	f	ou
2	арка, свод	拱	gong ³	g	ong
3	арка, свод	券	xuan ⁴	x	uan
4	атом	原子	yuan ² zi		yuan
5	бадья, кадушка, ведро	筲	shao ¹	sh	ao
6	барабан	鼓	gu ³	g	u
7	бахчевые культуры	瓜	gua ¹	g	ua
8	беременность	孕	yun ⁴		yun
9	блин	饼	bing ³	b	ing
10	бобы	豆	dou ⁴	d	ou
11	болото, пруд	沼	zhao ³	zh	ao
12	бородавка	瘰子	hou ² zi	h	ou
13	браслет	钏	chuan ⁴	ch	uan
14	браслет	镯	zhuo ²	zh	uo
15	бугор, курган, насыпь	墩	dun ¹	d	un
16	ведро, бочка	桶	tong ³	t	ong
17	веер, опахало	扇子	shan ⁴ zi	sh	an
18	вогнутый	凹	ao ¹		ao
19	волдырь, пузырь (мед.)	疱	pao ⁴	p	ao
20	вращаться, вертеться, крутиться	转	zhuan ⁴	zh	uan
21	выпуклый, рельефный	凸	tu ¹	t	u
22	гиря	砣	tuo ²	t	uo
23	глаз	目	mu ⁴	m	u
24	глиняный сосуд пузатой формы	坛子	tan ² zi	t	an
25	гнездо	巢	chao ²	ch	ao
26	гнездо	窝	wo ¹		uo
27	голова	头	tou ²	t	ou

28	голова	首	shou ³	sh	ou
29	гонг	锣	luo ²	l	uo
30	горбиться, сутулиться	驼	tuo ²	t	uo
31	горшок, банка	罐	guan ⁴	g	uan
32	гранат	榴	liu ²	l	iu
33	грудь женская	乳	ru ³	r	u
34	губа	唇	chun ²	ch	un
35	дуга	弧	hu ²	h	u
36	дым	烟	yan ¹		ian
37	дыра, отверстие	孔	kong ³	k	ong
38	жемчуг	珠	zhu ¹	zh	u
39	живот, брюхо	肚子	du ⁴ zi	d	u
40	живот, брюхо	腹	fu ⁴	f	u
41	залив	澳	ao ⁴		ao
42	зародыш	胎	tai ¹	t	ai
43	завиток, кудри	髻	quan ²	q	uan
44	зерно, крупинка	粒	li ⁴	l	i
45	зерна, семена	种子	zhong ³ zi	zh	ong
46	зонтик	伞	san ³	s	an
47	зрачок	瞳	tong ²	t	ong
48	зрачок	眸子	mou ² zi	m	ou
49	изгиб, извилина	曲	qu ¹	q	u
50	изгиб, извилина	湾	wan ¹		uan
51	изгиб, извилина	弯子	wan ¹ zi		uan
52	извиваться, извилистый	蜿	wan ¹		uan
53	капля, точка	点	dian ³	d	ian
54	карман, кружить (кружение)	兜	dou ¹	d	ou
55	катиться, кататься, клубиться	滚	gun ³	g	un
56	ковш, черпак, ложка	勺	shao ²	sh	ao
57	кокон	茧子	jian ³ zi	j	ian

58	колесо	轮	lun ²	l	un
59	комок, клубок, круглый	团	tuan ²	t	uan
60	колокол, часы	钟	zhong ¹	zh	ong
61	колпак, абажур, корзина (для ловли рыбы)	罩	zhao ⁴	zh	ao
62	кольцо	环	huan ²	h	uan
63	корзина	筐	kuang ¹	k	uang
64	косточка, ядро	核	he ²	h	e
65	котел (для варки пищи)	釜	fu ³	f	u
66	котел, кастрюля	锅	guo ¹	g	uo
67	круг; крутиться, кружиться, вращаться	旋	xuan ²	x	uan
68	круг	圆	yuan ²		yuan
69	круг, кольцо	圈	quan ¹	q	uan
70	круг, оборот	周	zhou ¹	zh	ou
71	кулак	拳	quan ²	q	uan
72	ладошка	掌	zhang ³	zh	ang
73	лапа	爪	zhao ³	zh	ao
74	лицо	脸	lian ³	l	ian
75	лицо	面	mian ⁴	m	ian
76	локоть	肘	zhou ³	zh	ou
77	лук (овощ)	葱	cong ¹	c	ong
78	лук (оружие)	弓	gong ¹	g	ong
79	мандарин	橘子	ju ² zi	j	u
80	мозг	脑	nao ³	n	ao
81	мозоль	趺子	jian ³ zi	j	ian
82	молекула	分子	fen ³ zi	f	en
83	мотать, обматывать	缠	chan ²	ch	an
84	мотать, обвивать; вокруг, кругом	绕	rao ⁴	r	ao
85	мыло	皂	zao ⁴	z	ao
86	наручники	铐	kao ⁴	k	ao
87	ноль	零	ling ²	l	ing

88	нора, пещера, логово	洞	dong ⁴	d	ong
89	облако	云	yun ²		yun
90	обнимать, обхватывать	抱	bao ⁴	b	ao
91	овальные линии на подушках пальцев	斗	dou ³	d	ou
92	обруч	箍	gu ¹	g	u
93	озеро	湖	hu ²	h	u
94	опухоль	瘤	liu ²	l	iu
95	опухоль, опухать	肿	zhong ³	zh	ong
96	орбита, глазница	眶	kuang ⁴	k	uang
97	остров	岛	dao ³	d	ao
98	паук	蛛	zhu ¹	zh	u
99	персик	桃	tao ²	t	ao
100	плод, фрукт	果	guo ³	g	uo
101	полный, толстый, тучный	胖	pang ⁴	p	ang
102	полость	腔	qiang ¹	q	iang
103	пуговица	扣	kou ⁴	k	ou
104	пузырь	泡	pao ⁴	p	ao
105	пупок	臍	zhun ¹	zh	un
106	пухнуть	肿	zhong ³	zh	ong
107	пятка	踵	zhong ³	zh	ong
108	радуга	虹	hong ²	h	ong
109	родинка	瘡子	wu ⁴ zi		u
110	роса	露	lu ⁴	l	u
111	рот	口	kou ³	k	ou
112	рот	嘴	zui ³	z	ui
113	рулон, сверток, рол	卷	juan ³	j	uan
114	руль	舵	duo ⁴	d	uo
115	сверток, узел, тюк; обертывать	包	bao ¹	b	ao
116	седло	座子	zuo ⁴ zi	z	uo
117	сито, решето	罗	luo ²	l	uo

118	солнце	日	ri ⁴	r	i
119	спираль, винт; спиральная раковина	螺	luo ²	l	uo
120	стог, копна	垛	duo ⁴	d	uo
121	таз, лохань	盆	pen ²	p	en
122	тарелка, блюдце	碟子	die ² zi	d	ie
123	тарелка, блюдо	盘子	pan ² zi	p	an
124	тарелка (музыкальная)	饶	nao ²	n	ao
125	труба, горн	号	hao ⁴	h	ao
126	труба, цилиндр	筒	tong ³	t	ong
127	узел, узелок	节子	jie ² zi	j	ie
128	финик	枣	zao ³	z	ao
129	фурункул, чирей	疖子	jie ¹ zi	j	ie
130	холм	丘	qiu ¹	q	iu
131	цветок	花	hua ¹	h	ua
132	чайник	壶	hu ²	h	u
133	чашка, бокал	盅子	zhong ¹ zi	zh	ong
134	чашка, чашечка	碗	wan ³		uan
135	чашка, чашечка	盏	zhan ³	zh	an
136	череп	颅	lu ²	l	u
137	чеснок	蒜	suan ⁴	s	uan
138	шапка, головной убор	冠	guan ¹	g	uan
139	шар, сфера	球	qiu ²	q	iu
140	шарик, катыш, пилюля	丸子	wan ² zi		uan
141	шарик, патрон, бомба	弹	dan ⁴	d	an
142	шляпа	帽子	mao ⁴ zi	m	ao
143	щека	腮	sai ¹	s	ai
144	щека	颊	jia ²	j	ia
145	яйцо	蛋	dan ⁴	d	an
146	яйцо	卵	luan ³	l	uan
147	яма	坑	keng ¹	k	eng